

Р. Плетнев

А. И. СОЛЖЕНИЦЫН

«СВОБОДНЫЕ НЕ ЦЕЛУЮТ ЦЕПЕЙ!»

П. П. Гераш

YMCA-PRESS

Paris

Р. ПЛЕТЕВ

А. И. СОЛЖЕНИЦЫН

Второе дополненное издание

YMCA-PRESS

11, rue de la Montagne S-te Geneviève

Paris V

«...Туманные проходят годы,
И попережку дышим мы
То затхлым воздухом свободы,
То вольным холодом тюрьмы.
И принимаем попережку
С надменностью встречая их, —
То восхищенье, то насмешку
От современников своих».

Георгий Иванов

ВВЕДЕНИЕ

Под моими подошвами всю мою жизнь — земля отечества, только ее боль я слышу, только о ней пишу.

А. Солженицын.

Александр Исаевич Солженицын во всей подсоветской да и вообще русской литературе — явление исключительное и великое. Нет писателя равного ему по правдивому изображению сталинщины, лагерей, отрицательных сторон жизни под коммунизмом. Правда описана, действительность показана, в художественном воспроизведении их, огромным, своеобразным талантом. Ложь и бессовестность, жестокость и глупость — враги писателя. Знание разных сторон жизни СССР изумительное, образование широкое, храбрость в своей борьбе за правду и честность того, что сказано — героическая.

Обсуждалась рукопись РАКОВОГО КОРПУСА в секции прозы с активом 17 ноября 1966 года и на заседании Секретариата Союза писателей 22. 9. 1967. Восторги сменялись поношениями и угрозами. Известная поэтесса — Белла Ахмадулина — воскликнула, обращаясь к Солженицыну: «Прекрасный человек! Помогимся Господу Богу, чтобы Он дал здоровья Александру Солженицыну!» Знаменитый писатель В. А. Каверин говорил о «необыкновенных высотах» воплощения прошлого, о внутренней свободе и могучем стремлении к правде... «Поставить людей разных профессий, разного уровня образования, разной степени нравственной тонкости лицом к лицу со смертью. Это задача огромная, — большая, чем в СМЕРТИ ИВАНА ИЛЬИЧА». Г. Березко: «Повесть производит оглушительное впечатление, вещь необычайной художественной силы...» М. А. Шолохов: «Сумасшедший. Не писатель. Антисо-

ветский клеветник». А. Е. Корнейчук заявлял: «Ваши (Солженицына) выступления — только прокурорские».

Кожевников: «РАКОВЫЙ КОРПУС вызывает отвращение от обилия натурализма . . . главный план его — не медицинский, а социальный, и он-то неприемлем». Баруздин: «Раковый же корпус — антигуманистическая вещь. Конец повести подводит к тому, что «по другому пути надо было идти . . .» А. А. Сурков: «. . . Произведения Солженицына, для нас, опасней Пастернака: Пастернак был человек, оторванный от жизни, а Солженицын — с живым, боевым, идейным темпераментом, это идейный человек».

Так по-разному толковали писатели. Решение же было одно: не печатать и приструнить Солженицына.¹

После напечатания повести ОДИН ДЕНЬ ИВАНА ДЕНИСОВИЧА в 1962 г. в журнале НОВЫЙ МИР, понеслись и письма писателю. Часть их опубликована в том же НОВОМ МИРЕ. И опять, восторги, слезы, преклонения . . . А порою, восхваление стукачей — доносчиков, так как еще в «Словаре» Ушакова сказано: «Недоносительство есть преступление». «Целую Ваши золотые руки. Спасибо за правдивость». Другой пишет: «Земной поклон, Вам, дорогой человек . . .» Третий: «В горле сдавило от предельной силы, от человечности, от гениального совершенства, от бесконечной толстовской глубины». Или: «Это — настоящая жизнь, настолько боль, что кажется, может остановиться сердце».

Почему напечатали ОДИН ДЕНЬ ИВАНА ДЕНИСОВИЧА в 1962 г.? Дело тут не в таланте Солженицына и не в восторге от повести редактора — поэта А. Т. Твардовского. Н. С. Хрущеву была нужна опора для борьбы с «культом личности» Сталина. 25 февраля 1956 г. на заседании XX съезда компартии он говорил: «. . . факты доказывают, что Сталин злоупотреблял своею неограниченной властью . . . Сталин создал концепцию «врага народа» . . . Концепция повлекла за собою массовые расстрелы . . . ни в чем не повинных людей . . . Ста-

---

¹ См. подробнее статью (Дело Солженицына) А. Белинкова в Новом Журнале, № 93, Нью-Йорк 1968 г., стр. 209—268.

лин прибегал к чрезвычайным методам и массовым репрессиям». Повесть Солженицына помогала в борьбе с противниками и с неосталинистами. Теперь она не переиздается и даже не выдается для чтения в ряде библиотек. Но вся жизнь, все творчество писателя — борьба словом против сталинщины и ее приверженцев. Это самый бескомпромиссный боец и воин, увы, часто одинокий, да крепко верящий: «И один в поле воин!» — Мы знаем немного фактов из жизни Александра Исаевича. Родился, вероятно, в 1918 г.² Жил на юге России. Окончил в 1941 году с отличием физико-математический факультет в Ростове. Года два учился и заочно на филологическом факультете Московского Института истории, философии и литературы. Когда началась война с Гитлером, был в кавалерии и позже — в полевой артиллерии. Командовал батареей и был награжден орденами за боевые заслуги. Будучи уже в Восточной Пруссии, был арестован за критику сталинщины в частном письме, хотя имя Сталина прямо и не упоминалось. Восемь лет провел Солженицын в концлагерях. «Сверх восьмилетнего приговора я просидел месяц в пересыльных тюрьмах...³ затем БЕЗ ПРИГОВОРА получил ВЕЧНУЮ ссылку, с этой ВЕЧНОЙ обреченностью просидел три года в ссылке, только благодаря XX съезду освобожден...» Эти слова сказал писатель 22 сентября 1967 г. в заседании Секретариата (запись А. В. Белинкова). Из материалов дела по реабилитации А. И. Солженицына (цитировано Л. Чуковской) «видно, что Солженицын в своем дневнике и в письмах к своему товарищу, говоря о правильности марксизма-ленинизма... высказался против культа личности Сталина». Известно, что был женат, что ради спасения жены^{3*} настоял на разводе. Теперь есть сведения: живет с женою, у которой дети от второго брака, но после реабилитации писателя, первый брак восстановлен. Учитель-

---

² А. Солженицын: Сочинения. «Посев», Франкфурт на Майне 1966 г., на стр. 317 дан год рождения 1917. Ряд фактов этому противоречит. Вернее будет — 1918 г.

³ Об ужасах пересыльных тюрем см. «В круге первом» и А. Марченко: Мои показания. La Presse Libre. Paris, 1969.

^{3*} Урожденная Наталия Алексеевна Решетовская (химичка).

ствуует в Рязани, где преподает физику. Живет замкнуто. Смог тепло одеться и обуться только получив гонорар из «Нового Мира» за ОДИН ДЕНЬ ИВАНА ДЕНИСОВИЧА. Не любит и боится (с правом) интервью. Самое важное интервью дал он словацкому писателю П. Личко в 1967 г. Напечатано в Братиславе в журнале „Kulturný život“, № 13. Там указан и год рождения — 1918 и место рождения — Кисловодск. Когда он был переведен в Караганду, там все заключенные носили «номера на лбу, на груди, на спине и на коленях». ⁴ Номер Солженицына был 232. Работая как каменщик, писатель уже обдумывал повесть об Иване Денисовиче в 50-х годах. Срок кончился в феврале 1953 г., но выпустили, после проволочек, только через месяц — в начале марта и то на вечную ссылку. Жил, отбывая ссылку, в ауле Казахстана Кок Терен (Зеленый тополь), там написан МАТРЕНИН ДВОР. Год 1953, как напечатано в «Новом Мире», указан по цензурным соображениям, правильно — 1956. Из Кок Терена он раз ездил лечиться от рака в Ташкент. (Основное дано в РАКОВОМ КОРПУСЕ). В интервью с Павлом Личко особенно интересны высказывания писателя о литературе и творчестве художника слова: литература должна быть с теми, кто страждет. Писатель обязан прежде всего перед самим собой, ибо жизнь общества не есть полностью и жизнь личности. Человек поставлен перед многими проблемами, которые не может разрешить общество, коллектив. Современность и Вечность стоят перед писателем нашей техникой пронизанной эпохи. Вопросы этики связаны с повсеместным ослаблением роли религии. Современное и Вечное должны быть как-то уравновешены в душе и творчестве писателя. Для кого нет взглядов в Вечное, выдохнется и умрет как писатель, задушенный своей современностью, одна же дорога к Вечному не даст творениям «цвет, силу и воздух». Тяжела судьба писателя и должен он быть «готов и к несправедливости». Язык писателя должен быть бо-

---

⁴ О номерах есть ряд страниц в «Один день Ивана Денисовича».

гат и нестандартен. Романы Солженицына — полифонического, многоголосого типа, где десятки героев должны быть все со своими голосами.

Мне кажется, что положение, — название книги ВЕЛИКИЙ ПИСАТЕЛЬ ЗЕМЛИ СССР, — можно доказать. Для взвешивания значения писателя существуют разные методы.⁵ Многосторонность оценки, даже писателя не подвергшегося «пробе временем», дает размеры и значение его творчества. На этой правдивой оценке и построена вся книга о Солженицыне. 1. Честность, правдивость, отсутствие «лакировки». 2. Богатство языка, разнообразие лексики. 3. Своеобразие стиля. 4. Образованность, начитанность и знание разных сторон жизни. 5. Настороженная чуткость органов чувств. 6. Совесть, сердце просветленное и очищенное страданиями. 7. Связь с родной литературой. 8. Способность к перевоплощению в разные натуры, разные возрасты, понимание чуждого мировоззрения. 9. Новая или по-новому освещенная идея. 10. Ощущение эпохи и ее доминанты. 11. Синтез науки, философии и практики современников. 12. Искусство быть интересным — увлекать читателя. 13. Напряженность, страстная самоотдача писательству и вера в мощь слова. 14. Современность и вместе сверхвременность искусства писателя, где свое Время и Пространство, Сегодняшнее и Вечное.

Слово «великий» связано с пространственно-временным. Есть две вечности. Одна — земная, другая — божественная, сверхвременная. До тех пор пока люди живут и действуют, они меряют и весят. Дух страдает от зла, если в нем отражен лик Добра. Память Истины дается часто только страданию Добра. Таково и все творчество Солженицына. Для нас оно временно-вечное в борении за Добро.

---

⁵ См. Великий писатель, статья в «Новом Русском Слове» от 9 марта 1969 г. (Нью-Йорк) и мою книгу „Entretiens sur littérature russe“, Montréal, 1964, стр. 34, 36, 256, 258, 260 и 314.

I

ОДИН ДЕНЬ ИВАНА ДЕНИСОВИЧА

Творчество Солженицына больше известно за границей, чем на родине писателя. Два главных, до сих пор, романа РАКОВЫЙ КОРПУС и В КРУГЕ ПЕРВОМ в СССР не были официально напечатаны. Есть сведения вполне проверенные, что В КРУГЕ ПЕРВОМ было напечатано для членов КГБ в ограниченном числе экземпляров. Несколько раз в печати упоминался корреспондент советских газет Луи Виктор, тот самый который продавал мемуары Светланы Аллилуевой немецкому журналу „Stern“. Говорят, что против желания Солженицына, Виктор Луи вывез за границу и рукопись РАКОВОГО КОРПУСА. Писатель протестовал против конфискации и вывоза на Запад «усматривая в этом попытку провокации со стороны КГБ». ⁶ Рассказ ПРАВАЯ КИСТЬ не был напечатан в СССР и ходил в списках. ⁷ За границей он был напечатан в журнале «Грани» в 1968 г. и в «Новом Журнале» № 93 в 1969 г. Также и рассказы — стихотворения в прозе, ⁸ числом пятнадцать, ходили частью в списках и были напечатаны издательством «Посев» в книге СОЧИНЕНИЯ СОЛЖЕНИЦЫНА во Франкфурте в 1966 г. — В России известны в печатном виде — СЛУЧАЙ НА СТАНЦИИ КРЕЧЕТОВКА, МАТРЕНИН ДВОР, ДЛЯ ПОЛЬЗЫ ДЕЛА и ЗАХАР-КАЛИТА, благодаря редакции «Нового Мира». По изумительной слаженности всех частей, по собранности силы языка, стилистическому мастерству и концентрации действия, пожалуй, выше всего ОДИН ДЕНЬ ИВАНА ДЕНИСОВИЧА. Он принес авто-

---

⁶ См. «Новое Русское Слово», Нью-Йорк, 8. 3. 1969 г., стр. 2.

⁷ То же и рассказ «Пасхальный крестный ход».

⁸ Термин самого Солженицына.

ру мировую известность и он же начало его непреклонной борьбы с жестокостью и ложью сталинщины. С него и следует начать разбор и оценку творчества Солженицына.

Язык — плоть облекающая скелет — структуру произведения. Идея — его душа, нервы и дух — стиль. Язык же есть прежде всего лексика, словарный состав и фразеология. Место и формы авторского голоса уже касаются стиля. Стиль должен быть индивидуален, язык — не всегда ярко личен. Но с первых же страниц повести мы в особой стихии языка героев и их автора. Поражает богатство, своеобразие, меткая точность и живая пластичность.

«Искусство всегда современно и действительно, никогда не существовало иначе и, главное, не может иначе существовать». Так сказал однажды в ДНЕВНИКЕ ПИСАТЕЛЯ Ф. Достоевский. И язык Солженицына пропитан современностью, действительностью, токами своего времени. Характерная его черта — обилие просторечного народного элемента. В данном произведении, конечно, и языка, лексики каторжан-лагерников. В основном это язык Ивана Денисовича, одного из многих «русских Иванов», имя им — легион.

Следует различать в словарном составе русского языка шесть слоев: 1) просторечно-разговорный; 2) специально-лагерный, 3) технический, 4) общелитературный, 5) архаическо-церковнославянский и 6) диалектически-местный.

Даже в тюрьме и лагерях Солженицын пристально и вбирчиво вникал в «Толковый словарь» В. И. Даля. Он отрицал язык штампов, язык утративший прямую связь с народной стихией. Литературщина ему противна. Писателю хотелось знать как народ по-своему, по чисто русскому обрабатывал, обтачивал и окатывал разные понятия и представления, описывал звуковую и вещную сторону явлений и предметов. О словаре Даля и его чтении говорит и Нержин В КРУГЕ ПЕРВОМ. Многое принял в свой язык писатель из литературы и прямо от народа на войне и в лагере. И вот, если срав-

нивать язык ЗАПИСОК ИЗ МЕРТВОГО ДОМА Достоевского и ОДНОГО ДНЯ ИВАНА ДЕНИСОВИЧА, то сразу бросается в глаза бóльшая грубость языка в новых советских условиях каторги. И дело тут не в том, что Горянчиков у Достоевского человек интеллигентный, а в самой жизни более трудной и нормированной. Ни о собаках, ни о бесчисленных обысках на морозе или в бараке при Николае I нет и помину. Помещения были теплыми, работой в общем, не угнетали. Водили и в церковь, а по пути можно было от населения и милостыньку получить. В советских условиях прежде всего чувствуются страшный *холод* и *холодная злоба*, непосильный труд, ненависть и особая ругань нового времени.

Из шести слоев словарного состава русского языка для нас интересен первый в его связи со вторым и шестым. Повесть как бы ведется не от имени, а через мировосприятие Ивана Денисовича Шухова⁹ — простого полуграмотного лагерника из крестьян. По временам вступает авторский голос, дающий свои картинные определения. Так о кавторанге Буйновском,^{9*} что это был «властный звонкий морской офицер» и подчеркивается в другом месте его *металлический* голос. Отсюда же и обилие народных пословиц, речений и формулировок: бушлат — верхняя одежда; захватчивый — увлекательный; захалтырить — удержать, затерять; заначить — сделать, с начала, устроить; загнуться — умереть; бушлат деревянный — гроб; загнуть — выругать, солгать — преувеличить; в охотку — охотно, с радостью; аж пока крикнет, кряхти да гнись, а упрешься — переломишься; бегма бегут — бегут во всю прыть; балан — бревно; буркотеть — ворчать; баланда — арестантская похлебка; блеснить — сверкать; блат, по блату — протекция, благодаря связям; бедолага — бедняга; вдлинь — вдоль; вкальвать — тяжело работать; вспоясаться — опоясаться; грев — огонь, тепло; доходить, доходяга — умирать, умирающий; думка — мысль; дрын¹⁰ — клин,

⁹ Вероятно Шухов от шух, шуга — мелкий лед, сало.

^{9*} В жизни — Борис Бурковский, см. «Известия», 15. 1. 1964.

¹⁰ Редкое диалектическое слово.

род сошника, кол; пайка — хлебная порция, паёк; изгалиться — унизить, поиздеваться; испыткок — попытка; качать права — требовать законность, свое право; гужеваться — медлить; кесь — кажись, возможно; с ей кормимся — ею, с нее кормимся; кондей — арестантская тюрьма, карцер; кум — старший среди доносчиков, управляющий кому доносят; лапа, на лапу совать — взятка, подкуп; лезо — лезвие, острое; лесоповал — вырубка леса, работа в лесу; магара — восточное слово для наихудшего сорта крупы; начкар — начальник караула; нажать — съесть, проглотить; наскорях — в спешке; напрожег — вполне, досконально; обневолю — невольно; обутка — обувь, тип лаптя; озор — видимая даль; обая — оба; оттрагивать — отходить, отдаляться; паять — ударить, дать продолжение срока каторги; перепоздниться — опоздать, задержаться; падло — гадина; прогаркнуться — прочистить горло, кашлянуть; попка — часовой на вышке; от пуза — сколько съешь, сколько влезет; придурок — бездельник, обычно по протекции; разморчивая — размаривающая; рубезок, рубезочек — тесемка, завязка; стучать, стукач — доносить, доносчик; смефуечка — усмешка, шутка; самодумка — самостоятельное решение; тленная — гнилая, полуистлевшая; туфта — жульническая видимость работы; темнить — путать, затемнять смысл; ухайдакаться — переутомиться; фитиль, фитилек — ослабевший лагерник, инвалид; чушкаться — задерживаться, драться; шмон — обыск; шурануть — отпихнуть; шалманом ¹¹ — беспорядочно.

Пословица, прибаутка к слову молвится, к мысли приходит и ее оформляет. В меру и к месту пословицы и речения в повести ОДИН ДЕНЬ ИВАНА ДЕНИСОВИЧА. Найдет ли кусок старой ножевки Иван Денисович, вспомнит: «запасливый лучше богатого». Крикнет начальство и страх в костях: «битой собаке только плеть покажи». Не весь хлеб сразу съесть: «Брюхо — злодей, старого добра не помнит, завтра опять спросит». У В. Даля читаем: «Брюхо — злодей: старого добра не

---

¹¹ Редкое слово, нет у Даля.

помнит, что ни день, то есть давай». Из Даля же, вероятно, и о «волчьем солнышке» — месяце. Спорит Шухов с капитаном Буйновским куда старый месяц девается. Оглянулся как-то к ночи Шухов, (стр. 85—86) «а месяц-то, батюшка, нахмурился багрово, уже на небо весь вылез. И ущербляться, кесь, чуть начал... Старый месяц Бог на звезды крошит... звезды те от времени падают, пополнять нужно». У Даля — «ветхий месяц Бог на звезды крошит... месяц светит да не греет, только напрасно у Бога хлеб ест». Источник Даль, но все по особому, все по Ивану Денисовичу: месяц — *батюшка, нахмурился багрово, на небо весь вылез; Бог пополняет звезды крошками от месяца. Все задышало новой жизнью в словах простого, наивного лагерника. Иные пословицы получили переосмысление: не «Сытый голодного не разумеет», а «Теплый зябкого разве когда поймет?» Лютая стужа лагеря переделала поговорку в этом страшном каторжном мире, где «кто кого сможет, тот того и глотает» (стр. 56), — «пожале-ет вас батька уса-тый!»¹² (стр. 116). А может быть прав бригадир Тюрин? (стр. 67) «Все ж Ты есть, Создатель, на небе. Долго терпишь да больно бьешь».¹³*

Ругань, брань дело обычное. Теперь особенно часто в жизни, в войсках, на работах слышна непрерывная руготня, мат стоит в воздухе СССР. Но в общем Иван Денисович и его автор скупно передают, часто и эвфемистически, сочно-отвратительную брань: «Сто тебе редек в рот!», «Сволочь хорошая!» — отъявленная; «Недоты-ка хренова», — «чума, шкодник, сука позорная, шушера, мерзотина, падло, блевотина, паскуда, стервоза, сучье вымя». Иногда матюкаются длинной фразой: «И в мать их, и в отца, и в рот, и в нос, и в ребро... Как пятьсот человек на тебя разъярятся, еще б не страшно!»

---

¹² Сталин.

¹³ См. «Бог правду видит, да не скоро скажет» — Л. Толстого.

1. Жизнь

Люта, страшна, голодна, томительна жизнь в холоде на изматывающей работе лагеря. И никто до Солженицына не сумел ее описать так, что ощутимо близка стала и тому кто в лагере полярном и не сидел. Прекрасно рассказал о лагерях Н. Краснов-Младший в НЕЗАБЫВАЕМОЕ, живо и много поведал Б. Ширяев в НЕУГАСИМОЙ ЛАМПАДЕ, да есть и «сентименты». Нарисовал жизнь в Соловках и на Севере за колючей проволокой И. Солоневич, трагична и искрення повесть Евгении Гинзбург КРУТОЙ МАРШРУТ, а все не то, нет этой особой концентрации,¹⁴ где все, весь «счастливый» день русского Ивана перед нами, все — до ошупи, до хруста снега, до своей, Шуховской трагедии и до мук и боли его сотоварищей. Правдиво наивное окончание — мысли Ивана Денисовича — «И слава Тебе, Господи, еще один день прошел». Прошел «счастливый», а каков же несчастливый? — думает читатель.

«Чудно. Чудно вот так посмотреть: степь голая, зона покинутая, снег, под месяцем блещет», конвоиры — оружие на изготовку, собаки кругом. Царь царей — Голод. Он всем правит. Зэк после работы «вымерз, выголодал — и черпак обжигающих вечерних пустых щей для него сейчас, что дождь в сухмень...¹⁵ Этот черпак для него сейчас дороже воли, дороже жизни всей прежней и всей будущей жизни». «Вся зона вокруг заснеженная, пустынная... и вышки черные, и столбы заостренные, под колючку. Сама колючка¹⁶ по солнцу видна, а против — нет». Если в буран «замерзнет арестант в снегу — так пес его ешь», не важно, а вот если убежит! Запоздал, на работе замешкался не по своей вине Иван Денисович да думает: «Темно. Страшно... недосчитаются опоздавшего немного Шухова, бить бу-

---

¹⁴ Только, разве, рассказы Б. Г. Шаламова о Кольме и священнике не уступают повести Солженицына. (См. «Новый Журнал», Нью-Йорк, №№ 85, 86 и 89). Сходны у двух писателей и структурные особенности ряда фраз.

¹⁵ Замечание в духе крестьянского мироощущения.

¹⁶ То есть колючая проволока.

дет конвой». Утром тоже: «вот этой минуты горше нет — на развод идти утром. В темноте, в мороз, с брюхом голодным на день целый». Ветер. — 27° по Цельсию — «ни укрыва, ни грева!» Руки держа сзади, а головы опустив, пошла колонна, как на похороны». Надсмотрщики говорят: «ничего, падлы, делать не умеют и не хотят. Хлеба того не стоят, что им дают. Дерьмом бы их кормить». Этими словами надзирателя из ОДИН ДЕНЬ вторят позднее слова охранника — Ахмаджана из РАКОВОГО КОРПУСА: ¹⁷ кормят арестантов де напрасно, «а их бы говном кормить! А работать не работают». Да неправда это! И сам работая каменщиком, Солженицын дает замечательное описание работы соревнующихся не за страх, а за совесть Шухова и Кильгаса. Охранник, надзиратель, придурок — смотрят, лагерники вкалывают: «Это — как положено, один работает, — один смотрит». Как же живо, ловко, умело на жестоком морозе и ветру работают каменщики на кладке стен! Живой труд увлекает и Шухова и Кильгаса, и Павло, и Буйновского, и глухого Сеньку. И тот «кивает — мол, дадим огоньку? Не отстанем! Смеется». И так описана эта работа Шухова и его смены, что несмотря не термины и специальные выражения не скучно. Мы с увлечением и следим за работой Шухова и думаем: кто победит в соревновании? Обо всем этом помнит писатель. На морозе да на ветру плачет нос Шухова, а в спешке «недосуг и носу утереть». Работают, вкалывают бедолаги, несчастные работяги и думают. «Дума арестантская — и та несвободная, все к тому же возвращается, все снова ворошит: не нащупают ли пайку в матрасе?» И эту законную, отложенную, могут или начальник взять, или свой арестант украсть. Получишь за пустяк, за одно слово десять суток карцера, как и получил Буйновский. Холоден каменный мешок. Темнота. Сырость. Просидеть десять суток — туберкулез, «на всю жизнь здоровья лишиться» (стр. 122—123). А получит кто из «зверохитрого племени» пятнадцать, тот уже из карцера в жизнь не выйдет. Работа же в каждой бригаде

---

¹⁷ Изд. УМСА, 1968, стр. 384.

— круговая порука: не выработала нормы, не показала процента — нет питания, нет, или урезан паек хлеба. Кто и посылки получает, так всему начальству, всем служащим надо от посылки «давать, давать и давать». Много ль и останется? Шухов-то ради жены и детей, там в селе Темгенева, отказался от посылок. Отрекся, а все ждет, что придет посылочка. Прибегут к нему, вызовут... «Но никто не прибегал». Чужим помогал Иван Денисович посылки получать — за них в очереди стоял. И хоть и мороз, а все он замечал: и как от месяца «фонари поблекли» и фонарчик над крыльцом «побалтывается», визжит на морозе. «Радужно светят лампочки, от мороза ли, от грязи». На их харче жиреют те, другие: «завстоловой — откормленный гад, голова как тыква, в плечах аршин. До того силы в нем избыывают,¹⁸ что ходит он — как на пружинах дергается... Он в одной руке тысячи *жизней держит*». Сам, — мелкая сошка, хлеборез из зеков и он сила! Но «Шухову давно понятно, что честно вешая, в хлеборезке не удержишься. Недодача есть в каждой пайке». Оттого как есть жизнь зависит. Иван Денисович от пайки малу корочку себе оставляет, чтобы уже начисто всю кашу выскрести, обтереть и ни крупиночки на миске не оставить. Оттого после побудки, если есть миг, зэки не дремлют, они *обмирают* «Аж пока бригадир крикнет: «Па-дъем!» И думает Шухов: что ж, еще жить можно! Вон в Усть Ижме он и цыngu на лесоповале получил — сколько зубов выпало. — Пока в бараке — «молись от радости».

2. Шухов и другие

За что попал Шухов в лагерь? Он — не дурак, отлично знает (стр. 130): «за то, что в сорок первом к войне не приготовились». Был он взят в плен. Бежал, попал к своим, да по глупости, сказал, что был в плену, а не в окружении. Тогда многие в плен шли. Ему идиот-

---

¹⁸ Избыток, через край; народное выражение.

ское начальство не поверило. Дескать, он тайное задание от немецкой разведки получил, он — малограмотный солдатик! Какое же? Ну, этого ни сам следователь, ни Шухов не могли придумать. Так и решили: задание. «Дали ему десять лет. Тогда давали десятку, потом давали двадцать пять лет. А выпустят ли, когда досидит свой срок? Это не известно. Многим продолжают сроки без суда. Шухов, конечно, надеется, да не очень».

Об Иване Денисовиче Шухове и в СССР и за границей шел спор в газетах и журналах. Тип очень ярко описан, стоит как живой, а какой он: положительный, отрицательный, или ни то, ни се, ни рыба ни мясо? Шухов разумеется не великий герой, но и не шкурник. Автор особенно подчеркивает чувство собственного достоинства у Ивана Денисовича. Запомнил он хорошо некогда сказанные ему слова бригадира Кузьмина: «здесь, ребята, закон — тайга» — закон джунглей — умри, ты, сегодня, а я — завтра! Гибнет стукач, гибнет опустившийся мисколиз-попрошайка. Разумный работяга может и выжить. Шухов беззащитен, жилист да не очень могуч, да и не с чего сил набрать. Он имеет и золотые руки: тапочки ли кому сшить, вылатать ли телогрейку, сделать ли из обломка стали ножик, — все может и хочет. «Богатому бригаднику подать сухие валенки прямо на койку, чтоб ему босиком не топтаться вокруг кучи» валенок, в очереди постоять за Цезаря. Ну, тогда что-то получит с него. Лишнюю, Цезарю ненужную, при посылке порцию, или два кусочка сахара, два печенья, ломтик колбасы за то, что тайно услужил запрещенным в бараке, а необходимым ножичком. Все нужно уметь, все подметить, все использовать. Шухов же и плотник, и каменщик, и жестянник. Искренно он любит труд, все заработанное. Читая письма жены, как многие зарабатывают шутя — ковры рисуют по трафарету на всякой рвани, думает про себя: за что не доплатишь, того и не доносишь. Легко, задаром получишь, даром и просадишь. Не лучше ли быть печником? Он и это рукомерло знает. Бойтся же, что сошлют на поселение, а не дадут ему и после срока воли, и после первой десятки лет «скажут, на тебе еще одну». Шухову до-

ступно и чувство жалости. Он пожалел и пресмыкавшегося пройдоху Фетюкова; ради детей он, ведь, и от посылок отказался, он и «богатого» Цезаря Марковича: «пожалел от души» Цезаря. Любит он и ловкача юношу Гопчика — своих-то сыновей у Ивана Денисовича не было. Дает печенье так, просто по доброте, баптисту Алешке, смиренно тихому и неумелому. Деликатный Алешка отнекивается, хоть и голоден и устал. Иван Денисович уговаривает, замечая не без гордости: «у нас нет, так мы всегда заработаем». Но тут твердость, цепкость нужна, глаз расчета. Алешка «неумелец он, всем угождает, а заработать не может». А религия? И говорит Шухов Алешке: «я ж не против Бога, понимаешь. В Бога я охотно верю. Только вот не верю я в рай и в ад. Зачем вы нас за дурачков считаете, рай и ад нам сулите? . . . Сколько ни молись, а сроку не скинут. Так от звонка до звонка и досидишь». Казалось бы ясно, да сложнее душа человеческая. И слабость и сила, вера и сомнение в разные моменты различны. Знает об этом автор. Вот обыск — шмон. Найдут обломок ножовки у Ивана Денисовича и карцера ему не миновать да и мордобоя может быть. Испуган Шухов и «возносчиво помолился про себя: «Господи! Спаси! Не дай мне карцера!» Спасся, обрадовался и . . . не возблагодарил Бога, а почему — «некогда было» (стр. 98—99). Сколько тут правды ничем не приукрашенной! Да, Шухов не смиренный Алешка, кому надо и можно и сдачи даст. Порою от слабейшего и поднос вырвет. Но не предаст, не продаст, и не продастся. Высмотрит как с гущей в котле, какие порции баланды пустой, а где хоть картошинка да сыщется. И работа, просто спешная работа его до беззаветной отдачи увлекает. И на работе он даром «не залупается» (возмущается, бунтует), тянет, сколько может бригаде помогает. Человечен, прост и ясен образ этого русского крестьянина-лагерника. Его и жалеешь и невольно уважаешь.

Вокруг Ивана Денисовича кипит и бьется черно-грязными волнами кипуче ненужная жизнь лагеря. Лагерники все, все почти попали так, по несчастному случаю, да по воле Смерша или эмгебешников. В ста-

де зэков есть и из ранее привилегированных морских офицеров. Тут не знавший «жизни без золотых погон, с адмиралом английским якшался, а теперь с Фетюковым носилки таскает». А вины его нет, разве, что после войны прислали ему англичане подарок «в знак благодарности» за службу на ихнем корабле связистом. Ну и сцапали капитана сталинисты. И слышен внезапно голос самого автора: «человека можно и так повернуть и так», и он же так, словно вскользь, о перенапрягавшемся кавторанге, «кто быстро бегают, тому сроку в лагере не дожить — упарится, свалится». Не падает духом несчастный Буйновский, хоть из сил выбивается. Встретив своего брата — интеллигента — в спор вступает о новой (в газете «Вечерка» из Москвы прочли они) премьере Завадского.¹⁹ Смотрит на него Шухов и жалеет, а не понимает их разговора, ни слов о кинокартине и о том, что «гении не подгоняют трактовку под вкус тиранов!» Или, что морская жизнь на картине «немножко кукольная». Зато видит Иван Денисович как «с ног уж валится кавторанг, а тянет». Такой мерин у Шухова был. «Шухов-то его приберегал, а потом подрезался он. Шкуру с его сняли». Не так же ли подрезался и Буйновский, отстаивая права свои и сотоварищей, да в ледяной карцер и угодил. Символ этот — мерин, не случайно автор его вспомнил.

Со зрелым мастерством, чуть слова, чуть жест, немного рассказа и образ бригадира Тюрина врезается в память. От чего перешиблена, искажена навек жизнь некогда бравого отличника-пулеметчика? Видите ли вы, докопалось начальство, что он сын кулака.²⁰ А кто кулак? — всякий зажиточный хлебороб. Ну не кулак, так подкулачник. Весь рассказ Тюрина сплошная трагедия. И как его без билета и без теплого обмундирования выгнали, и как ночью он братишку увел, чтоб блатным да уркам «на воспитание» отдать, и как пря-

---

¹⁹ Юрий Александрович Завадский, рожден 30. 4. 1894. Режиссер, сталинские премии 1946 г. и 1951 г. Ученик Е. Б. Вахтангова.

²⁰ По советской статистике в 1928 г. было 5 618 000 кулаков с семьями. В 1934 г. их насчитывали всего 149 000.

тался как гонимый зверь. Изумителен язык его поведения о себе. В поезде укрыли его на время студентки в своем купе. Рискнули, доброту показали. Постукивал поезд. Пробегали полустанки, семафоры. Вспоминает юных, неопытных девушек уже матерой бригадир: «на столике у них маслице да фуяслице, плащи на крючках покачиваются, чемоданчики в чехолках. *Едут мимо жизни семафоры зеленые...*» Как все чужим глазом подмечено, и как зорко и метко о них — семафоры зеленые! В рассказе бригадира Тюрина есть одна мысль, близкая Солженицыну, мысль об отмщении Бога ли, Судьбы ли злу, злодеям, палачам. Так вспоминается Тюрину, что и злого комиссара и командира полка в 1937—1938 годах смолола ежовская мясорубка. И тут вспоминает он изречение, как и долготерпеливый Создатель больно бьет грешников. Эта мысль повторяется об отплате за зло, за богохульство в РАКОВОМ КОРПУСЕ, мелькает в ПРАВАЯ КИСТЬ, где оплачено тому, кто в 1921 году²¹ «состоял в славном — овском губернском Отряде Особого Назначения имени Мировой Революции и своей рукой много порубил оставшихся гадов». Не спит Немезида и В КРУГЕ ПЕРВОМ.

Описана и редко величавая личность Старика, которому сидеть было навечно. Один срок кончил — другой «паяли». Старик — из непримирившихся, особенный и о нем уже не раз Шухов слышал. Интеллигентный, гордо замкнутый. Подглядывает Иван Денисович, как старик и ест с достоинством, чисто, красиво, как не юрит глазами, не смотрит по чужим мискам, а свое что-то видит о чем думает. Описаны и его руки и лысый череп. Образ незабываемо четок и величав в трагизме неподклонности духа и тела среди пригорбленных лагерных спин.

Читатель почасту останавливается перед неожиданно метким сравнением автора. За столом эки в своих черных бушлатах «сидят один к одному, как семечки в подсолнухе». Солнце и то разное: на морозище «играет зло», а в теплой конторе через окна — весело. Мно-

---

²¹ Гражданская война окончилась осенью 1920 г.!

го их вертится вокруг Шухова и у многих имена не случайно подобраны, во многих скрыт символ. Для настоящего писателя всегда встает тревожно проблема имени, фамилии, прозвища героя. А. И. Куприн мучился как подобрать фамилию для главного героя романа **ПОЕДИНОК**. Фамилия не давалась в руки, не мог двинуться и сам роман. Но вот, жена сказала, что заходил «какой-то Ромашев» и все было найдено, тип оформила сущность фамилии. Не все фамилии и прозвания равно важны. О Иване и Шухе уже была речь, а подхалим, раскисший Фетюков и есть Фетюк! Злобный надзиратель — волк и по фамилии Волковой; буйный, гордый кавторанг — Буйновский; попрыгун, вертун, жуликоватый паренек — Гопчик: худой да высокий — Полтора Ивана. Нет, не случайны многие имена в повести и ее символах.

Интересно особенное внимание Солженицына к тире для сокращения фразы и изредка для связи, а еще также разделение на фразы для поднятия внимания читателя и для оттенения того, что в живой речи называется мелодикой интонационного единства предложения. Когда речь о почти убийстве Дэра, но все оканчивается мирно, спад напряжения дан во всей его медленности и в графическом разделении фраз: «И Павло с лопатой пошел вниз

Ме-дленно».

Медленно ложится **ОДИН ДЕНЬ** на душу читателя и остается больно жгучим, живучим и долгим воспоминанием. И не в одном Шухове и других горюнах и бе-долагах лагеря дело. Сама ритмика фраз, музыка слов своя особая ни с чем не сравнимая — Солженицынская и глубоко русская. «Это настолько жизнь, настолько боль, что кажется, может остановиться сердце».

II

РАССКАЗЫ И СТИХОТВОРЕНИЯ В ПРОЗЕ

Есть писатели больших романов так и не написавшие — А. Чехов, В. Гаршин. Солженицын же дал и три обширных романа, пробовал силы и в драме,^{21*} писал и серьезные стихи (не очень удачно). Рассказы, черточки, стихотворения в прозе стоят на большой высоте продуманного совершенства. Если при беглом взгляде на творчество А. П. Чехова возникает впечатление, что вокруг нас обыватели да мечтатели в серых, скучных буднях России XIX века, то о скуке в жизни рисуемой Александром Исаевичем как-то неловко говорить. Страшна, грозна в своей основе жизнь, и трагика бытия чаще всего предмет изображения. Голоса войны, гул и эхо грозных событий, бестолочь, голод эвакуации («Случай на станции Кречетовка»), села обшарпанные, колхознобедные, в ином хлеба достать никогда и никак невозможно; грустная больница с обнаглевшей рецепционисткой и неизлечимо больными напрасно стремящимися на прием (ПРАВАЯ КИСТЬ); сельский учитель с его нищенским жалованьем, кто ест и на обед и на ужин день за днем ячневую кашу или только картошку («Матренин двор»); бесправие школьного начальства и учеников («Для пользы дела») — все как-то отчаянно печально, трагично грустно. Не случайны слова писателя «под моими подошвами всю мою жизнь — земля отечества, только ее боль я слышу, только о ней пишу».²² Даже посещение Куликовского поля с его заброшенным памятником XIX века, с полу-

---

²² См. упомянутое выше «Дело Солженицына».

^{21*} См. «Олень и шалашовка». «Грани», № 73, 1969 г.

диким сторожем, тоскливо: «Может быть, сейчас²³ там опрятней, заботней... а вспомнилось мне это наше вечное Поле... к слову же помянулось, что местом этим не разумно было бы нам, русским, небречь». («Захар Калита»).

И как все эти рассказы крепко сшиты, и какой язык, какие образы! Все просто, все доходчиво и понятно и вместе с тем своеобразно. Ничего лишнего, нет словесных выкрутасов, нарочитой красоты. Сами описания природы сделаны не для показа своего мастерства, не с любованием эстета, а они часть жизни и души людей, не рамка рассказа, не излияния лирически настроенного писателя, нет, тут они потому, что без них не было бы изображение. Они необходимы, как, например, в лучших вещах А. Чехова, у зрелого Толстого или Достоевского. И все помнит писатель, на стр. 138 говорится, что «в проходике у забора пакгауза, рос дубок. Его *трепало*, мочило, он держал еще темных листьев, но сегодня слетали последние». В конце 141 страницы: «ветер *тряс* деревцо у пакгауза и в том окне чуть позванивал одним стеклышком». И все это в дожде, тревоге, темноте, а дождь — «дождь заливенный»!

«Матренин двор» написан, может быть, еще в Азии, отделан в 1962 г. и напечатан в «Новом Мире» в 1963 г. Начинается он от лица автора. Возвращался — де он просто в Россию «из пыльной горячей пустыни... Никто *меня не ждал* и не звал, потому что я задержался с возвратом годиков на десять». Писатель рвался к сердцу нутряной, кондовой России, «если такая где-то была, жила». Грустно. Ранее он даже электриком не мог бы поступить на службу — не брали на работу бывших ссыльных, а его тянуло учительствовать. В «босую бедность», в горько бедное село попадает писатель и поселяется у тихой и скромной больной вдовы Матрены. К ней привел автора случай и мечта о России. «А ведь там, откуда я приехал, мог я жить в глинобитной хатке, глядящей в пустыню. Там дул такой

---

²³ Вероятно под влиянием рассказа и ради выгод туризма в 1968 г. были произведены реставрационные работы.

свежий ветер ночами и только звездный свод распахи-
вался над головой». Однако потянуло его на Русь и по-
пал он в деревню Тальново на сто восемьдесят четвер-
том километре от Москвы. В поисках жилья — кровя
над головой — встретил писатель Матрену и поселился
в ветхой избе, хоть «у нее не так уборно, в запущи она
живет, болеет». Долго Матрена отнекивалась: «Не
умемши, не варёмши — как утрафишь?» Все же сгово-
рились. Жил учитель-автор нищенски. Вся еда: кар-
товь необлупленная или «суп картонный», аль каша
ячневая. А в еде попадались то волос, то кусочек тор-
фа, аль тараканья ножка. Но не думает много о себе,
о пище, писатель. Матрена, ее скорбная, скудная жизнь
и доброе сердце — как на ладони. Текут дни с досветья
до холодной ночи. И видно читателю все бедное жили-
ще, все его обитатели. «Кроме Матрены и меня, жили
в избе еще — кошка, мыши и тараканы. Кошка была
немолода, а главное — колченога. Она из жалости бы-
ла Матреной подобрана и прижилась... Одну ногу она
берегла, больная была нога. Когда кошка прыгала с пе-
чи на пол, звук касания ее о пол не был кошаче мя-
жок, как у всех, а сильный одновременный удар трех
ног: туп! — Такой сильный удар, что я не сразу при-
вык, вздрагивал. Это она три ноги подставляла разом,
чтоб уберечь четвертую... По ночам, когда Матрена
уже спала, а я занимался за столом, — редкое быстрое
шуршание мышей под обоями покрывалось слитным
единым, непрерывным, как далекий шум океана, шо-
рохом тараканов за перегородкой. Но я свыкся с ним,
ибо в нем не было *ничего* злого, в нем не было *лжи*.
Шуршание их — была их жизнь». (Стр. 200—201). Так
величаво благостно говорит писатель, и в его словах
нет ни лжи, ни прикрас, ни злобы. — Против лжи,
злобы, борется в жизни и литературе Солженицын. Тя-
гостна, тяжела повесть о Матрене. Вся жизнь ее одно
томление. А когда, благодаря квартиранту, чуть полег-
чало, чуть справилась — отложила на похороны —
пришла Смерть. Погибла-то Матрена из-за своей же
доброты, уступчивости — помогая перевозить часть
собственной избы в подарок. И задумывается читатель.

Да, была она кроткой праведницей, всем «в охотку» помогала, чужие огороды впрягшись в соху вспахивала,²⁴ шла по первому зову картошку копать. Двадцать пять лет работала в колхозе все до болезни, а пенсии не выработала, даром и кланялась столам чинуш да начальства. Всю жизнь гнула спину в трудах ли, перед начальством колхоза, перед женою ли председателя. Печально внезапно оборвалась, под колесами наскочивших на переезде паровозов, ее жизнь.

Солженицын завершает рассказ о Матрене ступенчатыми лаконическими строками:

«Все мы жили рядом с ней и не поняли, что есть она тот самый праведник, без которого, по пословице, не стоит село.

Ни город.

Ни вся земля наша».

Прав ли автор? Полезно ли и кому пользует бесильное Добро, не эгоистам ли, не ближним ли эксплуататорам? — Сами похороны Матрены, причитания женщин, оставляют тягостную муть в душе читателя, в них счеты — кому же по праву что от покойницы должно достаться.

Тайна большого искусства — в его полноте. Может быть и светила доброта и великая прирожденная деликатность Матрены только чуткому сердцу Солженицына, да колченогой кошке, да фикусам, ну — малость и племяннице. А теперь светит ровным негаснущим светом и греет теплом тех, кто прочтет и задумается. Да всего-то каких тридцать семь страниц, а какая сила, какое понимание души человеческой, сколько тайно-явных символов и в живом и в неживом в этой пронзительно разящей прямо в сердце краткой повести!

Не менее хватает за сердце и СЛУЧАЙ НА СТАНЦИИ КРЕЧЕТОВКА.^{24*} Смерть там как бы и не видна,

---

²⁴ В тридцатые годы, при коллективизации, свели почти на нет лошадей, а трактор их не заменил. См. об этом «В круге первом» речь Спиридона и в «Колхозная Россия» С. Маслова, изд. «Крестьянская Россия», 1937, стр. 4, 10, 17, особенно — стр. 51, 105 и 209.

^{24*} Спор о ценности рассказа отражен в «Литературной Газете», 31. 8. 1963 и в «Новом Мире» № 10, 1963, стр. 193 сл.

она только угадывается. Два главных действующих лица перед нами. Лейтенант Василий Зотов, помощник военного коменданта и Тверитинов, пожилой артист отставший от эвакуируемых солдат. Рядом с ними другие, живо выступающие из мрака осеннего вечера и ночи, лица: Валя — военный диспетчер, Фрося, старик Кордубайло, сержанты, начальники конвоя и т. п. Но центр всего — Зотов versus Тверитинов. Кругом них тревожная жизнь станции забитой поездами, беженцами, проходящими составами. Станцию раз бомбили, проскочили как-то и два немецких мотоциклиста. Одного убили, другой — умчался. Война хмуро нависла над Кречетовкой. Ветер. Дождь. «Весь асфальт первой платформы был залит стеклянно-пузырящейся водой». Зотов беззаветно предан компартии, делу Революции. Его притягивает «Капитал» Маркса, который он мечтает весь прочесть и получить непобедимость аргументации от великого учителя. Зотов рвался ранее правдами и неправдами на фронт в Испанию сражаться с Франко. Теперь он рвется на фронт, да его определили на станцию. Сердце его потрясено поражениями. Он все про себя твердит стихи:

«Наши села в огне и в дыму города . . .
И сверлит и сверлит в испугенье
Мысль одна: да когда же? Когда
Остановим мы их наступленье?» ²⁵

Военные сводки, увы, противоречиво неясны. Удивительно! «Не только не было революции по всей Европе, не только мы не вторглись туда малой кровью и против любой комбинации агрессоров» . . . , но повсюду был разгром. Являлись и черные мысли, он упорно их гнал, а они тайно шевелились в угнетенном мозгу, мысли эти были запретные — «жула, это было оскорбление всемогущему, всезнающему Отцу Учителю» — Сталину. Тревожно. Тоскливо под дождь — «лив, хлест, толчки ветра» в окна. И вот всевластный Случай сталкивает Зотова с нелепо одетым резервистом, отставшим от пар-

---

²⁵ Стихи, возможно, самого автора.

тии Тверитиновым. Зотову он симпатичен и хочется помочь бедняге. Начинается разговор, он дает заку-
рить... Тверитинов, из бывших окруженцев, расска-
зывает о себе, о семье. К войне их вот как наспех го-
товили: новичков всего несколько дней учили «штыко-
вому бою. На палках. И как бросать гранаты. Деревян-
ные». Все бы сошло благополучно, но в разговоре выяс-
нилось, что этот советский человек не знает что такое
Сталинград, а знает Царицын. Бдительность компар-
тийца возбуждена: это шпион, он заслан, он — бело-
эмигрант!.. Зотов решил арестовать беднягу и пере-
дать кому следует. В последней сцене символ — удав-
ки, символ смерти, надвинувшейся трагедии конца:
«Дико выглядела голова Тверитинова в широкой кепке
вместе с тревожной тенью своей на стене и потолке.
Перехлестнувшийся шарф удавкой охватывал его
шею». Зотов обернулся и еще раз мог «увидеть при
тусклом фонаре это лицо, отчаянное лицо Лира в гро-
бовом помещении». Напрасно гулко раздавались вопли
несчастливого артиста: «что вы делаете! Что вы делаете!
Ведь этого не исправишь!» Зотов после никогда не мог
забыть этого человека, которого съела темень и ужас
бестолковой эвакуации. Символически имя Сталина, —
Сталинград, — губит, явно для читателя, вполне невин-
ного окруженца.. И всё в рассказе неприглядно, груст-
но, раздирающе тоскливо. Вот, конвой Дыгина десять
дней не получает по пути пищи! Выступают из мглы
типы чиновничков — язв, хапуг, лентяев — бухгал-
теры, распределители типа Чичишева, Гуськова, Само-
рукова (уже одна фамилия чего стоит!). Им голодный
пусть пождет, потерпит: «На брюхо лег, спиной укрыл-
ся», нечего ему и волноваться. Вскользь упомянут в
рассказе и кровавый ежовский 1937 год: «После трид-
цать седьмого... задавать вопросы было опасно». И
столько черточек из жизни, из советской обстановки,
из дум людей. Гайдуков, выросши в деревне, трогатель-
но любит и заботится о лошадях в своем поезде. Мнит-
ся ему, что коням-то «на фронт было ехать тяжелей,
чем людям; им этот фронт был нужен, как пятая но-

га». ²⁶ Нужно прочесть и перечесть рассказ и только тогда станет ясно, насколько он сжат, художествен и правдив. Всякая мелочь обстановки подмечена и по-своему освещена. Вот, описаны разбомбленные вагоны, а затем позже и плакатик — предупреждение об опасности сыпняка: «Бумага плакатика была такая же болезненно розовая, как сыпь тифозного или как те обожженные железные кости вагонов из-под бомбежки». Слова старца Кордубайло «выступали не сразу, а будто долго еще на костылях шли оттуда, где рождались». И разговор Фроси об угле и картошке. Все кратко, просто: может благодаря углю и картошке «ребятишков передержу», сохраню детей своих злою зимою. Но чему же удивляться: вся суть ее жизни в труде, картошке и заботе, как прокормиться. Зато весело смотрит портрет цветной товарища Кагановича в блестящем мундире железнодорожного маршала.

Быт и его особенности, просто жизнь школы, в рассказе «Для пользы дела». С первой же страницы мы в коммунистическом государстве: «Где вы лето проводили? — Да где же! на стройке весь июль! — На стройке? Так у вас отпуск был или нет? — Считайте, что и не было. Три недели вместо восьми». Поймет ли это западный читатель? Думаю, что не поймет: отпуск есть отпуск. Встретил я в 1968 году чешскую семью из Праги. Разговорились. Она — счастливая семья — квартира своя и новая. Как вы получили? — «Да муж, он инженер-электрик, для этого отработал тысячу часов простым рабочим на новостройках!» — Рассказывали ли вы об этом канадцам? — «Рассказывали... да или не понимают, а растолкуешь, — не верят». В «Для пользы дела» преподаватели и их ученики строят себе здание, лишая себя отпуска, отдыха. Строят и четырнадцатилетние, хочется всем иметь свое здание и чем скорее, тем лучше и «заработали честно! С победой и с новым учебным годом! На новом месте!» — кричит комсомолка. — Ура-а-а!!! Но... имелось постановление ми-

---

²⁶ Переосмысление фразеологизма «Нужен, как собаке пятая нога».

нистерства и комитета, что «важный номерной научно-исследовательский институт, запланированный открыть в вашем городе, будет размещен в зданиях, которые первоначально предполагалось отдать вашему техникуму». Все понятно и только для проформы осмотр тесноты и неудобств техникума и замечания вскользь. Пропала работа, нет новых комнат, нет помещений для жилья, нет своих лабораторий. Так говорит и важный член комиссии — Хабалыгин. И ужаснулся директор, добрый Федор Михеевич, инвалид войны. Его утешают: «Так надо... Так надо! Для пользы дела». Ясно, для какого дела. Напрасно честный Федор Михеевич сжимает кулаки и в бессилии бормочет: «Ну, подожди, боров! Ну, подожди, хряк!» Хабалыгину и его присным нужен пост в институте, выгодное место. Вот и все, а что ребята даром трудились, что их горько обманули — им наплевать. «Как прежде в Москве слово Сталина, так в этой области еще и теперь слово Кнорозова никогда не менялось» и не отменялось. Что поделаешь? — «Волевой стиль руководства!» Напрасно взывает к нему, честный, некогда фронтовик, Грачиков: «В конце концов что нам дороже? камни или люди?.. Что мы над камнями этими трясемся... Не в камнях, а в людях надо коммунизм строить... Это дольше и трудней! А в камнях если завтра даже все достроим, так у нас еще никакого коммунизма не будет!!» Ответ начальства прогремел: «Демагогия! Не дозрел ты до секретаря горкома, — тихо обронил Кнорозов, — это мы проглядели» — тут уж и прямая угроза.

В рассказе интересно показана и жизнь этой среднетехнической школы, преподаватели, ученики и ученицы. Множество деталей будничной, серой советской жизни, от величины стипендий до квартирного вопроса, от энтузиастов комсомола, до ловкачей «диалектики» объяснения необъяснимого бесправия. И какие имена! Хабалыгин = забулдыга, ругатель; Кнорозов, кнорос = бык. Символы в рассказе и сами имена.

Удивительны рассказы Солженицына еще и негаснущей верой в силу правды, в значение правдивого слова писателя. Ради него он готов, как и сказал од-

нажды, даже на смерть идти. Найдется ли на Западе писатель готовый на муки, на смерть за правду своего писательского слова? Этот героизм травимого властью, прессой, журналами и отдельными личностями, писателя единствен. Напрасно взывал он и к Союзу писателей. Печатно распространялась ложь и клевета: был де в плену, не был на фронте, ездил за границу и т. д. «Я один, — сказал писатель, — а клеветников сотни». Но не вступился за него Союз писателей. Нет ни откуда защиты прав, помощи в борьбе за справедливость. А если кто и напишет из храбрых, из честных, открытое письмо в газеты, как и сделала писательница Лидия Чуковская, его не огласят. Попадет один-два списка письма за границу. Откликнется одна-две эмигрантских газеты и все. На родине писателя молчание, угрозы, клевета. Да разве К. Федин или М. Шолохов помогут?! Они все сделают, чтобы наконец замолчал «антисоветский клеветник». Так и назвал М. Шолохов Солженицына за РАКОВЫЙ КОРПУС.

**
*

Крохотные рассказы, *стихотворения* в прозе интересны и по четко выраженной идее и по мастерству изложения. Тематически они разнообразны, по форме оригинальны, некоторые не занимают и полстранички. Мне не кажется существенным влияние И. С. Тургенева, хотя и оно есть и неоспоримо. Разве не схож конец рассказика Солженицына ДЫХАНИЕ, в его заключительной фразе и ее ритме с концовкой «О Воробьях» Тургенева? В стихотворении «Мы еще повоюем», воробей заканчивает: «мы еще повоюем, черт возьми!» — «Пока можно дышать после дождя под яблоней — можно еще и пожить!» Однако, прежде всего влюбленная радость Солженицына перед цветущим деревом. Он говорит о ней и в РАКОВОМ КОРПУСЕ. Костоглов смотрит «на сквозистое розовое чудо» абрикосового дерева и умиляется (стр. 409). Существеннее влияние рассказиков-черточек М. Пришвина с их особой любовью к природе и всем мелочам ее жизни и дыхания. ДЫ-

ХАНИЕ прежде всего о воле: «Вот пожалуй, та воля, которой лишает нас тюрьма; дышать так, дышать здесь. Никакая еда на земле, никакое вино, ни даже поцелуй женщины не слаще этого воздуха, этого воздуха, напленного цветением, сыростью, свежестью». А всего-то вышел писатель подышать вольным воздухом в городском садишке «сжатом звериными клетками пятиэтажных домов».

«Озеро Сегден», — о котором «не пишут и громко не говорят». Что это за грозное озеро? У его вод, у путей к ним, знак запрета земной власти: «ехать нельзя, идти нельзя и ползти нельзя». Озеро круглое, «как циркулем вырезанное. Обомкнуто озеро прибрежным лесом. Лес ровен, дерево в дерево, не уступит ни ствола». Отчего запрет? — «Лютый князь, злодей косоглазый захватил озеро: вон дача его, купальня его. Злоденята ловят рыбу, бьют уток с лодки». Мучится, горбит вся область, а к озеру закрыты дороги, стоят заставы с пистолетами. «Озеро пустынное. Милое озеро. Родина...» Озеро — символ поработченной отчизны.

«Прах поэта» — о деревне Льгово, о монастыре Успенском и монастыре Иоанна Богослова, пощаженных даже злым Батыем. Там и похоронен по своему желанию поэт Яков Петрович Полонский.²⁷ Всё смели, разгромили атеисты нового времени: все стены изгадили, иконы побили. Монастыри на кирпичи разобрали. А Полонский и его могила? — «Полонского-то вроде выкопали? — говорит надзиратель. — Освободился, значит... Надзирателю самому смешно». Хороша память о поэте, хороша свободушка в этой земле, подумает читатель.

УТЕНОК говорит о великой тайне всякой и маленькой жизни, угасить ее просто, а создать — нельзя. «Отражение в воде» описывает картину зеркальной глади потока, когда он входит в заводь и отражает «и каждое перышко тонкого облака, и налитую голубую

---

²⁷ 1819—1898, рожден в Рязанской области, у Оки и похоронен.

глубь неба». Концовка — философский вопрос: «Так и ты, так и я. Если до сих пор никак не увидим, все никак не отразим бессмертную чеканную истину — не потому ли, значит, что еще движемся куда-то? Еще живем?» Не отразит ли посмертно душа чеканную Истину?

«Город на Неве» пробуждает своей строгой и богатой красотою мысль: «Страшно подумать... все взрывы нашего несогласия, стоны расстрелянных и слезы жён — все это тоже забудется начисто? Все это тоже даст вот такую законченную вечную красоту?» Даст ли? Создаст ли? Не отвечает Солженицын.

«Приступая ко дню» описывает гимнастику тех, кто не духу и телу, а только телу служит. Похожа она, эта гимнастика на молитву, но «Нет, это не молитва. Это — зарядка». — «Гроза в горах» описана, чтоб показать самого себя «ничтожной благодарной частицей этого мира». — В черточке «Шарик» помянута цепная собака, радующаяся пуще принесенной пищи мгновению свободы: «Не надо мне, мол, ваших костей — дайте только свободу!» Не о Свободе ли и Совести чаще всего и говорит нам творчество писателя?

Любил писатель многое в напевной грусти Есенина. О сборнике стихов поэта говорит и за право его иметь борется Нержин, главный герой романа В КРУГЕ ПЕРВОМ. Деревня как деревня. В ней все «заняты хлебом, наживой, и честолубием... Какой же слиток таланта метнул Творец сюда, в эту избу, в это сердце деревенского драчливого парня, чтобы тот, потрясенный, нашел столько материала для красоты — у печи, в хлеву, на гумне, за околицей — красоты, которую тысячу лет топчут и не замечают?»

«Мы-то не умрем» говорит о смерти, о том как ее стали бояться, стараясь не заметить, не говорить, не посещать тех, в среду которых вошла смерть. Не ходят и на кладбище навестить умерших. Покойников — «если мелочь» — быстро грузят на грузовик и катят! Не ходят, как ранее, по кладбищам, не поют, не кадят. Кладбища обычно «равняют бульдозерами — под

стадионы, под парки культуры». Всюду есть, и в России был, день поминовения «воинов на поле брани убиенных». Все народы отводят день такой — «думать о тех, кто погиб за нас. А за нас-то — за нас больше всего погибло, но дня у нас нет». И кончает Солженицын горько-насмешливо: о чем заботиться? «не мешайте нам жить! Мы-то, мы-то ведь никогда не умрем!» И выходит, — без веры и церкви нет и поминовения своих умерших. И вид кладбища, его содержания не есть ли первый знак духовности и культуры? Да и сама культура разве не память о Прошлом! И сразу за этой повестью о небрежении к умершим читаем *«Путешествую вдоль Оки»* — «В чем ключ умиротворяющего русского пейзажа», — говорит Солженицын, — в церквях. Вбежавшие на пригорки, взошедшие на холмы, царевнами белыми и красными вышедшие к широким рекам, колокольнями стройными, точеными, разными, поднявшиеся над соломенной и тесовой повседневностью — они издалека — из далека кивают друг другу... Никогда ты не один: поверх лесной стены, столов наметанных и самой земной округлости всегда манит тебя маковка колоколенки». Ныне растет бурьян на крышах, «кресты давно сшиблены или скривлены; ободранный купол зияет остовом поржавевших ребер». Там склад, тут фабрика; иная «на замке, безмолвная», а в той клуб. — «Ковыряй, Витька, долбай, не жалея! Кино будет в шесть, танцы в восемь...» Люди и ранее были и корыстны и недобры, думает писатель. Были всякие, «но раздавался звон вечерний, плыл над селом, над полем, над лесом», напоминал «отдать час и отдать мысли — вечности». А теперь — ковыряй, долбай, не жалея! Разрушай церкви, перекапывай кладбища, разорь могилу поэта.

О вечности, о свободе духа, о тайне жизни и неуязвимой Красоте говорят стихотворения в прозе Солженицына. Грустные они. Жизнь грустна, правда горька.

III

РАКОВЫЙ КОРПУС

Судя по последним данным ²⁸ творчество Солженицына, не считая его стихов и драматических опытов, можно представить себе в виде своеобразной трилогии о лагерях и сталинской эпохе.

- I «Случай на станции Кречетовка» (октябрь 1941 г.)
«В круге первом» (года через четыре после войны).
- II «Архипелаг Гулаг» ²⁹ (роман), ^{29*} где главный герой Нержин из «В круге первом» сосланный из московской шарашки.
- III «Раковый корпус» (жизнь после смерти Сталина, начало освобождения).
«Свеча на ветру». (Драма-фантазия). См. «Грани» № 71, изд. «Посев».

Особо следует выделить жизнь на свободе. МАТРЕНИН ДВОР (начало учительской карьеры в деревне); ДЛЯ ПОЛЬЗЫ ДЕЛА (школа и ее жизнь в городе); черточки, стихотворения в прозе, заметки, вплоть до описания пасхальной заутрени в с. Переделкине и хулиганства комсомольцев и комсомолок — ПАСХАЛЬНЫЙ КРЕСТНЫЙ ХОД.

Тип главного героя по характеру, гордости, ненависти к сталинщине, тяготению к литературе очень схож в РАКОВОМ КОРПУСЕ и в КРУГЕ ПЕРВОМ. Костоглов как бы alter ego Нержина. Однако, типы людей, их социальное положение, вся обстановка несколько иная. Больница не тюремная, кругом вольный город, люди разные, хотя и лагерники встречаются.

---

²⁸ Март 1969 г.

²⁹ Гулаг — Государственное управление лагерей.

^{29*} Текст его не опубликован.

Здесь нет работы несчастных каторжан, разделенных рубежом пайка хлеба: 800 грамм, 600 грамм и сниженный — 200 грамм. Пища и относительная свобода, уход за больными, *лечение и тепло*. Потому РАКОВЫЙ КОРПУС следует рассмотреть отдельно. Он стоит этого!

Прежде всего досужего читателя занимает мысль: на сколько все правдиво не с художественной точки зрения, а нет ли сгущения красок, преувеличения трудностей, темных сторон жизни? Описана нехватка мяса для «тонкого, звонкого и прозрачного» Костоглотова, когда «больше нету» сказал лавочник-ларечник (стр. 411). Одна маленькая палочка шашлыка — три рубля! Плата среднего рабочего тогда не была высока в слабых рублях 1956 года. Триста пятьдесят рублей — гражданский плащ, рубашка в полоску мужская — шестьдесят рублей. А месячное жалованье 300—350 рублей. За пустые три рецепта в аптеке — сто семьдесят пять рублей! Верно ли замечание героя, что и на станции билет обычным путем кто знает когда и получишь и что «ничто не изменилось за эти пятнадцать лет». Начинаем проверять факты по более поздним газетам, чтоб увидеть улучшения, изменения жизни граждан СССР в Узбекистане и РСФСР. Увы, в 1968 г., сообщают газеты, «были перебои и нехватка хлеба» в Ташкенте. Пекарни не могли поставить хлеб. Очереди, давка, нехватка. Но, может быть, в России, недалеко от Москвы, все нормально налажено? Берем серьезную, цензурой проверенную, советскую газету «Труд» от 22 февраля 1969 г. На четвертой странице читаем: «была проведена проверка торгового обслуживания населения в сельских районах Московской, Рязанской, Калужской и в других областях РСФСР. Установлено, что в ряде магазинов и ларьках отсутствовали в продаже — крупа, говяжье сало, мясо, папиросы, детские чулки, ученические ручки и ряд других необходимых товаров...»

Но сами-то продавцы любезны, вежливы с покупателями, они работают? Рассказано, что продавцы или

продавщицы находятся в стадии «дремлющего размышления» . . . Это в РАКОВОМ КОРПУСЕ, а в жизни теперь в СССР? Берем опять процenzурованную газету «страны победившего социализма» «Советская Киргизия». Она говорит, что — не обслуживают и всё! В Иваново-Алексеевском универмаге «явно издевательски отвечает *разбуженная девица*». В городе Фрунзе в мясном секторе «на дверях ехидно торчит замок. На овощном павильоне белеет листок: «взяла отгул». ³⁰ Ничего не преувеличил, не закрасил черной краской Солженицын, скорее смягчил. Да и фамилия у него правдолюбца — Солжениц, нич, ничего не солгал. Оттого и больной несет на анализ банку с желтой жидкостью «гордо приподняв, как кружку с пивом *выстоянную в очереди*». Очереди везде еще есть. Универмаг толпа просто атакует, чуть-чуть открыли двери — может, что «дают»? Дают-то за деньги, но слово это прочно вошло в лексикон граждан СССР, особенно в провинции. Оно, пожалуй, прав Костоглотов утверждающий юнцу, что образование ума не прибавляет, а ум дает опыт жизни. Не образование же излечило А. Жида от его увлечения сталинским СССР, а опыт жизни и открытый взгляд на то, что сам увидел и испытал. Оттого, продолжает Костоглотов «глазам своим верь, а ушам не верь». И странно, насмешку и злость стали выражать не усмешкой или оскалом зубов, а клыками, как кабаны или хищники. Оттого и Ефрем «оклычился», а не осклабился у Солженицына. Больница — раковый корпус доброй старой стройки времен Александра III — 1885 г., да водопровода не было на втором этаже! Не было в 50-х годах XX века. Особо нов только грубый донельзя язык санитарки Нелля. Принцип же новой жизни очень прост: «кто не тянет с того и не спросишь, а кто тянет и за двоих потянет». Так санитарки, так сестры, так и у врачей. Есть у сестер каникулы? — Есть, начинались бы 25 января — но «мы осень на хлопке были. Это

---

³⁰ См. ряд более подробных выдержек из советских газет в «Новом Русском Слове», Нью-Йорк, от 18. 3. 1969, стр. 4.

каждый год». Студенты, сестры-медики, ученики школ, то идут в Азии на сбор хлопка, то в России — на сбор картофеля или зерна, на целинные земли или новостройку (см. «Для пользы дела»). Еще существенно важнее слышимый гул словесной артиллерии Солженицына, бьющей все время по позициям закрепившихся сталинцев. Лагеря — преступление, неподготовленность к войне — преступление. Не писали ли: «огневой залп нашего корпуса вдвое превосходит любой залп западных противников», не пели ли песенку в армии и флоте, специально для них сочиненную борзописцем: «Если завтра война, если завтра поход / Мы сегодня к походу готовы» и т. д. А позднее В. Дудинцев поведал о своем удивлении, когда немецкие юнкеры и мессершмидты «летали и выше и быстрее советских» истребителей и били их в воздухе. Но герой солженицынского РАКОВОГО КОРПУСА Костоготов говорит и доказывает и преступное отношение к нуждам населения. Он объясняет удивленной сестре Зое, что Гитлер злодей и враг ясно, а вот почему Ленинград так голодал? — Склады не были размещены, на случай бомбежки, как следует, населению не были даны продукты: «в блокаде виноват некто другой...» И Зоя внезапно начинает сперва удивляться, а потом и что-то понимать: «но тогда их (виновников неподготовленности) надо судить? .. — шепотом предложила Зоя».

Солженицын и его любимые герои всегда бескомпромиссно против Сталина. Антисталинские факты: указания на злобу, жестокость, манию величия следуют за именем Сталина как лейтмотив. И в этом наш писатель совершенно особое явление литературы СССР. Сравните двух поэтов, поэтов культурных, большого таланта и... пострадавших от режима, Пастернака и Заболоцкого. Автор ДОКТОРА ЖИВАГО восхвалял сталинскую конституцию и Сталина. Мало того, он в восторге от пятилеток:

«Когда ж от смерти не спасет таблетка,
То тем свободней время поспешит
В ту даль, куда вторая пятилетка
Протягивает тезисы души.

Тогда не убивайтесь, не тужите,
Всей слабостью клянусь остаться в вас.
А *сильными* обещано изжитье
Последних язв, одолевавших нас».

Но и этого мало! Оказывается в СССР «Женской доле
«у нас раздолье» и поэт от радости готов «сойти на нет
в революционной воле». — Казни?

«... сказать пора,
Величем дня сравнение разня:
Начало славных дней Петра
Мрачили мятежи и казни».

Или: «ты рядом, даль социализма», «Наш день, наш
генеральный план!»³¹

Николай Заболоцкий хлебнувши лагерного горя
через край, познавший холод Магадана писал о С. Ки-
рове:

«Но видел я дальние дали
И слышал с друзьями моими
Как дети детей повторяли
Его незабвенное имя».

А Сталин, сославший Заболоцкого, и все сталинцы?
Надо прочесть стихи 1949 г.!³² Это после войны, после
ежовщины и при Берии!

«Он стремился к тому, чтоб Отчизна
Увеличила силы стократ.
Вот идет он по вешним полянам,
Осязая полей торжество,
И *живительным сталинским планом*
Переполнено сердце его».

Странно, что Н. С. Хрущев позднее говорил на Кубани
как «люди пухли с голоду» при сталинской системе
(речь шла о закупке СССР зерна в Канаде). Ничего
преступно наивного, или подхалимского в произведе-
ниях Солженицына нет, как легко найти у крупных

---

³¹ Борис Пастернак: Стихи и поэмы 1912—1932. Под ред.
Г. П. Струве и Б. А. Филиппова. The Univ. of Michigan Press,
Ann Harbor 1961, стр. 326, 352, 360 и passim.

³² Николай Заболоцкий: Стихотворения. Inter-Language Liter-
ary Associates, 1965 г., стр. 85 и 141.

поэтов от Пастернака, Анны Ахматовой до Заболоцкого. Кристально честен, сурово правдив Александр Исаевич. Вспоминает Костоглов, как лагерники встретили известие о смерти Сталина: «Людоед накрылся!» Велел майор шапки снять — Сталин умер. И не хотели снять осужденные, а страшно было приказ не исполнить — Кондей или Бур грозит. И бросили в воздух шапки. Радость-то показана и . . . приказ выполнен «И подавился майор!» Слово *людоед*, название для тирана Сталина, еще раз встречаем и В КРУГЕ ПЕРВОМ. Хорошо, точно стреляет антисталинская батарея капитана артиллерии орденоносца Солженицына. Он лучше Евтушенко знает об опасности СТАЛИНИЗМА.

Сталинщина, ее грозно кровавая тень бежит днем и ночью по стенам тринадцатого Ракового Корпуса. В нем многие ожидают смерти. Тема смерти, тема исключительной важности не только в жизни личности, но и нации и в крепкой мощи любого литературного таланта. Любовь? Да, конечно, это тема тем всех времен, всех писателей и поэтов. Но расплывчатая, не знает человек по-настоящему что такое любовь и Любовь. Слишком уж многолика земная любовь, а о горней любви Божией что знает, что поймет земная персть, темное сердце человека? Смерть она ближе, страшна, и вездесуща. Убегаем, убегаем, забываем ее, гоним от себя мысль, но смерть в нас, в нашей природе. Сделанное распадается. Рожденное умрет. Не прав ли Ля Рош-Фуко: «Ни на солнце ни на смерть нельзя смотреть пристально».

Лицо Белой Невесты ослепляет. Сама биология колеблется в определении того, когда наступает смерть. Писатель не может проникнуть, философ постичь Смерть. Доступно же человеческое «я», тело, душа, дух в их восприятии смерти. Л. Толстой глубже других изобразил смерть в теле и душе Ивана Ильича. Упал. Ударился. Заболел. Стал умирать один человек. Он, как в мешке, но и некий свет ему забрезжил. У Солженицына нет в сущности описания самой смерти, последних вздрагиваний. В РАКОВОМ КОРПУСЕ ряд людей, молодых, юных и постарше, борется со смертью, думает о ней, боится, бунтует или смиряясь, как птицы с при-

ходом ночи, прячет голову под крыло, замирает. Некоторые, временно победив болезнь, выписываются — Ахмаджан. Уходит умирать Ефрем Поддуев, отрезают ногу юнцу Демке и грудь увлекающейся спортом и половой свободой, — Асе. Доктор Донцова от постоянных облучений получила рак. Судьба талантливого, горячего молодого инженера — коммуниста Вадима не ясна. Скорее всего золото не поможет и рак возьмет и его жизнь в свои смертоносные клешни. П. Русанов выписывается, уколы почти сняли опухоль. Вернется ли, нет ли — не знаем. Да и скольких из больных судьба не известна! Две идеи особенно ярки с начала и до конца романа. Одна — зачем и чем живут люди? В чем настоящая цель жизни, что движет человеком? Другая, не менее важная, — есть ли отплата за зло причиненное злым человеком, гадиной, людям? Существует ли некая Немезида? Платит ли опухолью, смертным ужасом Русанов за предательство и подлость? Виновен ли бедняга — профессор Шулубин, — ярый социалист в душе, в слабости потворства торжествующему или торжествовавшему злу ЕЖОВЩИНЫ? Жертва он или соучастник? Вопрос о смысле жизни поднимает Ефрем Поддуев, прочтя навязанную ему Костоготовым книжку рассказов Льва Толстого. «И приудобился он читать эту тихую спокойную книгу». Как просто и сильно здесь слово *приудобился!* Умываться было из-за бинтов нельзя, устроился поудобнее, «помалкивал, почитывал да подумывал». (стр. 94). Оно правда, «рассказиками этими едва ли можно было прошибить здорового», а в больнице перед лицом смерти, в болях и муках о том зачем и чем люди живы он, ведь, и думать начал. «Не хотелось Ефрему ни ходить, ни говорить. Как будто что в него вошло и повернуло там. И где раньше были глаза — теперь глаз не было. И где раньше рот находился — теперь не стало рта. Первую-то, грубую, стружку с Ефрема сняла больница. А теперь — только строгай». Страдания иногда смягчают грубое, обросшее мохом сердце. Поддуев и спрашивает, прочтя «Чем люди живы», у своих однопалатников этот вопрос. Выздоровливающий солдат Ахмаджан ответил ясно и весело: «До-

вольствием. Продуктовым и вещевым». Тургун, студент, ответил: «Зарплатой, чем!» Демка же объяснил, как учителю перед классом: «Раньше всего воздухом. Потом — водой. Потом — едой». Так бы раньше и Ефрем ответил, прибавив и «спиртом». — «Но книга совсем не в ту сторону тянула». Прошка заметил, что люди живы квалификацией. Сигбатов стесняясь сказал: «Родиной... В родных местах все легче!» Русанов безапелляционно объяснил, что люди живы «идейностью и общественными интересами». И узнав, что люди живы любовью, Русанов кипит и потешается: «Любо-вью?! Не-ет, это не наша мораль!.. Слушай, а кто это все написал?..» Но Ефрему не до авторства: «А что было в фамилии? Что она имела к сути — к их болезням? К их жизни или смерти?» — Так раскрывается идея книги о смерти и жизни, борьбе и смирении. В жизни, пока здоров, Поддуев был рвачом, бабником; язык его ворочался быстро — мат и богохульство так и слетали с языка. Рак поразил язык, а потом и шею. В больнице что-то другое пробудилось в нем перед смертью да в страданиях. При разговоре о самопроизвольном исцелении (то есть о чудесах) он думает и говорит о совести. Для самопроизвольного исцеления нужно «чистую совесть иметь!» (стр. 122). Как ни удивительно, а совесть во сне, в полубредовом состоянии, мучает подсознательно и доносчика, партийца-чинушу по кадрам — П. Русанова. Прав, ведь, Солженицын — «ничем он не вооружен встретить ее» — смерть, современный-то человек! Знал Русанов, составляя характеристики и анкеты, что всегда «можно записать что-нибудь отрицательное и подозрительное, каждый человек в чем-нибудь виноват, или что-нибудь утаивает, если разобраться дотошно». И разбирался, а если ничего нельзя было найти, а тебе — Русанову — выгодна квартира коллеги — отчего же, и оклеветать можно! Этой-то «тонко поэтически политической работой» был всегда занят и преуспевал в ней Русанов коммунист. Читая о его делах, о снах, где выступают тени им замученных, какой-то правды — расплаты требует душа читателя, если леводушная диалектика не вышибла из него последние ос-

татки общечеловеческой морали. И кажется, нашлась мстительница: «Тут между челюстью и ключицей, была судьба его. Его правосудие. И перед этим правосудием он не знал знакомств, заслуг, защиты». При мысли же о реабилитации невинных, Русанова бросает то в пот, то в жар. «Какое же они право имеют теперь их выпускать? Как же можно так безжалостно травмировать людей?» типа Русанова.

Дружная семья Русанова вся, кроме старшего, вполне сталинская и совершенно подходит к создавшемуся новому классу³³ коммунистов-бюрократов. Русанов на службе не пойдет в общую уборную, чтоб не подрывать авторитет начальника. Квартирой, обстановкой, как типичный представитель нового класса, очень гордится. Спокойно, с легкой иронией, Солженицын это объясняет: «Это составляло быт, бытие, а бытие определяет сознание (по Марксу) и надо, чтобы быт был приятный, хороший, тогда и сознание будет правильное».

Каста бюрократов замкнутая, простым людям не место среди высших. Ну, можно ли, скажем, в чудесной квартире коммуниста Шенденяпина, в отличной модной обстановке да принять какую-то свекровь из деревни! Так и супруга Русанова думает. «Вдруг бы за столом эта старушка в белом платочке, *без паспорта*³⁴ — свекровь!» Спасибо уму старших: «удалось опорочить жениха по общественной линии, спасли дочь» от неравного брака, от мезальянса. Не преувеличил ли писатель? Опять глядим в газеты Советского Союза. «Известия» от 8. 1. 1969. В разделе «Человек, коллектив, общество» есть пустая статья некоего Компакова. Неудачны де часто браки из-за разницы материального общественного положения семейств брачующихся. Упомянут и странный, казалось бы, термин: «Да она же из простой семьи». Все точно, как у Солженицына. И

---

³³ Милован Джилас в своей книге «Новый класс» прекрасно охарактеризовал это явление в СССР и частично в Югославии. Привилегии, замкнутость, круговая порука, партийность. Вождь и послушные янычары.

³⁴ Колхозникам и крестьянам вообще не выдавали паспортов в СССР.

«Ничего не изменилось за шестнадцать лет». (Стр. 491). А подхалимаж новых бюрократов! Один сын Русановых назван в честь Лаврентия Бери — Лаврентием. Отчество тоже подходило — Павлович. Словом, в революционном духе, как Владилен, Нинель. Вдруг гром и грохот, падение и расстрел лучшего из сталинцев. Нет уже «несгибаемого сталинского соратника». И тут вырываются правдивостью потрясающие слова: «... Судите его (Берию), ну расстреляйте его *закрытым порядком*, но зачем же объявлять об этом *простому народу*?» Ясно и неопровержимо: мы, бюрократы — коммунисты, мы — вершина, а другие — простой народ. Такова и дочь Русановых — Авиета. По ее мнению чудесно, что теперь исключено «привлекать за ложные показания» и клевету к ответственности. Она видит цель жизни в успехе своего класса. Для нее лучшей дорогой будет карьера писательницы верной своему классу. Правда, иногда писателям надо перестраиваться, а это не так легко, «но какой это опытный, какой это тактичный народ, как многому у них научишься» твердит дочь Русанова. Она же и объясняет чему можно научиться у советских писателей ее круга. Прежде всего, это не «лакейская должность — журналистика», дело тоньше и главное выгодней. «Ты знаешь, один писатель, как только сам стал (писателем), сейчас же и жену научил, и племянницу! И все трое пишут!.. Потому что это выгодно». Главное, чтоб не было «идейных вывихов и быть тактичной и отзывчивой на время!» Важно и полезно западных писателей «обвинять в неискренности, можно, потому что они продажные». А писать надо и читать такие вещи, как «Земля в цвету», «Горы в цвету». ³⁵ Еще интереснее твердокаменный Вадим. Своей мечтой о методах и новых путях для открытия руд, упорной волей, несмотря ни на какие обстоятельства, учиться, читать, думать — оставить после себя след в науке, он симпатичен. Но Вадим жизни не ви-

---

³⁵ Намек Солженицына на роман Дм. Холендро «Горы в цвету» (1952 г.). Дм. Холендро пишет о жизни «какой она должна быть», описаны красоты Крыма, но ни звука о трагедии его населения, о действительной жизни.

дит, не знает и не хочет знать. Он твердит в тон Русанову: «У нас даром не сошлют». На эту фразу отвечает авторский голос пронизанный сарказмом: «В этой правильной фразе Вадим проявил себя как умный и непоколебимый человек». Так, иногда, вдруг, входит в круг голосов, в полифонию романа, звук голоса самого автора.

Среди полифонии голосов, звуков и шумов романа, фигура, лицо со шрамом от щеки к шее, голос Костоглотова все значительнее. С ним, во весь голос своей больной совести, беседует и профессор Шулубин. Ряд деталей в описаниях жизни и судьбы Олега Костоглотова сходится с биографическими данными самого писателя, таков и каторжный номер преследующий всю жизнь Костоглотова. Видна и собранно суровая непримиримость с режимом Сталина. Олег пострадал за ничто, пострадали и его сверстники-друзья. Воевал Олег Костоглотов и думал, все поправится, другое будет: «Воевали и как-то ожидали после войны чего-то другого. И вот девчонок замели³⁶ вместе с нами... Одна из наших девушек кончила с собой... Еще одна жива. Трех ребят уже нет... Про двоих не знаю». И какова эта ссылка, поведал Костоглотов. По дороге заключенных девушек насилуют блатные урки, а в лагерях, например, их водят голыми в баню и тут выбирают себе наложниц нарядчики да пайкодатели. Ссылали и ссылали людей... и «полярного летчика известного, его именем так и продолжал называться остров в Ледовитом океане, а сам он сидел». Ссылали женщин, девушек, подростков (вспомним Гопчика из «Один день Ивана Денисовича»). Прошла война, прокатились новые репрессии, и что изменилось? Ничего не изменилось, замечает Костоглотов. Машина скорой помощи в городе гоняет, носится по нуждам партсекретаря, или заводит по квартирам привилегированных сливочное масло и вермишель. Как было, так и осталось. «У нас тридцать лет звонили, что они (урки)³⁷ перековываются,

---

³⁶ Чисто советское выражение — арестовали. Ср. у М. Булгакова в «Мастер и Маргарита» — «замели председателя».

³⁷ Урки, уркаганы — уголовные преступники.

что они *социально близкие*, а у них принцип тот, что был у Гитлера». (Стр. 154).

Образ огорченно-мрачного, наполовину затравленного Костоглотова подан автором ярко и убедительно. Он любознателен, хочет читать, знать и вместе с тем рад помочь учиться Демке. Разбирается в математике, в лагере было начал учить латынь, давно изгнанную из средних школ в СССР. Читает и медицинские книги, стараясь разобраться в пользе и опасностях облучения рентгеном. Его разговоры о раке, о проблемах онкологии,³⁸ точность терминов изумляют врачей. Вообще вся медицинская сторона в романе удивительно точна, на высоте науки и медицинской практики начала пятидесятых годов двадцатого века. Доктора делятся на тружеников, человеческих и умных и на бездельников примазавшихся к медицине, для них есть блат — протекция. Горе-хирург Халмухамедов совершенно не интеллигентен, неспособен, глуп и груб. И выглядит он как «дикарь с иллюстраций к путешествию капитана Кука».³⁹ Очень не хватало кольца в носу». Ни одной операции Халмухамедов не мог сделать, а если пробовал — губил больного. Так, спрашивается, почему же его держат в областной больнице? Он еще и ленив вдобавок, не дежурит по ночам, а спит. В чем же дело? Но Халмухамедов, видите ли, в партии и тронуть его нельзя потому, что «был бы подрыв национальных кадров». Читаешь, читаешь РАКОВЫЙ КОРПУС и становится пусто и страшно в сердце, накопьте боли сочувствия и бессильного негодования. Вот, говорит невинный политзаключенный о себе и ему подобных: «Вся память о нас — в двух ладоньках водица, то, что протягивали мы друг другу встречей, беседой, помощью». Протягивали просящие ладони и проливалась и капала слезами недолгой жизни живая вода соучастия. — Высоки вышки стражи. Жестока стужа или жар солнечный. Тяжка

---

³⁸ Onkos, греческое = опухоль; онкология — наука об опухолях.

³⁹ Джеймс Кук, 1728—1779, английский мореплаватель. В 1948 г. в Москве издана по-русски часть его сочинений.

кирка или чекмень,⁴⁰ что землю у ног каторжника или ссыльного долбит и рыхлит, аль ямки «долбает». И вновь, вспыхнув, звенит голос автора: «Должен кто-то думать и иначе! Пусть кучка, горсточка — но иначе! А если только так (по-сталински) — то среди кого ж тогда жить? Зачем? .. И можно ли?»

Другое дело доктор Орещенко; имеет он за собой семьдесят пять лет жизни и полвека лечения больных. Не заработал за все долгие годы и каменного домика. Тихий умный врач — ученый старых времен. Образ его сливается незримо с голосами дореволюционной России. Для него личность человека не материал, не предмет которым власть располагает, а партия управляет. Человек есть и самоцель, он имеет свои индивидуальные проблемы — он частично мера всех вещей, индивидуум и для себя, не только для коллектива, его «Я» центр не одной сутолоки внешней жизни — «Я» связано с мечтой, с Небом. И когда Солженицын начинает говорить нам о духовной стороне доктора Орещенко, *ритм* и смысл фраз имеют несомненный отпечаток духа ряда писаний и моральных аксиом Льва Толстого. Не случайно и рядовые читатели и, искушенные в литературе и ее стилях, писатели вспоминали Л. Толстого, читая на страницах Солженицына: «Весь смысл существования⁴¹ — его самого за долгое прошлое и за короткое будущее и его покойной жены, и его молоденькой внучки, и всех вообще людей — представлялся ему не в их главной деятельности, которою они постоянно только и занимались, в ней полагали весь интерес и ею были известны людям. А в том, насколько удавалось им сохранить неомутненным, непродрогнувшим, неискаженным — *изображение вечности*, зароненное каждому». Или, по-старому — лик Божий, искру Божию русской литературы XX века.

Другой гуманист, тишайший врач Кадмин, ссыльный в степи, откуда на лечение направлен и Костоглов. Муж и жена Кадмины на вопрос «Чем люди жи-

---

⁴⁰ У Солженицына это род мотыки.

⁴¹ Ср. «Воскресенье», «Отец Сергей», «В чем моя вера» и т. п.

вы?» вероятно ответили бы: жизнелюбием, радостью бытия и добром приносимым окружающим, людям и животным. Кадмины — добрые друзья Костоглотова, для них он ищет «облегченный уют» — слаба супруга Кадмина. Сержант, бывший сержант, Олег Филимонович Костоглотов, хоть и вышел из больницы неполноценным, кажется, полубольным импотентом, помнит, любит и ценит Кадминых. Трудно сказать, случайна ли или обдуманно дана такая редкая фамилия доктору. Кадм или Кадмий. От этих слов веет культурой древности и химией. Кадм античной культуры — сын финикийского царя, муж Гармонии, принесший алфавит беотийцам, брат похищенной Зевсом Европы. Геракл был из рода Кадма.⁴² Кадмий — металл — открыт Ф. Штрмейером в 1817 году, назван по древнегреческому слову «кадмэя» — слово для обозначения цинковой руды. Есть некая тихая чуть грустная гармония между мужем и женою Кадмиными. Высокой культуры люди. Это их спрашивал Костоглотов откуда и почему явилось русское присловье «Мягкое слово кость ломит». Присловье-то известное, есть оно и у В. И. Даля — «Мягкое слово кости ломает». Объяснял Николай Иванович Кадмин это речение древности и ее доброты и милосердия. Была на Руси «еще в XV веке «Толковая Палея»⁴³ — вроде рукописной книги... И там сказано о Китоврасе.⁴⁴ (Николай Иванович всегда всю старину знал). Жил Китоврас в пустыне дальней, а ходить мог только по прямой. Царь Соломон вызвал Китовраса к себе и обманом взял его на цепь, и повели его камни тесать. Но шел Китоврас только по своей прямой, и когда его по Иерусалиму вели, то перед ним дома ломали — очищали путь. И попался по дороге домик вдовы. Пустилась вдова плакать, умолять Кито-

---

⁴² Маловероятно, чтоб роман XVIII века «Кадм и Гармония» дал фамилию Кадмин.

⁴³ Греч. «палаиа» — древняя; палея называли в древности на Руси и книги Ветхого Завета, а порою и Пятикнижие.

⁴⁴ Китоврас, вероятно, от испорченного греческого «Кентаврос». Место о поломке костей — ребер — у Китовраса есть в «Палее» 1477 г. и в «Хронографе» 1494 г. Сюжет библейско-апокрифический, пришел в Россию с Востока. См. и притчи Соломона в Библии, гл. XXV, 15 «Мягкий язык переламывает кость».

враса не ломать ее домика убогого — и что же, умолила. Стал Китоврас изгибаться — ребро себе сломал. А дом целый оставил. И промолвил тогда: «мягкое слово кость ломит, а жесткое гнев вздвигает». «И вот размышлял теперь Олег: этот Китоврас и эти писцы пятнадцатого века — насколько ж они люди были, а мы перед ними — волки». (Стр. 347).

С точки зрения литературных образов чета Кадминых связана теснейшими узами с русской традицией Золотого века литературы. Афанасий Иванович и Пульхерия Ивановна из «Старосветских помещиков» Гоголя с крепкой привычкой, нежной привязанностью старичков друг к другу. Отклик и Фомушки и Фимушки из романа И. С. Тургенева «Новь», да и легкие скользящие отблески и от четы Туберозовых в «Соборях» Н. С. Лескова. Мягкое слово о добрых, о мягких, о верных и скромных. Но Кадмины в своей глинобитной хатке с их нежной радостью и высотой мысли и культуры, особенные, солженицынские и несравненные. Жизнь их треплет, мучат несправедливо люди, стеснены во всем, а радуются то собаке, то человеку знакомому, то просто бедной лампе на своем столе, да вот смотрят на закат солнца над степью и вечностью и... умиляются. Не случайно именно один из Кадминых и объяснил мягкое слово седой древности. Великая сила таланта и некоего перевоплощения в старых людей показала Солженицыным в образах, словах и делах Кадминых. Они именно те люди, о которых сказала Библия «блажен иже и скоты милует». Жалеть не стыдно, жалеть необходимо, твердит писатель.

**
*

Шулубин очень существенное лицо в РАКОВОМ КОРПУСЕ, его слова, мысли и дела в прошлом важны писателю в сложной песне, в симфонии многоголосья жизни. Человек он очень образованный и широко начитанный. Жизнь сыграла с ним плохую шутку — рак толстой кишки. Он умен, знает — «умирать надо одному», в смерти и томлении последних мгновений че-

ловек одинок. Шулубин разболелся по халатности и запущенности медицинского обслуживания. «Шулубин таскался по разным амбулаториям и жаловался на частые позывы, на кровь, потом на боли — и у него все анализы брали, кроме самого простого — пощупать пальцем! . . . И вот в одной амбулатории по онкологическому плакату на стене, он, человек грамотный, прочел — и догадался! И сам у себя пальцем нащупал опухоль! . . . Было сантиметров семь, как раз за сфинкстром». Опоздал . . . Шулубина мучит совесть и он открывает рак, рану в своем сердце, перед Костоглотовым. Он боялся во время чисток и арестов. Он сам не был доносителем, но рукоплескал, одобряя на собраниях все приговоры к расстрелу. Знал, что люди невинны, а одобрял: «Хлопать-то надо ручки повыше задира́ть, чтобы и соседи видели». Один воздержался при голосовании расстрела Промпартии . . . «И на другое утро — повесточка в ГПУ. И — на всю жизнь». Как это было, что и «вся ленинская гвардия — лютые перерожденцы . . . все друзья и знакомые — враги народа», да возможно ли это!? Почему все, прежде даже на фронте гражданской войны храбрые, спасовали, трепетали, одобряли? Этого он не понимает. Почему и Крупская отмалчивалась!? Шулубин вспоминает Ф. Бэкона и его учение об идолах рода, идолах пещеры, идолах театра⁴⁵ — авторитетные чужие мнения. Автор не забывает о слушателе — Костоглотове. Когда Шулубин помянул идолов пещеры «Олегу представилась пещера: с костром по середине, вся затянута дымом, дикари жарят мясо, а в глубине, полунеразличимый, стоит синеватый идол». Тонкое замечание настоящего психолога-писателя. И далее Олег, не читавший Бэкона, не понял о каких идолах театра идет речь и спросил Шулубина. — Шулубин знает жизнь, он с ней не мирится, он — большевик с 1917 года. А вот ради спасения жизни семьи — подли-

---

⁴⁵ Солженицын мог читать Бэкона или Собр. Соч. тт. I и II, СПб 1874 г, или скорее по новому советскому изданию «Новый Органон», Москва 1938. Цитируемое Шулубиным место Идолы (Idola) Новый Органон I, 39. Idola Tribus, Idola Fori, Idola Theatri, Idola Academiae.

чал, сжигал по приказу тайному всякие книги, теорию относительности объявлял с кафедры мракобесием, *перестраивал* и анатомию, и микробиологию сходно учению невежественного агронома,⁴⁶ и жег книги по спискам. «Жгли генетику, этику, кибернетику! арифметику!» (стр. 368). Шулубин все еще предан социализму — «из этих жестоких лет не выведете, что виноват социализм», умоляет он Костоглотова. Но, Шулубин хочет иметь нравственный, этический социализм. Социализм в СССР при Сталине его удручает и ужасает. Вот жизнь птичницы в колхозе: «Две тысячи пятьсот кур. Пол земляной, а куры все время роются, и в воздухе пыль такая, что противогаз надо бы одеть. Еще лежащую кильку она все время забирает в открытом котле — ну и вонь... Рабочий день летом — с трех утра и до сумерек. В тридцать лет она (колхозница) выглядит на пятьдесят». Костоглотов убеждается, что «по пути к коммунизму привилегии одних перед другими должны увеличиваться... Значит, чтобы стать равными, надо стать неравными, да?» А все же Шулубин остается социалистом.

Есть в книге Солженицына и люди, которых не может мучить совесть, она в них никогда не пробуждалась — абсентизм Совести. Таков Ахмаджан, Халмухамедов, Нэлля. Нам их труднее понять, чем марсиан по слову писателя. «Если десятки лет за десятками лет не разрешать рассказывать то, как оно есть — непорочно разблуживаются человеческие мозги и уже соотечественника понять труднее, чем марсианина». (Стр. 385). Не мучит совесть и подростков, юных птенцов попавших в клешни рака. Демке и Асе лет будет по шестнадцать-семнадцать.

Демка только что получил свою первую зарплату, он работает и учится. Любил футбол и от случайного удара при игре получил рак ноги — голень повреждена. Мальчик он скромный, видно и средних способно-

---

⁴⁶ Солженицын здесь, весьма вероятно, имеет в виду Т. Д. Лысенко — агробиолога, рождения 1898 г.

стей, а сердца горячего, наивного взгляда на жизнь; видите ли, по словам юнца, «общественная жизнь очень разжигает». Правда, при всем его тяготении к истории или литературе тут все не ясно. Не может он запомнить бесчисленных новых писателей, а среди них-то и сколько лауреатов! Путаются в его памяти три разных имени, а одинаковы по фамилии — Кожевниковы. Да и то что они написали так сходно и запомнить невозможно. Тычется его незрелый умишко, его еще не выработанный вкус и неопытные чувства, как слепые щенята в проблематику, в загадки советской литературной критики. Вот, писательница, очень известная — В. Ф. Панова, а и ее критика обвиняет в чем-то Демке непонятном, противоречие какое-то. Невдомек бедному Демке: надо писать объективно, правдиво, это разумно; но обвиняют в печати Панову, что де она «стала на зыбкую, засасывающую почву объективизма». Не попалась ему в руки книга художника Ильи Глазунова «Дорога к тебе». Там понятно и ясно разъяснено, что такое «соцреализм». Видишь понурую лошаденку, старый плуг нищего колхозника, но рисуй трактор и лихого, довольного собой и гордого машиной тракториста. Этого Демка не знает, а узнав, еще не известно, не попробует ли говорить и писать о том, что видит. А так нельзя! Надо описывать Жизнь «какой она должна стать». Напрасно советует ему Костюглов идти в техникум, научиться собирать и разбирать машины — оно и вернее и спокойнее. Рвется Демка в общественность и в ее отражение в литературе.

В больнице Демка встречает Асю. От желтой клумбы волос на ее голове он «даже моргнул». «Девушка показалась ему такой красивой, что задерживаться на ней взглядом не посмел, — отвел и прошел». К женщинам его раньше не тянуло. Мать была развратница, и то что видел Демка, пока жили вместе, было и отвратительно и унижительно. Удивила и пленила его именно Ася с ее желтым снопиком волос, который так подрагивал на ходу. «Такие девушки вообще были ему недостижимы». Познакомиться он не решался. Знал, что будет молча краснеть, да мычать неразборчиво глупое.

Еще неудобство: стригся паренек под машинку и не делал зачеса на лбу и «выглядел перед ней как болван». Недаром же говорится: оболванить — остричь коротко. «И вдруг ангел сам сказал: — Что ты робкий такой? Второй день ходишь — не подойдешь. Хохолок или султанчик, как на цветке, качался на голове. — Ты что — пуганный, да? Бери стул, волоки сюда, познакомимся... Он взял стул и, вдвое стараясь не хромать, понес его к ней». Демке странно: сидит и ничего не читает и не делает. Ася же «делает» — музыку слушает и танцует мысленно. Демка танцевать не умеет. Их разговор прекрасно передает модность Аси и затурканную скромную душу Демки. Она с презрением уже относится к танго, его бабушки танцевали, «настоящий танец сейчас рок-н-ролл». А Дема думает о глазах соседки, они хоть «с призеленью, но ведь глаза не покрасишь, какие есть. А все равно приятные». Выясняется, что Демка — «лопушок», еще не знавший половых усад, не то что Ася! Она еще до десятого класса все узнала. Танцевальная музыка кончилась и в их разговор врывается голос премудрого Диктора. Говорит он «о позорных парижских соглашениях опасных для Франции тем, что ее отдавали во власть Германии, но и Германии невыносимых тем, что отдавали ее во власть Франции». Автор здесь не ехидствует, верно, так и говорил диктор. Ася и Дема продолжают уже дружную беседу. Она — только на три дня, на исследования. Узнав, что хотят у Демки ногу отрезать, возмущается: «ни за что не давайся! Лучше умереть, чем без ноги жить. Какая жизнь у калеки, что ты! Жизнь дана для счастья!» И Демка тает. Все его ценности в жизни, ученье, труд «не выстаивали против быстрого воздуха из Асиных губ». И думая для чего же живет человек, а ему и без ноги захочется еще и еще пожить, спрашивает живую и самоуверенную девчонку «для чего... человек живет?» Асе все ясно: — как для чего? Для любви, конечно! Вся сладость в любви половой, в молодости, а она — с девятого класса! «А одна у нас в восьмом забеременела... И чего откладывать? — Атомный век!» Но не знала, всезнайка, что ей отрежут одну из ее красивых

девических грудей. Рыдает Ася думая как ей и на пляж выйти, как жить такой и кто такую калеку любить и жить с ней станет!? Зная, что быть операции и не избежать потери, она идет к уже безногому Демке и дает ему полюбоваться и целовать взасос это нежное чудо красоты женской. Дема и расстроган и упоен и жаждет помочь. Он, Дема, как выздоровеет, с радостью бы женился на Асе . . . Нет, этих полудетей совесть не мучит! Да они еще никому зла не сделали, не хотели и не задумывали.

Другая пара юных отпрысков — дети Русанова, двое младших — Майка, что не хочет учиться, и спорту преданный Лаврик. Их не мучит ни жизнь, ни заботы взрослых, ни злые дела злых людей. Лаврик уже умеет водить машину отца. На всех не своих им наплевать. Дети привилегированных бюрократов. — Не будет мучить, вероятно, совесть и бодрого исправителя недостатков снабжения Чалого. Сколько у него жен? В этом городе, кажется, две. Обе заботятся, в больницу еду и выпивку приносят. Тип ловкого жуира, спекулянта времен новых, когда «блат» умному делу рад, «кто умеет — тот и имеет». И все законно — незаконно, через протекцию, да богатство дяди, то есть государства. Казенное? Оно и мое, и твое, и наше. Видит это и Русанов и жметя, не хочется перед отъездом давать свой телефон, не своего круга Чалый, хоть и дружно они выпивали и врачей ругали. Хорошо этот Чалый подсмеивался: «Разве они лечат, они в могилу мечут». А все видно — пройдоха Чалый, недаром что уже и зовет Русанова не по имени отчеству, а фамильярно — Пашей. Есть в описании последнего свидания с Чалым, некий налет от гоголевского жулика Чичикова, тот кланялся «несколько на бок, впрочем не без приятности», заметил автор «Мертвых душ». Солженицынский Чалый — «состукнул пятками, а голову отклонил на бок — отчасти почтительно, отчасти игриво». Знал Русанов, что «не очень солидно было связываться с ним». Не оставляю ему телефона, решил Русанов. Решил, но . . . Оказалось, что Чалый заметил на «москвиче» плохую

резину. Максим Чалый может достать хорошую и быстро... «Вырвал Павел Николаевич из записной книжки листик и написал Максиму служебный свой и домашний свой» телефоны.

Не совесть — за что? — а жизнь мучит таких, как уборщица, из интеллигенции, из невинно пострадавших — Елизавету Анатольевну. В молодости ее могли звать Лиля, были в ее жизни музыка, сирень, смех и стихи «и никакая цыганка никогда ей не предсказала кончить жизнь уборщицей где-то в Азии». Слова о литературе к ней идут — ночами на дежурстве старые французские романы читает, чтоб забыться. — «Все литературные трагедии, говорит она, мне кажутся смехотворными по сравнению с тем, что переживаем мы... Аиде разрешено было спуститься к дорогому человеку и с ним вместе умереть... А нам не разрешают даже узнать о нем. И если я поеду в Озерлаг... Все будет зря!» Русские книги, советская литература, ей ничего не говорят — или противны: «в одних (книгах) — читателя за дурака считают. В других лжи нет, авторы поэтому очень собою гордятся. Они глубокомысленно исследуют, какой проселочной дорогой проехал великий поэт в тысяча восемьсот таком-то году, о какой даме упоминает он на странице такой-то. Да может это им и не легко было выяснить, но как безопасно!.. И только до живых, до страдающих сегодня — дела им нет... Где мне о нас прочесть, о нас? Только через сто лет?» — Все творчество А. И. Солженицына ответ на этот выкрик намолчавшейся угнетенной, замученной души. И есть, есть душа у людей, говорит все творчество писателя. Хрипит Шулубин во тьме после операции и шепчет Олегу: «осколочек, а?.. Осколочек?» Вспоминает свои слова перед операцией: «я так ясно чувствую: что во мне — это не все я. Что-то уж очень неистребимое, высокое очень! Какой-то осколочек *Мирового Духа*». Так коммунист с 1917 года — Шулубин

---

⁴⁷ В романе несколько раз цитируется и Евангелие без всяких ссылок на него.

говорит нам о Боге,⁴⁷ о душе совсем сходно со словами гуманиста Орещенко.

Значительно число героев в РАКОВОМ КОРПУСЕ, но есть и главный, ведущий голос в романе. Он — самый подвижной из больных, у него две любовных истории, Зоя и Вера — ВЕГА. Все с ним разговаривают и он чаще всех на виду. Костоглов Олег Филимонович в центре внимания всего произведения, он более других снабжен и автобиографическими чертами самого автора и важнейшее звено в критике сталинщины. Это дает особую цельность роману, связует, соединяет в один фокус лучи света во всей повести. Повторяю, центральная идея им высказана и особенно ярко на странице 385: «Если десятки лет за десятками лет не разрешать рассказывать то, как оно есть — непоправимо разблуживаются человеческие мозги и уже соотечественника понять труднее, чем марсианина».

В манере описывать то, что философ Н. О. Лосский называл: «внутрителесное ощущение», Солженицын очень близок к Л. Тостому. Вот, Зоя! «С особенной радостью она ощущала свои дружные тугоподхваченные груди и как они наливались тяжестью, когда она наклонялась над койками больных, и как они подрагивали, когда она быстро шла». А до этого замечания, тонко психологического, автор вспоминает, что Костоглов, в восхищении от грудей Зои, все думает: если бы поперек положить линейку на ее стоячие груди, удержится — не удержится линейка. Таким образом мы как бы подготовлены к чувствам Зои и ее самолюбованию молодости, крепости, здоровья. — Как великий писатель Солженицын всегда помнит и о жизни вокруг героев, о тех мелочах, которые характеризуют человека в его манере есть, кушать, или «рубать от пуза». Пристально, неуклонно внимание писателя к природе, будь то розовое чудо радостного цветения урюка, или солнечный свет и тени. Автор поглощен разговором Шулубина с Костогловым, а в то же время он их видит со стороны как они сидят на солнышке на скамейке. «По-

добно ему и Костоглоотов, тоже осунувшись, тоже пере-
висясь вперед и назад, сидел на узкой скамье, как хо-
хлатая птица на жердочке. На земле перед ними наис-
кось ярко чернели тени их с подобранными ногами». Костоглоотов глядя на томящегося воспоминаниями, му-
ками совести, Шулубина внезапно вспоминает кого он
ему напоминает своим видом «всей своей взъерошенно-
стью. — Ах, вот кто он был! — он был сумасшедший
мельник из «Русалки» — «Какой я мельник?? — я во-
рон!!» Через страницу Солженицын доканчивает порт-
рет ворона-мельника в лице Шулубина: «Бессильными
крыльями — висел его халат», замечание гениальное.
А почему «Русалка» Пушкина пришла в голову Олегу
Костоглоотову? Несколькими страницами ранее, каю-
щийся Шулубин цитирует стихи Пушкина:

«В наш гнусный век
На всех стихиях человек
Тиран, предатель или узник!»

Читаешь, заметишь и невольно воскликнешь: какой та-
лант! Как бывшее и настоящее сливаются в новосоздан-
ной картине. Что еще удивительнее это простота архи-
тектоники романа как и в ОДИН ДЕНЬ ИВАНА ДЕНИ-
СОВИЧА. Большому искусству, заметил композитор
Метнер, не нужна мода, потуги на новшество. Сам по
себе великий талант, опираясь на прошлое, на тради-
ции, создает свое, новое: Гайдн и Моцарт, Моцарт и Бет-
ховен. Но есть в Костоглоотове и отблеск гуманизма XIX
века. Он правдолюбец, но он и защитник, критик, но
без самопротиворечий, что встречаем так часто в рас-
суждениях и некоторых классиков. Грубоват, бывший
сержант Костоглоотов, да жизнь-то кругом какая? С
волками жить, если и не по-волчьи выть, то кусаться
необходимо. Иначе сразу затопчут, не пропустят. Срав-
ните сцену в очереди за билетами. Чтобы создать тип
Костоглоотова нужно и самому быть героем, мучеником
и творцом непреходящих современных и вместе сверх-
временных ценностей.

Каждый великий писатель имеет и свой язык с печатью индивидуального мироощущения. В языке прежде всего важно богатство лексики, словаря писателя, те области где он чувствует себя *как дома*. Великие писатели всегда отличаются широтой и сложностью, богатством и своеобразием своего словаря. Таковы Шекспир и Гете, Шиллер и Сервантес, Пушкин, Толстой и Достоевский. Словарь РАКОВОГО КОРПУСА и других произведений, особенно В КРУГЕ ПЕРВОМ, отражает и глубину и широту образования Солженицына, его связь с литературой новой и древней, знание проблем медицины и социальных отношений — жизни советского общества. Читателя сразу охватывает, окутывает атмосфера своеобразия языкового состава. Это не гладкий, не выхолощено-правильный язык. Велико своеобразие лексики, порою чисто народно-Далевской, или грубо индивидуальной с оттенком опошления языка, например разговор Нэлли, крутозадой, большеротой с густыми широкими бровями. Язык имеет в романе ряд слоев: архаический, специально медицинский, просторечный, нейтрально журналистический, лагерный, лагерно-воровской, диалектический, философский. Философский он в мыслях Орещенкова, в рассуждении Шулубина о «Новом органоне» Френсиса Бэкона; журнально-советский в устах Авиеты, а иной раз лагерный в речи Костоглотова. То тут, то там слова показывающие область Ташкента, сартов — *чекмень, пиала, урюк* и т. п. Все дано с мерой, все гармонизирует с описываемой жизнью: пацан, вбивчиво, замели, всыпать, сдЫ-хать (убрать, удалить), эвенки⁴⁸, обнадежный, шмон, раскололся (признался), ну их на фик, и т. п. Но всего интереснее использование самим автором своеобразных

---

⁴⁸ Племя тунгусо-манчжуров — область Магадана.

лексических единиц: еще *нудьги* (тоски) нагонял; ложки к бою ⁴⁹ (будем есть). Уже первая фраза настораживает читателя: «Раковый корпус *носил* и номер тринадцать». Фраза эта в духе или сознательной или бессознательной калькировки. По-французски говорится *porter* — носить номер, только о номере тринадцатом, номере зла. От суеверия и вздрагивает сердце атеиста Русанова. Когда Солженицын говорит об Асе, ее волосы подчеркнуто определяются все по-разному: хохолок, снопик, клумба волос, султанчик. Река имеет «ровный шумок», Зоя — заподозрела; *пробелился* пасмурный неподвижный день; от авосья только авоська ⁵⁰ осталась; не моглось думать; урекался отвыкнуть; свалили Беррию с жестяным громом пустого истукана; охватил (понял); вполздоровая (полуздоровым); доброденствие; ⁵¹ неутишно дергало ногу; кто меньше толкует — тот меньше тоскует; обрешеченное окно; обстрогавшееся пожалечевшее лицо; зареванное лицо (в слезах); стало сперто, вонько; изболевые глаза; по полу елозить (ползать); слабоногие ивы; зачуханный (устало-измученный).

Иногда встречаются перифразы и сравнения очень удачные и необычные. Известно предложение «Бочка меду, да ложка в ней дегтю». Врачи и спасли и словно бы искалечили Костоглотова. «Спасли, они ж его и погубили. Мед был с дегтем равно смешан в бочке, и ни в пищу теперь не шел, ни на смазку колес».

В другом случае, когда речь о музыке, после «вечно — так вечно... Там проживут без тебя»; и памятуя о весне вспыхивает отдельная, выделенная особо фраза «О, не дразни меня, дыхание весны!» Это чуть измененный стих из арии Вертера в опере Ж. Масне того же имени. Иногда под пером автора изображенная картина со всеми метафорами, деталями описания

---

⁴⁹ Ср. военную команду «Оружье к бою!»

⁵⁰ Советское слово после революции; обозначает плетенный мешок-сетку, куда авось можно получить в какой-то лавке, в какой-то очереди продукты.

⁵¹ Старинное слово XII века. См. Лаврентьевскую летопись под 6633 г.

превращается в грозный символ. Зоопарк делается страной заключенных, страной граждан лишенных свободы — страной СССР. Известна еще сороковых послевоенных годов сатира М. Зощенко об обезьяне убежавшей из клетки. Побывала, побывала обезьяна на вольной воле и сама вернулась в клетку, там в клетке больше свободы, лучше жизнь, чем среди людей «на воле». У Солженицына все глубже и страшнее. Демка там хотел побыть хоть разочек и в зоологическом городском саду. Если не может сейчас сам, то пусть Костоглотов побывает за него и отпишет ему как и что видел. Дело в том, что Олег по временам ощущает мир зверей более близким и понятным, чем мир вокруг себя, чем людей лжи и зла. Да и был он лишен свободы, он поселенец на вечные времена, *на вечно* было написано в решении. Он и понимал лишенных свободы, зверей живых, а с перешибленной жизнью, затравленных как Олег. Путь в зоопарк свободен, тих. «Здесь был добрый тихий солнечный день, насквозь греющий через деревья». Природа как и всегда описана двумя-тремя штрихами с предельной экономией слов, красок, звуков и запахов. Только необходимое, только непосредственно идущее к делу. «В палисадниках хозяйки что-то сажали, или вставляли палочки для вьющихся». Слово «растений» опущено, и так все понятно.

В зоопарке первого Олег увидел винторогого козла. В вольере на высокой скале над самым обрывом стоял не шелохнувшись гордый козел. Удивительные были его рога — длинные, изогнутые и «как бы намотанными виток за витком из костяной ленты. У него не борода была, но пышная грива, свисающая низко по обе стороны до колен, как волосы русалки. Однако, достоинство было в козле такое, что эти волосы не делали его ни женственным, ни смешным». Твердой выдержкой, невозмутимым спокойствием веяло от козла и Костоглотов в восхищении думает: «Вот с таким характером можно переносить жизнь!» Разглядывает он и несчастную белку вольно попавшую в сумасшедшее кружение колеса. У нее не было разума, который бы сказал ей: оставь, покинь колесо, это — тшета... «нет!

Только один был неизбежный ясный выход — смерть белки» . . . Так, говорит писатель, *двумя многосмысленными примерами* — справа и слева, от входа, «двумя равновозможными линиями бытия, встречал здешний зоопарк своих маленьких и больших посетителей». Солженицын нарочито подчеркивает символическо-аллегорические картины, образы в зоопарке. Вот сипы, так похожие на орлов, напрасно все бьются в низкой клетке на скале — «угрюмые птицы, расширяли крылья, били ими, а лететь было некуда. Глядя как мучается сип, Олег сам лопатками повел, расправляя. Все у него вызывало истолкование. При клетке надпись: «Неволю белые совы переносят плохо» . . . А какой же выродок переносит хорошо неволю?» Надпись на клетке дикообраза вызывает воспоминание — труд с полдесятого вечера до четырех утра. Живет де барсук в глубоких норах — «вот это по-нашему! Молодец, барсук . . . И морда у него матрасно-полосатая, чистый каторжник. Так извращенно Олег все здесь воспринимал, и, наверно, не надо было ему сюда приходить», иронизирует писатель. А полярным медведям в сорокаградусную жару летом? — «Ну, как нам в Заполярье».

И за этим образцово-точным и живым, оригинально новым описанием зоопарка, следуют страшные слова. От слов этих как и от многого в книге Солженицына «возникает серый призрак и подземный гул» слышится. «Самое запутанное в заключении зверей было то, что приняв их сторону и, допустим, силу бы имея, Олег не мог бы приступить взламывать клетки и освобождать их. *Потому что потеряна была ими вместе с родиной и идея разумной свободы. И от внезапного их освобождения могло стать только страшной*». Разве эти слова и все предшествовавшие мысли, образы, символика и толкование ее не говорят о стране, о родине Костоглотова-Солженицына? — РАКОВЫЙ КОРПУС некоторые из врагов писателя восприняли как символ ^{51*} всего СССР. Автор возражал, думаю, вполне искренно.

51* Ср. «человек умирает от опухоли. — Как же может жить страна, проразенная лагерями и ссылками?»

Раковый корпус и есть раковый павильон, больница, ее персонал, больные, ее садик и ее стены. Конечно, борьба против сталинистов, против бюрократов и смысл жизни и смерти, значение не только коллективных, но и индивидуально острых, только личностью разрешимых проблем, мучений и озарений человеческого «Я». Однако, хотел этого или не хотел автор, РАКОВЫЙ КОРПУС — корпус, ведь, тело! — превратился в Символ страны. Ядовитые вирусы ползут и прикровенно движутся по кровеносным сосудам несчастной, бедно-бедной страны. Лагерники всех сортов связаны же как-то незримыми нитями со всей Землей, со всем государством. Урки шастают по городам, рвут очереди, пугают незащитных — сцена отъезда Костоглотова назад в Уш Терек. Зло растет, ширится, подозрительность хмуро щерится, обнажает клыки, точит когти на невинных. Шофер, служащий МГБ, попадает в больницу. Ему трудно уснуть и он получает два порошка снотворного. Сразу он уже наचेку, он бдителен, он подозревает врача: «отравить меня хотела. Надо ею заняться». Каждая «амнистия лопается пузырем или объявляется ворами, жуликам, дезертирам — вместо тех, кто воевал и страдал». Рак, рана сталинизма, обнаружена, описана во всех деталях великим писателем. Многие автобиографично в романе, а вместе с тем искусство и любовь к людям сделали все описанное сверхличным, типически общим в судьбах разных душ и разных тел. Поражает читателя и неслыханная смелость Правды, героизм писателя. Он не стар, а жизнь его прожгла насквозь: палата смертников, ужас ракового заболевания ему знакомы; грохот боя, героика и грязь войны, визг пуль, вой снарядов шли за ним годами; тюрьмы, этапы, следствия с пристрастием, наконец, школа и обычная наша серая жизнь и они не чужды, а понятны и поняты этим многогранным гением. Широта кругозора у Александра Исаевича равна широте и глубине его разностороннего образования, умной начитанности и любви к слову, к литературе. И как горячо, молитвенно сердечно обращается он с человеческим, а прежде всего с русским сло-

вом! А удивительнее всего его вера в слово, в необходимую нужность жертвы в жизни борца за свободу слова, за права милосердия, человечности и чести в СССР. Поистине нет писателя не только в России, а и на Западе равного ему. Да и будет ли?

Чуткий и умный русский художник Александр Бенуа писал еще в 1911 году о Рембрандте и трагедии его жизни: «Когда плачет душа гения, то это и страшно и прекрасно . . . Весь ужас этой жизни приобретает, именно благодаря своей чрезмерности, грандиозную красоту. Это подлинная Голгофа, крест, непосильный для средних людей, испытание, которого удостаиваются лишь избранные». Но что все испытания Рембрандта перед крестным путем Солженицына! Они просто несравнимы. Другие времена и другие люди настали. Скорбный путь свой и русских людей в СССР описал великий и скорбью пронизанный талант Великого писателя СССР.

IV

В КРУГЕ ПЕРВОМ

1

Люди читают литературу и воспринимают прочитанное по-разному. Философ мыслит о мировоззрении автора и его героев: агностицизм, монизм, дуализм, плюрализм, экзистенциализм, материализм, спиритуализм, конструктивизм. Занимают его границы познания, методы подхода к проблеме и самому термину Истины. Этика, эстетика. Историк литературы следит за идеей романа, изучает его структуру, одноголосен или полифоничен роман; стиль и язык, а в них роль и значение метафор, сравнений, ритма и откликов литературных образов. Социолога занимают отношения индивидуума и общества, состав описанного общества, социальная среда и писатель, национальный, экономический базис в романе, трагедии, поэме, роль религии. Средний же читатель думает об этом мало, ему интересно или не интересно, правдиво и красиво, трогательно или скучно и растянуто произведение и «в нем мало о любви, нет приключений, непонятно». Сама «проба временем», признание, слава писателя, основаны на росте и укреплении, широте интереса среднего читателя. Разумеется и критика здесь играет существенную роль и, так называемая, мода.

Меня занимал вопрос о том, какие типы героев из романа В КРУГЕ ПЕРВОМ более всего запомнились, оставили след в памяти у моих знакомых. Особый интерес представляют для меня мнения бывших советских граждан. Они помнят жизнь в СССР, людей, типичные фигуры из жизни там. Конечно, есть расхож-

дения, отличия, но все же оказалось возможным, после подсчета, обнаружить известную доминанту. Пишет-то Солженицын, в конечном счете, не для критиков и историков литературы, не для философов и социологов, а для читателей, и не вообще читателей, но преимущественно для русских подсоветских людей. И вот, на первое место вышли трое — Нержин, Рюмин, Володин; из женщин — Надя, Симочка и мадам Р. (Рузвельт?) в «Улыбке Будды»; Шикин и Абакумов. Ряд читателей считал, что «ну, на четверть» роман можно было бы сократить», «есть длинноты». Вот общее впечатление. Но все говорят, что вещь сильная, редкая, гениальная.

2

Вступление и конец романа связаны с именем Иннокентия Володина. Совесть, воспоминания детства толкнули дипломата-эпикурейца на риск сделать добро, предупредить об опасности. Добро для Володина обернулось страшным злом тюрьмы. Но не он носитель центральной идеи В КРУГЕ ПЕРВОМ советского ада. Заглавие романа, цитаты, самый вид тюрьмы перенесут нас сразу в круг первый, в Мавринскую шарашку⁵² под Москвой. «Воронок» привозит новичков. Один из них восклицает: «Что за сияющая вершина? Может быть я умер? Может быть мне это снится? Мне чудится, я — в раю!! — Нет, уважаемый, вы по-прежнему в аду, но поднялись в его лучший и высший круг — в первый круг, говорит Лев Рубин... Шарашку придумал, если хотите, Данте. Помните, Данте разрывался — куда ему поместить античных мудрецов? Долг христианина повелевал кинуть этих язычников в ад. Но совесть возрожденца не могла примириться с тем, чтобы светлых мужей смешать с прочими грешниками и обречь

---

⁵² Шарашка — жульническое учреждение. Возможно, что это слово связано со словами Шараш или Шарашкин. Подробнее см. в моей заметке в «Новом Русском Слове», Нью-Йорк, от 25. 3. 1969, стр. 4.

телесным пыткам. И Данте придумал для них в аду особое место... Это в 4-й песне звучит примерно так:

Высокий замок предо мной возник...

... посмотрите, какие здесь страшные своды! ⁵³

Сквозь семь ворот тропа во внутрь вела...

... Вы на воронке въезжали, поэтому ворот не
видели...

Там были люди с важностью чела,

С неторопливым и спокойным взглядом...

и так далее.

Так в этой главе цитаты из АДА Данте перемежаются сравнениями шарашки, в устах Рубина, кругом первым у Данте. Цитаты (10 стихов) позволяют соединить здесь в одно целое разные места из 4-й песни — стихи 106, 107, 110 и 112—115 оригинала. ⁵⁴ Последний стих 115 имеет отношение к словам новоприбывшего о сияющей вершине. Перевод, который использует Л. Рубин, скорее всего принадлежит перу поэта М. Лозинского. ⁵⁵ Из круга, где все еще свет и тепло и человечность, Вергилий поведет Данте ниже и ниже, туда — в оледенение, к Люциферу, Иуде и Бруту. В КРУГЕ ПЕРВОМ кончается все опять в движении: Нержина и его героических друзей уносит тот же воронок. Их повезут назад в лагеря Заполярья. Так замкнут круг, круг начатый с движения, заверченный движением. Только воронок новый, не «черный ворон» Ежова. Он снаружи такой приятный на вид, все по нему надписи мясо, viande, Fleisch, meat. Внутри и было живое мясо шарашки — герой и его друзья.

Мне думается, что не здесь конец влиянию Данте. Всякий поэт и писатель, кому обжег сердце пламень АДА, никогда о нем не может забыть, будь то роман-

---

⁵³ Эти слова Рубина о здании шарашки, переделанной в тюрьму из церкви.

⁵⁴ См. Dante Alighieri: *La Divina Comedia*. A cura di L. Pietronbono. *Inferno*. Torino, 1961, pp XXIII, 440 и Данте Алигиери: «Божественная комедия». Ад. перевод Бориса Зайцева. YMCA Press. Париж, 1961, стр. 337

⁵⁵ Поэт и переводчик М. Л. Лозинский (1886—1955). «Божественная Комедия» переведена в 1939—1945 гг. Издана в 1950 г. М. Л. Лозинским. Этот перевод, вероятно, цитирует Л. Рубин.

тик Альфред де Мюссе, скептик Анатолий Франс, мудрый жизнелюбец Пушкин, или тишайший лирик в прозе — Б. К. Зайцев. Чудесную мощь имеют таинственно властные чары стихов Данте. И потом, позднее, в романе на щеках то того, то другого героя Солженицына, — воина, философа, ученого или художника, — виден отсвет пламени из первого круга Данте, да и отблески из всей поэмы о томлении грешных людей. Сравните название главы В КРУГЕ ПЕРВОМ: «Да оставит надежду входящий» и АД, III, 9.

Наметим теперь разделы нашей критики В КРУГЕ ПЕРВОМ. За отзывами читателей идет речь о литературе и искусстве, о той переключке с другими гениями, которую мы слышим в романе. Герои его говорят о литературе, об искусстве, о философии и, в частности, об этике: цитаты, ссылки, восторг, или отрицание. Необходимо видеть хотя бы часть арсенала писателя, без этого не понять всего в романе. Да и нет современного большого писателя вне его отношения к искусству! — Этот роман Солженицына чисто полифонический — свыше сорока личностей с их сходной и вместе различной судьбой. Есть главный герой, математик Нержин, но это не Иван Денисович и не Костоглотов. Нет ведущего голоса в хоре голосов, хотя партия Нержина и длиннее и полнее, чем у большинства других. Отсюда и некоторая растянутость повествования и разрывы ткани в теле романа. Внимание рассеивается. Образы, люди, смешиваются. Три-четыре типа голосов перевешивают, глушат все остальные. Шумы вторгаются в симфонию тюремной жизни. За вопросами литературных откликов следует краткий разбор твердокаменности догматиков в их борьбе против религии. Затем идет речь о Сталине и сталинцах, как доминирующей теме. Наконец, типы людей, живущих в шарашке, где есть пульсация проблем этики, жертвенности, чести и предательства. Тюремщики и заключенные в их извечной борьбе. Если жизнь и смерть, болезнь и здоровье в центре РАКОВОГО КОРПУСА, то В КРУГЕ ПЕРВОМ это — люди и сталинщина, мужчины и женщины, зэки и вольняшки.

ВОПРОСЫ ГУМАННОСТИ И ФАУСТ ГЕТЕ

В декабре 1949 года происходит разговор Нержина с Рубиным. Последний был майором «Отдела по разложению войск противника», по специальности он германист, по убеждениям коммунист-фанатик. Он думает, что нельзя было распропагандировать немцев «не внося в них, не полюбив их», а позднее и не полюбив их после поражения и разгрома Германии. Двуликость героя, расщепленность его «Я» ясны читателю с момента выхода на сцену Льва Рубина. Но прежде всего, как ярый партиец, он хочет перевоспитать и заключенных шарашки. В беседе с Нержиным Рубин так и показан. Они говорят и о литературе. Мелькают имена, суждения о Хемингуэе, Чапеке⁵⁶ Фалладе.⁵⁷ Говорят и о зле и добре войн, и тут Нержин возражает Рубину: «Даосская этика говорит: «Оружие — орудие несчастья, а не благородства. Мудрый побеждает неохотно». Речь здесь об истории Китая в первом-втором веке по Р. Х. Учение называемое *даоцзяо* возникло в период династии Восточная Хань. Основатель даоцзяо, по преданию, был Чжан Дао Лин. Эта секта известна высотой своего этического учения (ср. цитату Нержина), и обожествлением Лао-цзы. Нержин и Рубин толкуют об этимологии слова счастье: от се-часье, или от со-часье — какая кому доля досталась; толкуют и о происхождении чело-

---

⁵⁶ Чапек Карел (1890—1938). Знаменитый чешский драматург и прозаик. Его слово *робот* вошло в ряд культурных языков всего мира из его драмы-фантазии РУР.

⁵⁷ Фаллада Ганс — псевдоним немецкого писателя Рудольфа Дитцена (1893—1947). Важны его прокоммунистические романы: «Кто отведал тюремной похлебки», русский перевод 1935 г.; «Железный Густав» 1938 г. (против Гитлера) и «Каждый умирает в одиночку» 1948 г. Ср. цитату из Маркса приводимую Нержиным (стр. 24 В КРУТЕ ПЕРВОМ).

веческого языка в связи с модной в то время теорией Я. Марра. После общелитературной подготовки, после разбора писателей интересующихся проблемой Добра и целью человеческой жизни, наконец, подходят к «Фаусту» (ч. 2-я). Рубин развивает свою теорию о смысле последнего акта великого произведения, отмечая глубину идеи второй части «какая глубокая идея!»

«... Ты вторую часть «Фауста» читал? — Спроси — читал ли я первую? Все говорят, что гениально, но никто не читает. Или изучают его по Гуно. — Нет, первая часть доступна, чего там!

Мне нечего сказать о солнце и мирах, —

Я вижу лишь одни мученья человека...

Вот это до меня доходит!

— Или:

Что нужно нам — того не знаем мы,

Что знаем мы — того для нас не надо.

— Здорово!.. — Ты же знаешь уговор Фауста с Мефистофелем — только тогда получит Мефистофель душу Фауста, когда Фауст воскликнет: «Остановись, мгновение, ты прекрасно!» Но все, что ни раскладывает Мефистофель перед Фаустом — возвращение молодости, любовь Маргариты, легкая победа над соперником, бескрайнее богатство, всеведение тайн бытия — ничто не вырывает из груди Фауста заветного восклицания. Прошли долгие годы, Мефистофель уже сам измучился бродить за этим ненасытным существом, он видит, что сделать человека счастливым нельзя и хочет отступить от этой бесплодной затеи. Вторично состарившийся, ослепший, Фауст велит Мефистофелю созвать тысячи рабочих и начать копать каналы для осушения болот. В его дважды старческом мозгу, кажущемуся диничному Мефистофелю затемненным и безумным, засверкала великая идея — осчастливить человечество. По знаку Мефистофеля являются слуги ада — лемуры,⁵⁸ и начинают рыть могилу Фаусту. Мефистофель хочет просто закопать его, чтоб отделаться, уже без на-

---

⁵⁸ По-латыни души умерших, позднее — злые духи.

дежды на его душу.⁵⁹ Фауст слышит стук многих заступов. Что это? — спрашивает он. Мефистофелю не изменяет дух насмешки. Он рисует Фаусту ложную картину, как осушаются болота. Наша критика любит истолковывать этот момент в социально-оптимистическом смысле: дескать, ощутив, что принес пользу человечеству и найдя в этом высшую радость, Фауст восклицает:

Остановись, мгновенье! Ты прекрасно!

Но разобраться — не посмеялся ли Гете над человеческим счастьем? Ведь на самом-то деле никакой пользы, никакому человечеству. Долгожданную сакраментальную фразу Фауст произносит в одном шаге от могилы, обманутый и, может быть, правда обезумевший? — лемуры тотчас же спихивают его в яму. Что же это — гимн счастью или насмешка над ним?» (Стр. 31—32).

Конечно, советская критика наивна и плоска, она повторяет слова плохих критиков и людей малосведущих в литературе (Ленин, Маркс, Энгельс). Но то, что подчеркивает в своем истолковании второй части «Фауста» Лев Рубин, тоже не отвечает во многом замыслу Гете и смыслу конца поэмы. Мефистофель выиграл пари, уговор, только наполовину, душу Фауста он не мог получить, она не оказалась в его власти. Фауст отрешился от эгоизма. Столетний и слепой старец не хочет ни возвращения молодости, ни власти, ни славы. Он не думает устроить жизнь людей без труда, без героики, порою, тщетных усилий в борьбе с природой. Жизнь есть никогда не совершённое задание, постоянное усилие в осуществлении Добра. Для Мефистофеля мечта визионера Фауста есть лишь «последнее, пустое, слабое мгновение». Фауст же верит в позитивное доброе значение свободы, труда и борьбы. Оттого-то ангел Господень похищает труп Фауста у Мефистофеля по Воле Всевышнего. — Не случайно и письмо Шубарта⁶⁰ Гете,

---

⁵⁹ Некоторые комментаторы «Фауста» колебались, не предвидит ли Мефистофель свою победу, то есть что Фауст произнесет слова, отдающие его во власть Сатаны.

⁶⁰ О смысле конца второй части «Фауста» см. книгу Emil Steiger „Goete“ 2. Auflage, Zürich 1963, стр. 442—451; а также

где он развивает приблизительно сходную идею, и сам ответ Гете о частичной лишь виновности Фауста. Правда, конец Фауста и Божье прощение не дают еще основания на бессмертие Фаусту и только в ответе на слова Мефистофеля „Es ist vollbracht“ ангельский хор отвечает: „Es ist vorbei“ — прощено, прошло. Важно в дальнейшей речи Рубина его воспоминание о прочитанной им некогда лекции. В этой лекции он развивал свою идею, что счастье недостижимо, или оно не существует в жизни людей, и подкреплял эти утверждения «Фаустом» Гете. И что же? Из публики ему подали записочку, на которую ему нечего было ответить: «А вот я люблю — и счастлива! Что вы мне на это скажете?» Так как рассмотренная мной глава В КРУГЕ ПЕРВОМ называется по стиху из «Фауста» — Остановись мгновенье!, следует коснуться и ее общего смысла. Эта глава входит составной частью и в следующую, восьмую. С понятием Счастье, по мнению Нержина, соприкасается опасность пресыщения. Лучше всего именно голодающий понимает радость еды, процесса питания, когда не ешь, не кушаешь, а «со священным трепетом приобщаешься! — как к той пране ⁶¹ йогов!» Счастье не зависит от богатства разных жизненных благ в существовании человека, а в первую голову зависит

Reinhard Buchwald: Führer durch Göthes Faustdichtung. Stuttgart, 1964, стр. 234—239 и Karl Vietor: Göthe Dichtung... Bern, 1949, стр. 354—358. За указание ряда книг по «Фаусту», позволение ознакомиться и с рукописью анализа второй части «Фауста», приношу ее автору свою благодарность. Проф. А. Фишер, директор отдела германистики при Монреальском Университете, сделал все возможное для ознакомления меня с последними достижениями трудов о «Фаусте» Гёте. Укажу еще на работу А. Л. Бема о «Фаусте» в России, главным образом о Достоевском и Гёте. Перевод приводимый Солженицыным принадлежит, может быть, Б. Л. Пастернаку.

⁶¹ Прана по-санскритски — дыхание; в учении индийских йогов один из пяти движущих тело жизненных принципов — начал. О даосской этике см.: А. Waley "The Way and its Power"; H. Maspero "Le Taoïsme", Paris, 1950; M. Weber "Religion of China", Glencoe Ill. Free Press, 1951 и др. За ряд книг по Даосизму должен поблагодарить молодого профессора синоведа — А. Лёвина. Солженицын, может быть, пользовался и русским переводом Фунг-Ю-Лана.

от нашего отношения к этим благам, утверждает Нержин. Он опять вспоминает даосскую этику: «Кто умеет довольствоваться, тот всегда будет доволен». Думает он так не столько на основании книг, сколько на основе своих наблюдений над людьми в тюрьме и их рассказов о своей жизни. Да он сам иной раз засыпает в тюрьме в чувстве полнейшей радости бытия и «никакой президент, никакой премьер-министр не могут заснуть столь довольные минувшим воскресеньем!» Вспоминается читателю и момент погружения в сон в повести ОДИН ДЕНЬ ИВАНА ДЕНИСОВИЧА, он, ведь, тоже засыпает почти счастливый прошедшим каторжным днем. «Счастье человеческое причисляется к *страданию* теми, кто умеет различать». Здесь мы нащупываем один из важнейших нервов всего творчества Солженицына. В своем интервью с Павлом Личко он особенно подчеркнул, что в наше время, когда люди «заедаются», верят только в технику, теряют веру, нужен писатель именно о ней, о вере, о правде и милосердии пекущийся. Даже и хорошо для писателя, если в обществе к нему несправедливы, это будет его экзамен, а судьба писателя нелегка. Тут же вспомнил Солженицын и обеднение современного русского языка, а надо бы использовать много областей русской лексики, где сохраняется особая красота. В своем выступлении на собрании писателей он говорил о своей готовности умереть, ибо мертвый писатель будет говорить еще сильнее душе читателя. В беседе с Нержиным Рубин называет его в негодовании Секстом Эмпириком, хотя Нержин прежде всего говорит о просветлении духа в страдании, вспоминая Льва Толстого, который де «мечтал, чтоб его посадили в тюрьму». Основа спора в том, прав ли Пахан — Сталин — в своих методах укрепления партии-государства, или нет. По мнению Нержина, скептицизм «есть форма высвобождения догматического ума». Но при чем же Секст Эмпирик, астроном, врач и философ второго-третьего века, наиболее беспристрастный из школы скептиков? Его «Пирроновы основоположения» были еще в 1913 году переведены на русский язык. В

ряде своих трудов Секст Эмпирик трактует о догматизме («Против догматиков»). Следя за спором Рубина с Нержиным нельзя не вспомнить ряд положений этого мудреца. Имя его приведено не случайно. — Следуя за развитием мыслей в романе Солженицына, читатель все время должен быть начеку, его внимание не смеет рассеиваться. Идет серьезная перекличка с литераторами, философами, историками (циклы римской истории по Т. Моммсену, например) и поэтами разных эпох и народов.

ЖИВОПИСЬ И ИДЕЯ

В своем рассказе ПАСХАЛЬНЫЙ КРЕСТНЫЙ ХОД Солженицын начинает прежде всего говорить о живописи. Не надо писать все точно, как оно есть, подсмеивается он, — «на то есть цветная фотография... надо линиями искривленными и сочетаниями треугольников и квадратов передавать мысль вещи, вместо самой вещи». Далее, не без юмора, писатель спрашивает, какая цветная фотография выберет «нужные нам лица со смыслом и вместит в один кадр пасхальный крестный ход патриаршей переделкинской церкви через полвека после революции». В новом искусстве нет смысла, нет правды жизни, в фотографии нет отбора и нет души живописца. Фотография лишена широты пространства и глубины замысла художника. В КРУГЕ ПЕРВОМ писатель дал незабвенно прекрасный образ художника Кондрашева-Иванова. Что интереснее всего, — соединил легендарно-литературный образ Парсифаля с его живописным воплощением на полотне замечательным мастером. Вестибюли Отдела, а прежде всего квартиры всяческих зам. министров «требовали украшения их картинами». Для того и содержался на шарашке «в качестве как бы дворового живописца» художник-зэк. Надо же было украсить все квартиры и вестибюли «большими, красивыми и бесплатными картинами». Заказчики тщетно поучали какие и какими красками надо рисовать картины, художник рисовал по-своему. Картины же, вправленные в золотые рамы, выигрывали, получали должный вид красоты. К этому-то художнику и потянуло Нержина после полного тревог свидания с женой. Хотелось тишины одиночества, а не разговоров уплотненной шарашки и ее оби-

тателей. На площадке лестницы превращенной в ателье, под потолком увидел Нержин символическую большую картину «Изувеченный дуб». Описание этой картины и вводит нас в духовный мир большого мастера живописи: «Это был дуб одинокий, таинственной силой растущий на взлете голой скалы, куда взбиралась по обрыву опасная тропа и был взнесен как бы и зритель. Какие ураганы ни дули здесь! Как ни корежили они этот дуб! И небо за деревом и вокруг нас грозным было сейчас, как вечно. Небо, должно быть, не знало солнца никогда. Изуродованное постоянной рукопашной с постоянно дующими, вырывающими его из скалы ветрами, — это многоуглое, когтистое, упорное дерево с ветвями заломленными, скрюченными, никак не оставляло борьбы и цеплялось за гиблое свое место над бездной». Это замечательно сильное описание картины построено на двух ключевых словах — взлет, подъем вверх и упорство в муках, кряжистая корежистость. Корежистый — скрученный, кривоствольный, с наростами на коре. Писатель сразу, с первых слов, заставляет нас поднять голову вверх, думать о вышине и круто поднимающейся тропинке. Высок, узловатонескладен и сам Кондрашев-Иванов. Зэк, свободный гений, кто не станет рисовать по заказу, лакировать и подлаживаться. Художник показал Нержину эскиз к задуманной большой картине «Замок святого Грааля»; глава так и названа — «Замок святого Грааля». Почему сидит в тюрьме правнук декабриста Кондрашева? ⁶² Да просто потому, что прослушал раз на квартире у друзей чтение какого-то ненапечатанного романа. Кондрашев-Иванов был требователен к себе до неумолимости... «Вы — о Парсифале знаете? — глуховато спросил он. — Что-то связанное с Лоэнгрином. — Его отец. Хранитель чаши святого Грааля... — Есть опера у Вагнера, да? — Момент, который я изображаю здесь, нет ни у Вагнера, ни у фон Эшен-

---

⁶² Имя, может быть, вымышленное. Кондрашева я не нашел в работах М. В. Довнар-Запольского, ни в двух томах работы о декабристах М. В. Нечкиной 1955 г.

баха.⁶³ Но мне представляется именно этот момент. Этот момент может быть у каждого человека, когда он внезапно увидит Образ Совершенства... Картина задумана была в высоту в два раза больше, чем по горизонтали. Это была клиновидная щель между двумя сдвинутыми горными обрывами. На обоих обрывах, справа и слева, чуть вступали в картину крайние деревья леса — дремучего, первозданного. И какие-то ползучие папоротники, какие-то цепкие враждебные, уродливые кусты прилепились на самых краях и даже на отвесных стенах обрывов. Наверху, слева, из лесу светлосерая лошадь вынесла всадника в шлемовидном уборе и плаще. Лошадь не испугалась бездны, лишь приподняла ногу в несделанном последнем шаге, готовая, по воле всадника, и попятиться и перенестись — ей по силам и перенестись. — Но всадник не смотрел на бездну перед лошадью. Растерянный, изумленный, он смотрел туда, перед нами вдаль, где на все верхнее пространство неба разлилось оранжево-золотистое сияние, исходящее то ли от Солнца, то ли от чего-то еще чище Солнца, скрытого от нас за замком. Вырастающая из уступчатой горы, сам в уступах и башенках, видимый и внизу сквозь клиновидную щель и в разломе между скалами, папоротниками, деревьями, игловидно поднимаясь на всю высоту картины до небесного зенита, — не четко-реальный, но как бы сотканный из облаков, чуть колышущийся, смутный и все же угадываемый в подробностях нездешнего совершенства, — стоял в лучистом ореоле сиреневый замок святого Грааля».⁶⁴

---

⁶³ Речь о великом немецком поэте средних веков Вольфраме из Эшенбаха. Верно, что ни у него, ни у Кретьен-де-Тройя (1180 г.) такой сцены нет.

⁶⁴ Чаша Тайной Вечери, в которую Иосиф Аримафейский собрал капли крови Христа, по средневековой легенде, может быть видима, только чистому сердцем герою. Легенда связана и с легендой о рыцарях Круглого Стола Короля Артура. Ср. серьезный труд R. S. Loomis "Celtic Myth and Arthurian Romance", 1927 г.

Чтоб написать словами такую картину, таких красок, такого возвышенно величавого смысла, — надо не только многое знать в легенде о Чаше, о Парсифале, но и самому быть настоящим живописцем в душе и сердце! Не боится писать Солженицын и для узкого круга ряд своих картин. Конечно, теперь немногим на Западе легенда о Граале тронет сердце. Но Солженицын пишет не только для толпы, не единственно ради гг. граждан, а и для людей Будущей России. Так он однажды и заметил в частной беседе.

Пропуская многое, обратимся теперь к произведению русских средних веков — «Слову о полку Игореве», жемчужине русской древней литературы конца двенадцатого века. Использовал «Слово» Солженицын для остроумной и вместе с тем беспощадной сатиры на советский суд, суд несправедливый и глупый, судивший преимущественно военных.

ОТГОЛОСКИ РОДНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Две стороны интересны в главке Солженицына о «Слове»: мастерство пародии где участвует ряд лиц, и настоящее, из первых рук, по первоисточникам знание о событии в русской истории удельного периода. Тут и «Ипатьевская летопись» и работы русских ученых по «Слову», и либретто оперы «Князь Игорь», а равно слова седой старины, подходящие к описанию того, что было восемьсот лет назад.

Вся соль пародии заключается в том, что князь Игорь в СССР давно был поднят на щит, объявлен героем и образом воинской доблести. Рубин и устраивает фарс на основании современных советских законов и форм советского судебного процесса. Он и его сотоварищ Нержин, и другие участники представления, доказывают, что князь Игорь изменник и гнусный переметчик. Исторически известные факты: ранение в отчаянном бою с половцами, плен, бегство из плена, освещаются в духе СМЕРША и его последователей. Две главы, «Хохма»^{65*} и «Князь предатель», посвящает Солженицын этой пародии. По статье 208 УПК РСФСР дело передается прокурору. Вот главнейшие пункты обвинения, вполне соответствующие действующему закону СССР: отвести «распространенное гнилое мнение, что раненный имеет моральное право сдать в плен. Амантай Булатов снял очки — и без их зазорного мужественного блеска глаза его оказались совершенно печальными. Он, и Пряничков, и Потапов, и еще многие из столпившихся здесь людей были посажены за такую же «измену родине» — за добровольную сдачу в плен. Спиридон... не засмеялся ни разу. Он хмуро взирал на суд. Пятидесятилетний русский человек, он впервые слышал об этом князе старых времен, попавшем в

---

^{65*} Слово «хохма» — по-еврейски мудрость (sagesse)
— «шутка».

плен, — но в знакомой обстановке суда и непререкаемой самоуверенности прокурора он переживал еще раз все, что произошло с ним самим и угадывал всю несправедливость доводов прокурора и всю кручинушку этого горемычного князя... Гремел прокурор: — мне хотелось бы особо оттенить отвратительное поведение обвиняемого в половецком стане. Князь Игорь думает вовсе не о родине, а о жене:

Ты одна, голубка-лада,

Ты одна...

Игорь предстает пред нами как шкурник... А его гнусный отпрыск тут же вступает в половую связь с Кончаковной, хотя браки с иностранками нашим поданным категорически запрещены соответствующими компетентными органами!.. Да кто же поверит, что человек, которому предлагали «коня любого и злата» — вдруг добровольно возвращается на родину, а это все бросает, а? Как это может быть?.. — Именно этот, именно этот вопрос задавался на следствии вернувшимся пленникам, и Спиридону задавался этот вопрос: зачем же ты вернулся на родину, если б тебя не завербовали?! Игорь был «завербован половецкой разведкой и заброшен для разложения киевского государства!» Но и этого мало: привлекаются к уголовной ответственности А. П. Бородин, Римский и Корсаков (здесь намеренно в тексте, — прокурор-невежда считает, что есть два лица: 1) Римский, 2) Корсаков!) Рубин требует и снятия со сцены «совершенно аморальной оперы «Князь Игорь». И тут восклицает инженер Пряничков: «У нас пещерный век или двадцатый?» Далее, в ходе описания суда-пародии, выступает эрудит — профессор Челнов. Он указывает, что вдобавок и мать князя Игоря была половчанка, что раз он уклонился от похода из-за серена — гололедицы⁶⁵ и т. п. Кроме того советует для пущей издевки привлечь к суду и покойного критика и историка искусства — Стасова, и автора «Слова о полку Игоревом», а в придачу, и нашедшего рукопись

---

⁶⁵ Редкое древнерусское слово, встречается и в хорватском языке, см. И. И. Срезневский «Матерьялы для словаря древнерусского языка», т. III, стр. 339.

«Слова» графа Мусина-Пушкина! Кончается пародия взрывом хохота эзков, когда Исаак Коган предлагает построжее наказать князя Игоря и, согласно статье 20, пункт «а», утяжелив наказание, объявить его врагом трудящихся и изгнать из пределов СССР! Увы, все в шарашке знали, что этот-то закон и не применялся.

О «Слове» написаны сотни и сотни книг, неохватное почти множество статей и заметок, но такого использования оно до сих пор не знало! Текст «Слова» и литература о нем, и летописи, и сама опера, служат благодарнейшей канвой для горько-справедливой сатиры-правды о военных судах в стране Победившего Социализма! Вместе с тем, попутно с развертываньем картины шаржа, мы слышим и голоса и реплики зрителей; автор рисует нам и душевное состояние простецов, как Спиридон. Не зная, что такое пародия на 1185—1187 гг., они прекрасно понимают несправедливость суда и приговора. Шутливая пародия превращается в могучее оружие против сталинщины. Улыбка смеха стягивается на лице читателя в гримасу боли и печального отвращения: «Вот так советское правосудие!»

Русская литература всюду присутствует, всегда упоминается в романах Солженицына и, конечно же, и В КРУГЕ ПЕРВОМ. Понятно, что Пушкин и стихи его, например «Евгений Онегин», цитируются и имеют свое структурно стилистическое значение, как и было показано ранее в разговоре Шулубина с Костоглотовым. Встречаем у Солженицына Некрасова, жен декабристов и упоминание о том, что их, при Николае Первом никто не преследовал, не гнал, не презирал и не наказывал. Ехали они де в Сибирь «в собственных каретах»! Есенин упомянут в маленьких рассказиках, и особо за книгу стихов поэта борется перед своим отъездом из шарашки Нержин. Солженицын высоко ценит «небесный огонь» лирики Есенина, который «обжигает щеки» писателя при мысли о поэте. Все это понятно и не удивляет любителя русской литературы. Но, вот, Крылов! И Крылов-то не сатирик, Крылов повернутый чем-то новым, какой-то непривычной нам стороной, серьезной

и даже мрачной. Возможно, что читая эту самую басню ранее мы не восприняли трагизма, да и сам трагический минорный звук стиха, гибель ценности, стали ясны только в обрамлении строк романа Солженицына, только в главе «Булатной сабли острый клинок», в главе о муках совести Догматика-Рубина, смысл стихов баснописца приобрел новый смысл. Рубина мучит бессонница, Рубин вспоминает, как он предал любимого брата: «Десять пистолетных дул, уставленных в его лицо, не запугали бы Рубина. Ни холодным карцером, ни ссылкой на Соловки из него не вырвали бы истины. Но перед партией?! — он не мог утаиться и солгать в этой черно-красной исповедальне. Рубин открыл — когда, где состоял брат, что делал... А сквозь память тянулись воспоминания, которых совсем не хотел он возбуждать. Которые забыть — значило исцелиться... Разумелось само собой — разрывать ямы с закопанным зерном, не давать хозяевам молоть муки и печь хлеба, не давать им набрать воды из колодца. А если дите хозяйское умирало — подышайте вы, злыдни, и со своим дитем, а хлеба испечь не дать. И не исторгала жалости, а привычна стала, как в городе трамвай, эта одинокая телега с понурой лошастью, на рассвете идущая затаившимся мертвым селом. Кнутом в ставеньку: — покойники е? Выносьте»... Так Рубин трудился для партии на коллективизации села и деревни. И казалось — прошло. А вот возвращается! «Сейчас вжато в голову. Врезано каленой печатью. Жжет. И чудится иногда: раны тебе — за это! Тюрьма тебе — за это! Болезни тебе — за это». И печальный и чуткий Солженицын поднимает и свой, авторский голос: — Чего не выматывает бессонная ночь из души печальной, ошибающейся?..» Да оно так и есть! Всякая поврежденная ошибкой совесть, даже не признающая своей ошибки-греха, делается внутренне печальной, душа тайно страждет. Вспоминается, ходящему по коридору Рубину-грешнику, басня Крылова «Булат». С горечью думает Рубин: а может быть не столь уж я-то виновен, как тот, кто не умел использовать меня для того, для чего я создан:

«Булатной сабли острый клинок
Заброшен был в железный хлам;
С ним вместе вынесен на рынок
И мужику задаром продан там».

Мужик же булатом драл лыки, щепал лучину. Булат стал весь в зубах и ржавчине. И однажды ёж спросил Булата в избе под лавкой:

Скажи, на что вся жизнь твоя похожа?
... Не стыдно ли тебе щепать лучину
Или обтесывать тычину?

И Булат ответил ему так, как сотни раз мысленно отвечал сам Рубин:

В руках бы воина врагам я был ужасен!
... А здесь мой дар — напрасен ...
Нет, стыдно-то не мне, а стыдно лишь тому,
Кто не умел понять, к чему я годеи! ..

И бессмысленная догма партии и глупые власти виновны в судьбе Рубина, это несомненно, да велика и его, Рубина, вина перед нелицеприятным судом человеческой совести, в бессоннице и головной боли, терзающей Льва Рубина, майора специальных войск, лингвиста и безумного догматика. Не случайно Солженицын дал одной из глав своего романа название: **НО И СОВЕСТЬ ДАЕТСЯ ОДИН ТОЛЬКО РАЗ!**

Читая произведения Солженицына невольно радуешься не только его великому таланту, но и обширной начитанности. Тут подробная цитата из Эпикура, здесь латинская уместная цитата, или переделка латинского изречения: вместо «хабент суа фата либелла» — дома тоже имеют свою судьбу. Приятно видеть настоящую культуру писателя, то перевоплощающегося в филолога, то в инженера, то в мужика Спиридона, то в Авиету Русанову, то в Надю Нержину, то в венгерскую еврейку. Здесь Монтэн, так ценимый Пушкиным, а там даже и хитросплетенный француз Шарон (1541—1603). Настанет время, когда можно будет издать сочинения Солженицына с комментарием к ним. Они стоят этого! Дело не в том, кого цитирует автор, а в том, какую роль играет цитата, как она использована.

ЯЗЫК И МАСТЕРСТВО

Читая Солженицына все время чувствуешь особую свежесть, часто необычность и меткую силу богатого своеобразием языка. Из глубоководного озера его речи причерпнем пригорошню-две примеров. Сквозь пальцы прольются сверкающие капли — слова живые, вещные и вещие, слова русские, да найденные автором, присно солженицынские и в то же время и наши. Чтобы писать большое полотно картины нужно знать законы перспективы и тайну композиции, но нужны и краски. Краски для поэта и прозаика — его слова. Не найдешь нужного слова, не получишь и нужного оттенка в своей речи, и говоря о камне «не сделаешь камень каменным», не почувствует читатель его вес, его шершавость, или окатанную гладкость, а будет только понятие — «камень»! Здесь я буду приводить примеры только из В КРУГЕ ПЕРВОМ. В основном я обращусь к слову в контексте и к идиоматическим выражениям и образности языка писателя. — Под стилем писателя следует подразумевать определенную образную систему, средства, приемы автора для выражения чувств, волевых импульсов и мыслей. С этой точки зрения и будем анализировать примеры.

«Выходной только *вольняшкам*, Посунулся назад, У нас страна большая, необедняем! Куна хоть *хлопнули* в тридцать седьмом,⁶⁶ Нагорожено семь верст до небес, и все лесом, Натаявшую воду чуть подобрало хрупким ледком, Виднелось черное *гнилозимнее* пятно — разводье, Разящее воспоминание *прохлестнуло* Яконова, (о пиле): Жрет себе, жрет, мелко жует, сама не глотает, другим отдает, С казенным (и потому до квадрат-

---

⁶⁶ Советская энциклопедия дает год смерти 1939.

ности коротким) полотенцем, Уже в полную силу рас-
свело, Они уже обстывали и весело взялись за пиле-
ние, Это было много надсаднее, чем миска пустой ба-
ланды, Говорит пословица: не море топит, а лужа, Там
под нарами Бутырской тюрьмы, робот впервые стал не-
доуменным, что, как известно, противополжано робо-
там, Ну, тогда пойдеш вкалывать!, С корабельной кров-
лей, старинный деревянный дом, Но мне, встречно (со
своей стороны), хотелось бы знать, Его изнимала доса-
да, Генерал Бульбанюк, вся голова которого была как
одна большая непомерно разросшаяся картошка с вы-
ступлениями носа и ушей, (украинское «бульба» — пу-
зырь, шишка; русское, псковское «бульба» — картош-
ка), Мимо этого белого парка в инее, густо закружавев-
ших его ветвей, На остановках грудились беспорядоч-
ные очереди, Удручающе-притворно хвалословили ти-
рана, За сплотками досок деревянных заборов, Столеш-
ница стола, Грозные параша (здесь — слухи), У торца
стола надзиратель недреманной статуей вслушивался в
разговор, Плотный бульдоговидный, Отставной ганг-
стер не шелохался, Шубка была еще довоенная, давно
просилась хоть в перелицовку, мех воротника проре-
дился, полег, Песчинки секунд неупержимой струей
просыпались в стеклянное горло Времени, Нахальство
— второе счастье!, Дочерей звали: Динэра, Дотнара и
Клара. Динэра значило Дитя Новой Эры, Дотнара
— Дочь Трудового Народа, Своей наполненной скоро-
метчивой жизнью, Своя воля клад, да черти его стере-
гут, Густой грудью леса стояли оливково-черные ели,
С бранчливой кумой не напрощаешься, Если б, значит,
не сутемки, вы бы, не пришли?, Не признавали права
его безразумной службы, Земеля был талая душа и не
мог долго сопротивляться, Палочка-протиалочка ме-
талась, очищая ветровое стекло (автомобиля), И как
жизни отданной не вернуть, так и испорченной совести,
Болезнями же перехоронился он (спасся), У Макары-
гина был крутой окат головы и оттопыренные уши, Ра-
зя перстом, как пикой, Радович *вгорячах* подтверждал
свои слова колющими движениями руки, Целовал ее
руки и узорочные браслеты, Затеребил *отструек* чер-

ной бороды, Судьба человеческая закидывала загадки и беда обертывалась прибытком, Никакие раздумки не обессиливали Спиридона, Намозоленный *заскорблой* ладонью с силой протер по небритой щеке, Сеяли рожь, а выросла лебеда, Не любил подхватываться в *темнедь*, После *затравы*, первой полсотни лопат, пошло ровно, Он пророк глубокой чернильницы,⁶⁷ Пришлось *вдо-сыть* хватить лагерей военных лет, Голый *квелый* костистый мужчина, Опять кирка и тачка, голодная пайка сырого хлеба, больница, смерть . . .»

Под словом *образ* я подразумеваю формы представления внутреннего мира и внешней окружающей нас действительности, художником слова. Олицетворения, символы, аллегории, звукоподражания, конкретные картины могут стать образами. Когда Пушкин в «Полтаве» сравнивает вид, весь образ Петра с Божьей грозой, мы воспринимаем этот стих: «Он весь, как Божия гроза» в связи со словами — «лик его ужасен». Фигура Петра отождествляется с грозой, с начатым грохотом пушек, с боем и грядущей победой. — Уже в приведенных примерах лексического своеобразия писателя вспыхивают, если не образы, то образность, сосредоточенная напряженность слов Солженицына, их отбор и особенности. Часто образы, или образ у него соединяются с целой картиной, со всей композицией, нарисованной писателем. Бывает и совсем особенная *двупланность*: люди шарашки внезапно повторяют сцену из чужого литературного шедевра, например из «Ревизора» (явление 3-е). (Бобчинский): . . . «Э», — говорю я Петру Ивановичу . . . (Добчинский): — Нет, Петр Иванович, это я сказал: «Э». (Бобчинский): — Сначала вы сказали, а потом и я сказал. «Э»! — сказали мы с Петром Ивановичем . . .» Ну, как не начало рассказа «Улыбка Будды» «В круге первом»! — «И кто-то из нас первый сказал: — А что, если бы . . . ? — Это вы, Андреич, первый сказали: а что, если бы . . . ? — А что, если бы, — сказали мы с Глебом Викентьевичем . . .» С

---

⁶⁷ Ср. у Ф. И. Тютчева: «нарцисс собственной чернильницы».

гоголевской улыбки и начинается поведение об улыбке Будды в ужасной московской тюрьме. Иной раз начало образа соединено с зашифрованной цитатой из Л. Толстого, со стихом Пушкина, и всегда все сделано мастерски! Об этом, позднее, господа критики так напишут толстый фолиант. Критики же, как женщины, безмерно любят, чтобы последнее слово осталось за ними. Вся книга Солженицына пронизана образами и здесь я приведу только те, которые, по моему мнению, особо типичны для романа. «Спали на двух этажах здания и еще двух этажах коек, видя во сне: старики родных, молодые — женщин, кто — пропажи, кто — поезд, кто — церковь, кто — судий. Сны были разные, но во всех снах спящие тягостно помнили, что они — арестанты, что если они бродят по зеленой траве или по городу, то они сбежали, обманули, случилось недоразумение, за ними погоня. Того полного счастливого забытья от оков, которое выдумал Лонгфелло в «сне невольника», — не было им дано... Лай овчарок, и молотки конвойных, и терзающий звон лагерного подъема — просочились к их костям сквозь все наслоения жизни...» (стр. 363). — «В старинных тетрадах с синими сафьяновыми обложками шли по-русски и по-французски дневниковые записи странным маминым почерком — как будто раненая птичка металась по листу бумаги и неверно процарапывала свой причудливый след коготком». Иннокентий Володин и Дотти «жили влюбленно, счастливо в грозные, страшные годы: жили шесть лет. Шесть лет почти все были те самые годы, когда человечество рыдало в разлуках, умирало на фронтах и под обвалами городов, когда обезумевшие взрослые крали у детей просфорки черного хлеба. И горе мира никак не оваяло лиц Иннокентия и Доттары». — «Так село их восемнадцать, и ни один не поднял голову попрощаться с высокими, спокойными липами, осенявшими их долгие годы в тяжелые и радостные минуты». Никто, кроме автора и ранее вспоминавшего липы около двора шарашки. Арестанты едут в заполярье, в тайгу, им — не до лип. Но, чтоб напомнить прошлую картину, чтоб окружающее ярче запечатлелось, и про-

рвался голос автора-комментатора. — Измученный бессонницей арестант на минуту выходит на двор. Ночь, тишина, снежит: «Его пронизало наслаждение покоя, тем более острое, чем оно было кратче — вся сила бытия, все счастье никуда не идти, ничего не просить, ничего не хотеть — только стоять так всю ночь напролет, замерев блаженно, благословенно, как стоят деревья, ловить, ловить на себя снежинки. И в этот самый миг с железной дороги, которая шла от Маврино меньше, чем в километре, донесся долгий заливчатый паровозный гудок — тот особенный, одинокий в ночи, за душу берущий паровозный гудок, который в зените лет напоминает нам детство, оттого, что в детстве так много обещал в зените лет». — ... Спиридон лежал и не двигался, ему жалко было, что недосмотрел он сна. Ехал он на телеге, наложенной сушником, «а под сушником — прихороненными от лесника бревешками» — ехал будто из своего ж леса к себе в деревню, но дорогою незнакомой. Дорога была незнакома, но каждую подробность ее Спиридон обоими глазами (оба будто глаза здоровы!) отчетливо видел во сне: где корни, вздувшиеся поперек дороги, где расщеплина от старой молнии, где мелкий сосонник и глубокий песок, в котором зажирались колеса. Еще слышал Спиридон во сне все разнообразные предосенние запахи леса и вбирчиво ими дышал. Он потому так дышал, что помнил во сне отчетливо, что он — зэк, что срок ему -- десять лет и пять намордника,⁶⁸ что он отлучился с шарашки, его, должно, уже хватились, а пока не послали псов — надо успеть привезти жене и дочке дровишек. Но главное счастье сна происходило от того, что лошадь была не какая-нибудь, а самая любимая из перебивавших у Спиридона — розовой масти кобылка Гривна — первая лошадь, купленная им трехлетком в свое хозяйство после гражданской войны... На этой лошади он и на ноги стал, и ее закладывал в корень, когда вез украдом к венцу невесту свою Марфу Устиновну. И теперь Спи-

---

⁶⁸ Намордник = («по рогам»...) — лишение прав после ссылки.

ридон ехал и счастливо удивлялся, что Гривна до сих пор оказалась жива и так же молода, так же не ссекалась вымахивала воз в горку и ретиво тянула его по песку. Вся думка Гривны была в ее ушах — высоких, серых, чутких ушах, малыми движениями которых она, не оборачиваясь, говорила хозяину как понимает она, что от нее сейчас нужно, и что она справится... Ему во сне хоть слезь да поцелуй Гривну в храп, такой он был радый, что Гривна молода и, должно теперь дождется конца его срока, — как вдруг на спуске к ручью заметил Спиридон, что воз-то у него увален кое-как, и сучья расползаются, грозя вовсе развалиться на броду. Как толчком его скинуло с воза на землю — и это был толчок надзирателя». Надо было вставать до срока в темноте, идти на работу. Какая сила в перевоплощении автора в мужика, как описан сон заключенного, где в мечтания сна входит мысль, что он, Спиридон, — зэк, что его хватятся, и в то же время в рисующейся спящему картине есть вся сочность красок, вся любовь к лошадке, и именно, скупое да метко отобранные крестьянские слова. И сама лошадь, и ее уши и жуликоватый-таки Спиридон — тут перед нами. Совсем другого рода образы в описании томлений и предчувствий опасности в сценах с Яконовым. Природа, окутывающий реку Москву туман, суть символы, тайнопись расколотой, мрачной, боящейся будущего души. Природное явление соединено с символом, повторение образа, его формы, врезаются в память и усиливают впечатление: «Бездна зовет назад», и «Церковь Иоанна Предтечи» рисуют нам настоящее и прошлое Яконова. Душа его во мгле. Он предчувствует срыв в своей жизни опять в бездонность и мрак. И вот, ползет туманная мгла и она следует за туманом в его душе близкой к леденящему отчаянию: «Туман жался к земле, а натаившую воду чуть подобрало хрупким ледком... — Москва-река была до набережных покрыта шевелящимся одеялом тумана... Туман вовсе лег на лед, и прямо под Яконовым виднелось черное гнилоземное пятно — разводье. И когда туман весь внезапно исчез... разящее воспоминание прохлестнуло Яконова». (Стр. 107—111).

Что же вспомнилось и острожалой тоской невозвратимости прожгло сердце? Вспомнил он, что именно с высоты этого холма, когда-то давно, он и его невеста — Агния (Непорочная) смотрели на закат над Москвой. Тогда не было ни холода, ни снега, а была осень — шестого сентября старого стиля и в церкви читался канон Деве Марии: «Лавиной лились атрибуты и эпитеты . . . и в первый раз Яконов понял экстаз и поэзию этого моления». Ради выгод и успеха, ради подделывания к большевизму гонящему Церковь, он отошел от своей Агнии навсегда. А теперь нет ни церкви, ни Агнии, ни канона Рождеству Богородицы: «. . . Яконов очнулся. Мажа кожаное пальто, он сидел на горке острых обломков на паперти церкви Иоанна Предтечи. Да, бессмысленно разрушили шатровую колоколенку и разворотили лестницу, спускавшуюся к реке. «Уже не увидит ни Яконов, ни одна душа, «на солнце пять червонно-золотых куполов Храма Христа Спасителя . . .» Замечательно и то, что прошлое все в красках, в нем красота ранней осени, экстаз моления, нежная чуткость Агнии, а теперь — теперь холод, промозглая сырость, опасность, туман да «черное гнилозимнее пятно — разводье». — В самом деле, «с кого начинать исправлять мир? — С других? Или с себя? . . .»

Мы здесь привели небольшую часть образов и символов романа, и прежде всего именно те, которые сходятся с примерами лексики в контексте, как было выше показано.⁴ А сколько еще других! Дома, плывущие кораблями в океане темной ночи, арестант, мечущийся по заплеванному пространству, среди духоты ночного часа, в замусленном коридоре; мечется, мерит прокурено нечистое пространство, «мало подвигается», — время-то, Время остановилось . . . Будда улыбающийся, после всего блеска лживой показухи, из углышка своей ниши. Все по-прежнему: голод, скученность, тряпье. Забыли только его малый бюст тюремщики, бюст показухи — религия не преследуется, вот, — кому нужен крест и икона повешена, кто буддист, пожалуйста, есть и Будда!

Иногда кажется, что Солженицын — великий писатель одной, главной, темы: Сталинщина и Лишение Свободы. Все образы, вся мощь этого колоссального таланта направлены разить Злое-зло Сталинщины и ее приспешников. Тюрьмы, тюрьмы, ссылки, арестанты, кручина и боль, судьбы миллионов замученных и обездоленных, людей с перешибленной жизнью. И только тот, кого насквозь прожгла современность, поймет до конца величие Солженицына и его мир. Надо знать, необходимо нужно помнить, что на три части делится жизнь русских: 1) война и ее ужас; 2) тюрьма или плен, лагерь; 3) жизнь так, вообще жизнь, труд, работа, занятия. И только тот, кто и вкалывал и кого били, ктодохнул облегченно после ночного допроса: «Кости кажется целы!», кто слушал зуммеривший телефон, принимал к Земле-Матери в свисте пуль или осколков снарядов, кто не знал куда идти в холодной ночи, — тот поймет и почувствует до конца Солженицына, его святое призвание нового правдолюбца-мученика.

ДОГМА, ДОГМАТИКИ И ЦАРЬ ДОГМЫ

Люди, изучавшие шестидесятые годы прошлого столетия, хорошо помнят начало партийного догматизма в России. Догматизм и фанатизм ряда революционеров создал и «Катехизис революционера», и клятвы на Библии и пистолете, и людей, требовавших в своей революционно-прогрессивной семье, чтобы их звали «Папа-бог». Шестидесятые годы нашего века не менее замечательны. Как не вспомнить видение Ленина старухе коммунистке, о котором сообщал Н. С. Хрущев на Съезде партии коммунистов в Москве. Было сказано, что В. И. Ленин никак не хочет лежать вместе со Сталиным! Н. Бердяев разбирал коммунизм как псевдорелигию: Маркс — Ветхий Завет, Ленин — Новый; свои мученики, свои праздники, свои ереси, свои исповеди — признание ошибок, свой Мавзолей и псевдомощи в нем и т. д. До каких геркулесовых столпов доходит культ личности, лучше всего рисует нам серьезный и даже считающийся либеральным журнал «Новый мир». В десятом номере этого журнала в 1968 году Е. Драбкина напечатала свою работу о Ленине (часть I). Проза ее, видимо, не вполне удовлетворила, понадобились и стихи:

«Радуйся диалектике Гегеля тобой углубленной,
С головы на ноги установленной.

Радуйся, о Марксе, чудотворец великий!

Радуйся, Энгельс, брадатого Маркса вернейший
сподвижник!

Радуйся ты, о Ильич, великий и мудрый, к
Октябрю

Нас победно приведший, НЭП породивший,

Но НЭПову скверну аду предавший . . .» и т. п.

Одним словом чистейший акафист своим «святым» ком-

мунистам. Новых форм, конечно, нет, слова старые из акафистов и житий святых давно известные, но фанатичное рвение есть и вряд ли это можно оспаривать. Фаворитка Сталина М. Раскова не постеснялась утверждать, что она и ее товарки не могли умереть, так как о них думал сам Сталин! Догматики и туполобые фанатики хотят устроить и свадьбу в церковном духе на гражданско-коммунистический лад, но введя принцип храмовой торжественности. Об этом много раз писали и газеты и журналы СССР. Недаром заметил Секст Эмпирик, «догматик утверждает», он не сомневается, не исследует, он верит и требует подчинения своей догме. Доминанта целой эпохи — Сталин и его верные слуги. И теперь, через пятнадцать-шестнадцать лет после смерти Диктатора, после всех разоблачений Н. С. Хрущева, после всего, что появилось в СССР об Ежове, Берии и казнях сотен тысяч членов партии, пишет в своем романе писатель Чаковский (1968 г.) о «святости Сталина». — Прежде всего попробуем на основании самого романа выделить наиболее характерные черты этой эпохи, а затем сделаем анализ образов Сталина и некоторых из его приспешников, помощников и заплочных дел мастеров, всё на материале В КРУГЕ ПЕРВОМ. Нас занимает в первую очередь вопрос, как изобразил, оценил сталинщину и подобрал краски и формы для ее представления великий правдолюбец и мастер слова.

Перечислим главное: Бесправие, Жестокость, Унижение личности, Отсутствие закона, Террор, Сыск и предательство — Недоносительство есть преступление, Подозрительность, Трагедия миллионов: не трагедия, а статистика, Привилегии партийцев; как класса, Пирамида Партии и ее острая вершина — Сталин — кто близок к ней, близок к смерти! Бедная бедность бедных и замкнутость круга обеспеченных и богатых высших членов партии. Всякая догма связана с верой, вера требует обряда, обряд — храмов. Вот почему фанатик догмы партии, догмы коммунизма — Рубин — пишет особый проект о создании «Гражданских храмов». Он знал, что основы, устои нравственности пошатнулись, и для

«советской страны гораздо важнее Волго-Донского канала или Ангарстроя — поднимать людскую нравственность». (Стр. 369). Правда, Рубин знал и то, что «любители исторических аналогий могли бы обвинить автора в повторении робеспьеровского культа верховного существа, — конечно, это совсем, совсем не то!!» Тут чистый де атеизм,⁶⁹ нужен лишь обряд, торжественность, клятвы партии . . .

Достоевский давно заметил — отвергнет Бога человек, так Идолу захочет поклониться. Нет же Вечности и для Вождя! Нет бессмертия, в лучшем случае мумифицирование на время, да и то подновлять его надо! А все же без обрядов и храмов, без Отца народов, без Идола нет и настоящей партии. Коллектив безлик, нужна вершина, необходим Вождь, Некое воплощение в одной личности Партии. Так верит Рубин. Так чувствует и попроще человек — Русанов.

«Волкодав прав, а людоед — нет!» — говорит Спиридон. Какова жизнь при Сталине? И Солженицын развертывает длинную хартию грехов своей эпохи. «Побеждает тот, кто сильнее и жестче» и кто, разумеется, член партии. Если коллектив не хочет отыскать, назвать «нарушителей закона, он плох». Если же коллектив всем скопом набрасывался на одного своего члена и именно на того, на кого нужно, — такой коллектив по понятиям людей и выше Степанова был здоровый. Нужна критика, но деловая «не затрагивающая испытанных руководящих кадров!» Степанов привык за многие и многие годы партийной работы, что именно евреи были лучшими, надежнейшими в партии, и, вдруг, высокий партиец называет их жидами! А ранее за одно-то это слово «давали десять лет (лагеря), как за антисоветскую агитацию». Но . . . «партия-то есть Сталин — теперь решила иначе, иначе будет думать и член партии — бюрократ Степанов. Доносы, доносы . . . суды: Дырсин попал в институт от станка, учился упор-

---

⁶⁹ См. пьесу Аркадия Арканова и Григория Горина «Свадьба на всю Европу», Ленинград, 1966 г. См. и «Советская Культура» за 1968—1969 г.

но. Его обвинили в антисоветской агитации по доносу соседей. Соседи хотели получить квартиру Дырсына, вот и все. Ну и получили, а Дырсына осудили. Солженицын замечает: «Правда, выяснилось, что агитации такой он не вел, но *мог* вести, так как слушал немецкое радио. Правда, немецкого радио он не слушал, но *мог* его слушать, так как имел дома запрещенный радиоприемник. Правда, такого приемника он не имел, но вполне *мог* его иметь, так как по специальности был инженер-радист, а по доносу у него нашли в коробочке две радиолампы». Пропаганда сперва одно талдычит, а потом — совсем обратное: «Давно ли мы читали, что фордовский конвейер превращает рабочего в машину и что это есть самое бесчеловечное выражение капиталистической эксплуатации? Но прошло пять лет, и тот же конвейер под именем *потока* славится как высшая и новейшая форма производства!» На Сухановской даче — подмосковной страшной тюрьме — было изощренное мучительство (стр. 132—133): многие оттуда «уходили в могилу или в сумасшедший дом», «возвращались же на Лубянку редко». Кормили там с изощренным мучительством: арестантам не готовили, как везде, грубую тяжелую пищу, а приносили санаторную ароматную нежную еду. пытка состояла в *порциях*: заключенному приносили полблюдечка бульона, одну восьмую часть котлеты, две стружки жареного картофеля. Не кормили — напоминали об утерянном, и тоже помогало «сводить с ума». А можно ли и шарашке, скажем, разрешить уже незапрещенную елку? Запрещены всякие самодельные музыкальные инструменты. Это ясно, но о елке не нашли инструкции. Впрочем и согласия, из страха, не дали «но и прямого запрета не наложили». Жена политзаключенного уже не имеет прав, она — жена «врага народа»! В глазах советского общества жены политических заключенных «делили» тяжесть вины того черного злодея, кому однажды неосторожно вверили свою судьбу. «Вот инженер, офицер. Он попал в плен. Освободившись, лишенный чина, участвовал во взятии Берлина. Он обвинен в продаже немцам Днепрогэса. Это ничего, что он и не мог бы про-

дать сей Днепрогэс — его советчики взорвали перед взятием Киева немцами. Герой, инженер, некогда член партии, сидит в тюрьме и горе его жене, если она не осудила его, не развелась «с врагом народа». Заключение Герасимович поцеловал при разрешенном свидании жену. Надзиратель им попался тихий и не злой. Он бы и не запретил, «да не тут-то было: полковник Климентьев велел все семь дверей из следственных комнат в коридор оставить открытыми, чтобы самому из коридора надзирать над надзирателями». Сам по себе Климентьев и знал, что никакого зла из поцелуя женой несчастного мужа не может быть. Но он-то боялся и подчиненных ему надзирателей. Кто-то из них мог быть на осведомительной тайной службе и мог донести на Климентьева, или, как это на тюремном жаргоне о мелком доносе говорится, мог *капнуть*. — Герасимович и его судьба у Солженицына мне особенно близки. Я дружу с одним инженером-профессором, чья судьба во многом, кроме бегства во время 1944 года на Запад — совершенно судьба четы Герасимович. Почему был осужден сперва на три года Герасимович? Очень просто! Вид у него был типичного интеллигента, он был тих, а тогда — в тысяча девятьсот тридцатом году — подозревали каждого инженера во вредительстве.⁷⁰ Если доказать в оплошности было никак нельзя, то просто ссылали на Восток, часто давая работу по специальности. Но потом оставалось пятно, потом, обычно во время «чисток», вновь «паяли другой срок» и были уже условия тягчайшие для жизни. Жена Герасимовича в отчаянии: ему еще до срока три года! А ранее они из-за прежней ссылки бедствовали, потеряли сына, потеряли и дочь. «Анкета висела над мужем» — бывший враг народа! До конца блокады Ленинграда Герасимовича опять арестовали уже «за намерение изменить родине». В Ленинграде многих так арестовывали — за намерение «потому, что нельзя прямо дать *измену* тому, кто не был даже под оккупацией». На свидании же-

---

⁷⁰ См. Шахтинский процесс и процесс промпартии в мае 1928 г. и сходные в 1930 г.

на его умоляет: «Ну, изобрети им что-нибудь! Спаси меня! Спа-си меня!» Положение ее ужасно, такое же как описала Лидия Чуковская в своей потрясающей повести «Софья Петровна». ⁷¹ Это просто несчастная женщина, чей сын арестован по доносу. Сын в тюрьме, а ее гонят, теснят, угнетают. Схоже описывает свою жизнь и жена Герасимовича: «Тебя не водят в комнаты за черной кожей!» (МГБ) А я уволена! Мне не на что больше жить! Меня никуда не примут! Я не могу!.. Мне лучше — умереть! Соседи как хотят меня притесняют, мой сундук выбросили, мою полку со стены сорвали — они знают, что я слова не смею... что меня можно выселить из Москвы! Я перестала ходить к сестрам, тетя Женя, все они надо мной издеваются... Лицо Герасимовича перекошено застыло и слишком заблистало пенсне...» Герасимович мог помочь изобрести особый аппарат для ловли тайных посещений посольств, или других надобностей чекистов, мог, и отказался. Мог досрочно спастись, а, как Нержин, предпочел лагерь и смерть в нем от истощения, службе сталинцам и помощи партии в творимой ею безмерном и кровавом зле. Но не в нем дело, дело все в изображении реакции большинства граждан на жестокость и бесправие. Герои же непреклонны, это новые святые мученики Любви, Милосердия и Человеческого достоинства. Они помнят злые слова Максима Горького, они жертвы жестокости и свирепости. «Да, их ожидала тайга и тундра, плюс холода Ой-Макоя и медные копи Джезкагана. Их ожидали опять кирка и тачка, голодная пайка сырого хлеба, больница, смерть. Их ожидало только худшее. — Но в душах их был мир». Дорого стоил этот душевный мир и самому писателю, тоже побывавшему в шарашке. А сколько их легло напрасно на новостройках типа железной дороги от Селехарда до Игарки? На костях зэков ее построили... Потом оказалось — не нужна эта дорога. Так она и до сих пор стоит длинным узким кладбищем рабочих из заключенных. Шаламов вторит Солженицыну: «... Не было ча-

---

⁷¹ См. «Новый Журнал» №№ 83 и 84, Нью-Йорк.

Да будет во мгле	Дивная мистерия вселенной
Для тебя гореть	Шла в театре северных светил,
Звездная мишура,	Но огонь ее проникновенный
Да будет надежда	До людей уже не доходил...
Ладони греть	Стали кони, кончилась работа,
У твоего костра.	Смертные доделались дела...
Да будут метели,	Обняла их сладкая дремота,
Снега, дожди	В дальний край, рыдая повела.
И бещеный рев огня,	Не нагонит больше их охрана,
Да будет удач у тебя	Не настигнет лагерный конвой,
впереди	Лишь одни созвездья Магадана
Больше, чем у	Засверкают, став над головой.
меня...	

И, может быть, думая именно о Солженицыне, убежавший из СССР поэт И. Елагин написал эти страшные и правдивые строчки:

... Вот он — удостоенный за книжку
 Званием народного врага,
 Валится под лагерною вышкой
 Доходягой на снега.
 Господи, пошли нам долю лучшую,
 Только я прошу Тебя сперва,
 Не забудь отнять у нас при случае
 Авторские страшные права.

О Сталине существует уже немало работ и книг. Исаак Дойчер, бывший коммунист, издал в Лондоне книгу о Сталине (1949 г.), Борис Суварин написал по-французски книгу, переведенную в 1939 г. на английский; книга Льва Троцкого о Сталине опубликована в Лондоне в 1947 г. В ней со своей точки зрения Троцкий оценивал Сталина и его политическое влияние и значение для компартии. Наиболее объективными, написанными с большим талантом настоящего писателя и мыслителя, являются книги Милована Джиласа — «Новый Класс» и «Разговоры со Сталиным», в оригинале — встречи со Сталиным. Есть и сомнительной точности дифирамбы известного французского коммуниста и писателя — Анри Барбюса. Но ничего подобного трем главам о Сталине в романе Солженицына мы до сих пор не имели. «Юбиляр», «Язык — орудие производст-

ва» и «Верните нам казнь, Иосиф Виссарионович!» В них есть нечто незабываемое, страшное и правдивое, в художественном смысле, до мелочей. Светланы Аллилуевой строки об ее отце в книге «Двадцать писем другу» — просто детский и вместе полуправдивый лепет. Писатель не историк, но говоря об исторической, эпохальной личности, он должен быть правдив. Этого не скажешь, например, о Л. Толстом. В своем упрямстве он намеренно изменял и то, что знал, и упорствовал даже в прямых ошибках, на которые ему указал, много знавший историк-издатель, П. И. Бартнев. Нельзя делать подтасовку фактов, но писатель по-своему может и должен осмыслить историческую личность. Смешно сделать Наполеона глупым, нельзя утверждать, что каждое сражение есть только случай, что не нужны планы, диспозиции, тактика и стратегия — нуль. Если сам знаешь, что Наполеон был гениален, делать его глупым нет основания, и т. п. Вокруг Сталина Солженицын изобразил его слуг, таких как Рюмин, Поскребышев, или Абакумов. Их биографии, история их возвышения, в основном даны соответственно и нам известным фактам. Каков образ Сталина? Известны дела и поведение Сталина, знаем и когда он провозглашен «Героем Социалистического Труда» (1939), «Героем Советского Союза» (1945), «Генералиссимусом Советского Союза», а ранее «самым любимым и величайшим», «Отцом народов», и т. п. Правда, в советской энциклопедии 1960 г. уже есть строки о «непомерно переоценившем свои заслуги, об уверовавшем в собственную непогрешимость» Сталине, но и указан год начала «Культа личности» — 1934! В СССР священников христианской религии называли и называют — «служитель культа». Но для культа и его служителей должно же предполагать и существование Того, чему этот культ посвящен! Так и Сталин явился обожествлением Вождя. Исторически, фигура тирана Сталина ясна в ряде характерных черт этого человека. Сильная воля, несколько крутая и негибкая; изощренная жестокость, грубость, решительность и вместе — неимоверная коварность, соединенная с болезненной подозрительно-

стью; самовлюбленный эгоизм и большой трезво-расчетливый ум. Сталин очень любил, в духе и силе Иоанна Грозного, «перебирать людишек». Чувства жалости, милосердия, возможности простить чужую ошибку у него не было. «Цель всегда оправдывала средства». В «Собрании сочинений И. В. Сталина» (1946—1947 гг., ч. 2) в отделе о национальных правах на самоопределение народа или право на его выход из Союза, есть интересные догматические слова и малое, но всеобъясняющее, примечание: дескать, осуществление права на самоопределение возможно, «если не вредит интересам компартии». Но кто же решает, вредит или не вредит? Да сама же компартия, то есть Сталин! Когда под пытками обвиненный не хотел признать свою фантастическую вину, он, старый ленинец, не сдавался. Сталин, при докладе, спросил Орлова: «А сколько весит Советское государство?» Смущенный Орлов мог только бормотать, что вес земель, фабрик, заводов, лесов неисчислимы, что этого он не знает. И сказал Сталин своему слуге, что нет на земле человека, который бы выдержал давление на него партии и государства... Применили другие методы, физико-психические, вплоть до пыток детей на глазах отца, и добились «признания вины» у вперед осужденного большевика. Исторически известна и судьба тех родственников, или свойства Сталина, кто рискнул попросить за осужденного — смерть! «А, МНЕ не верят, а стоят на стороне МОИХ врагов!» Сталин тоже очень часто, истребив оппозицию, пользовался ее же возражениями и вносил позднее поправки, поправки уже истребленных им людей. Жирное, длинное, с боченкообразным животом туловище, короткие ноги, свислый мясистый нос на конопатом в рытвинах лице, жадное обжорство за столом, грубый цинизм, описаны Джиласом. Он же поведал, и за это поплатился новой тюрьмой, о предложении Сталина захватить, «проглотить» Албанию. Сталин показал и как это можно сделать: — он начал запихивать свой кулак в рот. Жест тем более ясный, что верхняя часть границы Албании с Югославией напоминает не совсем плотно сжатый кулак. О жирных, похожих на червей, паль-

цах диктатора писал в своих правдивых стихах О. Мандельштам: ⁷²

«Его толстые пальцы, как черви, жирны,
А слова, как пудовые гири, верны.
Тараканьи смеются усища,
И сияют его голенища.
А вокруг его сброд толстокожих вождей,
Он играет услугами полулюдей...» (1934)

В старости, после опыта войны, когда все русское стало важным, когда восстановил Сталин и погоны, и звание офицера, и орден Александра Невского, стало милым и имя первого русского генералиссимуса — Суворова. Юность всколыхнулась, часть Прошлого стала повелевать возродить прошедшую Россию на плечах нового генералиссимуса. Слова «Русь», «русский» больше не оплевывались. Странно-прежним повеяло от разрешенного, на время и кому можно, слова «жид». Готовился процесс еврейских врачей — вредителей. И вот, в романе Солженицына важнее и тоньше всего именно описание изменения в психологии Сталина по отношению к Прошлому, к России, к служителям культа, коли чин их велик. Всякая мелочь или соответствует известным уже фактам (как, например, запираение на ключ сосуда с вином у себя в комнате), или служит дополнением, важной для романиста чертой характера Сталина, его обстановки и манеры говорить. Читатель чувствует, что если и не эти слова, то подобные и таким образом говорил Сталин. Даже его неправильное кавказское произношение особо подчеркнуто Солженицыным. Смысл получает звуковую, лично сталинскую окраску. Злобный, надменный, фанатик и злодей — перед нами. Важное сталинское правило — выжатый лимон бросать, тоже упомянуто. Портретное искусство Солженицына здесь в апогее. Сталин изображен ночью в своем кабинете, впрочем и все его министры ночью работали, или так, сидели по своим кабинетам и ждали звонка телефона от «хозяина».

---

⁷² О. Э. Мандельштам (1881—1938) поэт и прозаик. Замучен в советском лагере, где сошел с ума.

Абакумов министр, но большую часть указаний он получает от Берии. Кабинет. Ночь. На оттоманке лежит Единодержавец. «Имя этого человека склоняли газеты земного шара, бормотали тысячи дикторов на сотнях языков, выкрикивали пионерские голоса, провозглашали во здравие архиереи. Имя этого человека запекалось на обмирающих губах военнопленных, на опухших деснах арестантов. По имени этому во множестве были переименованы города и площади, улицы и проспекты, школы, санатории, горные хребты, морские каналы, заводы, шахты, совхозы, линкоры, ледоколы... группа московских журналистов предлагала также переименовать Волгу и Луну. — А он был просто маленький старик с усохшей на шее кожной сумочкой (ее не изображали на портретах), со ртом, пропахшим листовым турецким табаком, с жирными пальцами, оставившими следы на книгах». Сталин читает свою собственную биографию, написанную или сумасшедшим, или льстецом без чести. «Незамысловатые честные слова» (так мыслит Сталин) этой книги ложились на человеческое сердце покойно и неотвратно: Стратегический гений. Его мудрая прозорливость. Его мощная воля. Его железная воля. С 1918 года стал фактически заместителем Ленина. (Да, да, так и было!) Наше счастье, что в трудные годы Отечественной Войны нас вел мудрый и испытанный Вождь — великий Сталин. (Сталин про себя). Да, народу повезло... Все знают сокрушительную силу сталинской логики, кристальную ясность его ума... «Без ложной скромности — все это правда». Его любовь к народу. Его чуткость к людям. Его нетерпимость к парадной шумихе. Его удивительную скромность. (Скромность — это очень верно)... «Но тошнило, и с каждым месяцем здоровье все становилось хуже». Семьдесят лет — совсем немного! Но что-то случилось, нет наслаждения вкусной едой! А надо дожить до девяноста лет! Три дня прошло с великого праздника семидесятилетия Хозяина, а полноты торжества не было. Сталин «не избежал воспоминания и о своей слабости — своем поспешном, ненужном отъезде из Москвы» в октябре 1941 года. «Он потом велел брать в

тюрьму поголовно всех, кто вспоминал о панике 16-го октября». Вспоминалось диктатору все нехорошее, обидное: 1917 год и «как смеялись над ним, что он предлагал растить легальную партию и жить с Временным Правительством тихо-мирно». Сталин не в духе, а приехать должен Абакумов в полтретьего ночи: «раздался легкий четырехкратный стук в дверь — не стук даже, четыре мягких поглаживания по ней, как будто о дверь терлась собака». Это Поскребышев «с постоянным выражением честной преданности и полной готовности на лице». — Есь Сарионыч!.. Будете принимать? Нет?

— Па-смотрим, — устало ответил Сталин и моргнул. — Нэ знаю.

И внезапно Сталин вспомнил, что отравило юбилей и пекло в груди: — Тито! Тито! Мешал и не был еще убран. Иосиф споткнулся на Иосифе. Это не Николай Второй, не Керенский, те не предлагали какого-то своего социализма. «... Три раза уже сменено собрание сочинений Ленина, дважды — Основоположников. Давно заснули все, кто спорили, кто упоминался в старых примечаниях, все, кто думали *иначе* строить социализм. И вот когда даже в шелесте тайги уже не расслышать ни критики, ни сомнения — выползает Иосиф Тито со своим начетчиком Карделем и говорит, что что-то надо было делать *не так!*» С наслаждением начинает Сталин читать подготовленное во многих миллионах издание книги «Тито — Маршал Предателей». Ну, но таких как Трайчо Костов или Бэла Кун!.. Куна «хоть хлопнули в тридцать седьмом, Костов еще десять дней назад поносил социалистический суд... Такой срыв в процессе Костова! Позор на весь мир! Какая подлая изворотливость! Обмануть опытное следствие, ползать в ногах! — а на публичном заседании ото всего отказаться! При иностранных корреспондентах! Ну, умри, так, чтобы нам была польза! Он подошел к зеркалу. Ясно, неподкупно строго смотрели глаза, которых не выдерживали и премьер-министры. Вид был суровый, простой, солдатский. — Он позвонил ординарцу-грузину — одевать себя. Даже к приближенному он выходил, как перед историей. Его железная воля... Его непреклонная

воля... Самым плодотворным временем Сталина были ночи... Все лучшие мысли его родились от полуночи до четырех часов ночи: и — как старые займы обменять на новые, чтобы не платить выигрышей; и — суд за прогул; и как удлинить рабочий день и рабочую неделю; и как закрепить рабочих и служащих на их местах навечно; и указ о каторге и виселице; и — отпуск Третьего Интернационала; и — ссылка народов-изменников в Сибирь... Всю жизнь он был в партии, бесспорно, первым специалистом по национальному вопросу. И еще было много других замечательных указов. ... В колхозах дела обстояли очень хорошо. В этом Сталин убедился, смотря фильм — «Кубанские казаки» и читая роман «Кавалер Золотой Звезды». — Сталин пишет свою работу «Марксизм и вопросы языкознания» (опубликована в 1950 г.). О потугах научности Диктатора Солженицын замечает: «Свое коричневатое-серое лицо с рытвинами оспы, с большим носом-бороздилом он низко склонил над листом и не видел, как ангел средневековой телеологии улыбался через его плечо». А Абакумов все еще ждет, он не посмел спросить Поскребышева «о сегодняшнем настроении хозяина». Он боялся: «Эти приемы, по часу, были тяжелой расплатой за всю власть, за все могущество Абакумова. Он жил и наслаждался только от приема до приема. Наступал срок — все замирало в нем, уши леденели... Сталин страшен был тем, что ошибка с ним была та единственная в жизни ошибка со взрывателем, которую исправить нельзя. Сталин страшен был тем, что не выслушивал оправданий, он даже не обвинял — только недобро засвечивались его желтые тигриные глаза и поджимались нижние веки — и там, внутри, выносился приговор, а осужденный его не знал: он уходил мирно, его брали ночью и расстреливали к утру». Хуже всего: молчание и нижний прищур век. Если же Сталин орал, матерно ругался, плевал в виновного, бил, терзал, — дело-то могло еще поправиться — Единодержавец мог и простить. Абакумов владел собой, но одного он не мог изменить: горели его уши перед глазами Владыки. Краснота ушей могла быть подозри-

тельной, и... конец! Кроме того могла выплыть история с грабежом золота в Германии... Оно ему-то не было нужно, а так, брали, грабили другие смершовцы, ну и он не устоял...

Сталин обсуждает планы Абакумова, как расправиться с Тито. Будет де поставлена бомба с замедленным взрывом на яхту — перед ее отплытием на Бриони. Надо выгадать момент, чтобы с Тито взлетели и его товарищи — Кардель и другие. Правда, при взрыве «должна погибнуть команда яхты, однако министр такой мелочи не касался, Лучший Друг Моряков не допытывался». О чем думал Сталин слушая доклад мастера заплочных дел? «Не о том, конечно, что «руководимая им партия родилась с отрицания индивидуального террора». Сталин думал, не растрелять ли уже Абакумова.⁷³ Он превосходно знал о незаконном обогащении, о золоте, но еще «не спешил карать. Сталину нравилось, что Абакумов такой. Корыстные люди понятнее, ими легче управлять... Сталин остерегался бесребреников, вроде Бухарина... Недоверие к людям было его мировоззрением». Впрочем, один раз он поверил. Поверил Гитлеру, не Черчиллю, не своей разведке, и был разгром 1941 года. Теперь Сталин рад, что и Гомулку арестовали.

Сталин ужасен. Замечательно слово Солженицына об его глазах: они не вспыхивали, они не загорались злобой — слова уже истертые, привычные, они «засвечивались», эти желтые тигровые очи смерти, прыжка сзади и конца. Не знала жертва. Сзади прыжок и свет навсегда угас. Но Сталин же не только тиран, мучитель, бездушная машина, приносящая Зло, человек с несомненно выжженной совестью. Он осколок и прежней России, у него тоже было детство, были друзья когда-то, были те, для кого он не был ни Коба, ни Сталин, ни Иосиф Виссарионович, а просто Сосо.

Правда, он всегда боялся покушения, и чем больше было казненных, тем больше был страх за свою жизнь. Менял охрану, спал в разных спальнях. Все это было,

---

⁷³ По слухам и печати, Абакумов и был позднее расстрелян.

но и Прошлое повелевало, там в подсознании Диктатора-Тирана. Факты, факты, указы, приказы, погоны, ордена имен Кутузова и Суворова, восстановления, ранее запрещенных презренных, «корпусов» как средне-учебных заведений для будущих офицеров — «Суворовские Корпуса». Все это психологически тонко объясняет писатель. И невольно вспоминается знаменитая речь Сталина осенью 1941 года, когда он — Сталин — по радио сказал, что «русский народ был всегда предан православию»! И это сказал в часы поражений и позора сам Сталин! а рядом вопрос тому же Абакумову — «Слюшай... а што? Дела по террору — идут?» И еще грозней: «— и нада прэкратить санаторные условия в политических тюрьмах... есть прадуктовые передачи». Но что-то приятное «находил он даже в самой игре слов, напоминающей старый мир: чтобы были не «заведующие школами» — а директора; не «комсостав», а — офицерство; не ВЦИК, а Верховный Совет; чтоб офицеры имели денщиков; а гимназистки чтоб учились отдельно от гимназистов, и носили пелеринки, и платили за обучение...» Часть души Сталина сформировалась в юности и не прошли же даром одиннадцать лет училища и семинарии. Некогда «как он любил петь «Ныне отпускаеши» Строкина!» Да и как сладко было, «что церковь в своих молитвах провозглашает его — Богоизбранным Вождем. За то ж он и держал Лавру на кремлевском снабжении». Сам Сталин лично встречал дряхлого патриарха и вел его под локоток. И к концу жизни ему стало приятно вспоминать и о храбрости, и о терпении, и о стойкости русского народа, и сам любил считать и себя за русского.⁷⁴ И воспоминание о сдаче Порт Артура «сорок лет лежало темным пятном на самолюбии его и других старых русских людей». — Великолепна и сцена: Диктатор перед книжной полкой в своем кабинете. На полке книги его врагов, людей умерших, людей стертых Им в порошок. Они тут! «Каждую ночь они предлагают ему свои стра-

---

⁷⁴ Об этом писала в своей книге и сама дочь Сталина — Светлана.

ницы, трясут бороденками, ломают руки, плюют в него, кричат ему с полोक»... Сталин и собрал их здесь, чтобы быть злей по ночам, когда принимал решения. Медленно шел вдоль полोक усталый Вождь народов «и пальцами скрюченными держался, перебирал, перебирал по строю своих врагов»... И было тихо и было страшно: — «Это была собачья старость... Старость без друзей. Старость без любви. Старость без веры».

Был, был настоящий культ Сталина, были и остались и служители этого культа. О них более двадцати лет назад сказал в стихах поэт Хабаров, что выходит один навстречу «их бесчисленным рядам». Вопли, просьбы — бесполезны: «Руки страшные, железные, неподвижные мозги». Надо историку помнить: не все сталинцы были негодяями, трусами, оппортунистами. Но все, как и истинные гитлеровцы, были фанатиками идеи, а идею отождествляли с Вождем, с Фюрером. Умный и чуткий к правде, к искусству слова, к достоинству личности Милован Джилас признает, что до поры до времени, все сказанное, все написанное Сталиным казалось гениальным, мудрым; он мнил себя замечательным оратором, блестящим стилистом. И только разочаровавшись и в Красной армии грабителей и насильников, и в самом непогрешимом Вожде, он увидел и слабость стиля, и смешение чего-то семинарно-библейского с жаргоном! В чем тайна обаяния, колдовства имени Вождя, придания ему всех качеств, всех эпитетов, всего что возвеличивает, ослепляет, доводит до истерики радостных воплей не только толпу, теряющую так легко трезвение ума, а и у одаренной личности? Этого я не знаю. Конечно, здесь наличествует и партийная логика преданности, разумеется постоянное, навязчивое повторение о заслугах, о великой мудрости Вождя, пребывание в окружении тех, кто тоже «без лести предан», действует на психику человека, лишает его независимости и критической ясности мысли. Не случайно Б. Пастернак в ДОКТОР ЖИВАГО упорно говорит о силе «мертвой буквы», об ее колдовской мощи. Маркс, или Ленин, сказал, Вождь изрек, Партия

решила . . . Не то, что возражать, а и сомневаться втайне есть измена Партии и Вождю! А кто же из честных, из верных, захочет быть и в душе изменником? Но о таких мало говорится В КРУГЕ ПЕРВОМ. Вождь требует продолжения террора, скоро и официально будет восстановлена смертная казнь. Неофициально она все действует. Но главное, главное «крепить кадры» чекистов, ибо они опора партии и Хозяина. Начальник же, тот или иной, вскоре будет убран, а милосердное сердце Владыки, его справедливый гнев всенародно показаны. Сталин так всегда и действовал. Читая книги Серебряковой или Гинзбург, мы видим как он и вполне этими действиями достигал своей цели. Солженицын изображает разные типы тюремщиков, стукачей, процветающих, довольных энкаведистов даже с остатками жалости и чести, как, например, полковник Климентьев; рисует людей, чья совесть, вдруг при грозящей им опасности, ночью, в тишине комфортабельной постели просыпается и мстит за прошлое. Есть и туполобые псы — мучители, есть кое-кто и с наклонностями к бюрократическому садизму, встречаем и склонных к палачеству. Многие множество и тех, кого можно назвать бездушными шкурниками нового класса. Таков прокурор Макарыгин. Портрет его просто великолепен: «У Макарыгина был крутой окат головы и оттопыренные уши. Лицо Макарыгина почти не сужалось книзу. Широкость и прямоугольность его лица весьма шли к суровой общественной обязанности прокурора. Большие же отставленные уши были ему как крылья сфинксу». Что всего удивительнее — Солженицын подробнейшим и точнейшим образом разбирает и описывает не только жизнь, мысли, чувства ээков, но и жизнь, работу и условия службы тюремщиков всех рангов. Оттого-то само МГБ приказало конфискованный роман Солженицына напечатать для «внутреннего использования», для проверки того, как работали и работают органы Госбезопасности в тюрьмах. Сам обыск в тюрьме Володина с отвертыванием век глаз, с осмотром анального отверстия, и т. д., стоит особой главой!

Автор же словно на момент хочет нам показать, что с жизнью обычного человека, из нормальной семьи портного, сделал сталинский и революционный режим, когда описывает тюремщика Наделашина. Величаво проста и прекрасна книга Сильвио Пеллико **МОИ ТЮРЬМЫ**. Пушкин назвал его «кротким страдальцем и человеком благоволения», удивляясь его любви, кротости и доброжелательности. Но разве и тюрьмы и тюремщики описанные Сильвио Пеллико напоминают нам МГБ? Описан и милосердный тюремщик, никаких издевательских показух нет и в помине. Жизнь в основе спокойная, без особой трепки нервов. В заключении в Шпильберге он мог компоновать литературное произведение. Тюрма, камера, один-два тюремщика. Какая разница, какое огромное полотно развернуто Солженицыным! Нечто грозное не только для настоящего, для сегодняшнего, но и в будущем. Оттого-то и кончается рассказ **ПАСХАЛЬНЫЙ КРЕСТНЫЙ ХОД** угрозой направленной в Будущее: «*Воистину*: обернутся когда-нибудь и растопчут нас всех! И тех, кто натравил их сюда, — тоже растопчут!» Вместо «*Воистину Воскресе!*» вот, что кончает рассказ о бесчинствах коммунистической молодежи. И то, что для сытых и самодовольных Макарыгиных да Русановых, окружает их облаком довольства, радости и успеха, для нас отклик утрат и печалей большинства народа, что жил и живет **НА УЛИЦЕ ШИРОКОЙ** Виктора Лихоносова. Моющую пол женщину окликает прораб (род подрядчика) так, как народ кричит на свиней:⁷⁵ — Э! Алё! дескать посторонись, коммунистическая знать идет по лестнице! Эта сцена пронизала сердце дочери Макарыгина — Клары. Майор МГБ Шикин объясняет вступившим на службу выпускникам Института Связи их обязанности. «Нельзя доверять змеиному нутру зэков. Нельзя, например, дать прочесть и книгу из вольной библиотеки... Майор Шикин наставительно просит остальных девушек, увидевших падение подруги, в этом случае оказать ей

---

⁷⁵ Об окриках и междометиях см. А. Германович «Междометия русского языка», Киев, 1966, стр. 62 и 160.

товарищескую помощь, а именно: сообщить майору Шикину о происшедшем. Нельзя было без содрогания представить того беспросветного будущего, которое их ждало... Но недоверие уже поселено между ними». Майор знал, что делал и когда намекнул на растяжимость уголовного кодекса СССР, за провинность и мелкую — двадцать пять лет каторжных работ. Страх и недоверие среди слуг необходимы, чтобы карать и не вполне преданных.

Другое дело Мамурин. Его тоже заключили, на несколько иных условиях и он попал на шарашку. Попал в сущности случайно: Сталин был недоволен слышимостью телефонного разговора и сказал Берии: «Какой дурак у тебя начальником связи? Убери». Якова Мамурина и убрали, а что с ним делать не знали — не было указания. Мамурин был из своих, в лагерь его не отправили, давали отдельную еду и особую комнатку. Впрочем, и по сути дела Мамурин — «гад из стеклянной банки» — работать не умел, а «мог только руководить, мог во время службы окрикнуть проходящего, младшего: ты мимо чьего кабинета топаешь, хам? Как твое фамилие?» Терпеть не мог он, чтоб проходящие мимо его кабинета ступали на пятку. Мамурин и в заключении шарашки «по-прежнему боготворил Мудрого Учителя» — Сталина. А вот майор Мышин, не уступит ни в чем майору Шикину! В субботний вечер он дает задание младшему лейтенанту Наделашину: «переписать по группам всех, встречающих Рождество; проследить лично, а также через рядовых надзирателей, посылаемых каждые десять минут, не пьют ли при этом вина, не производят ли подкопа, о чем между собой говорят и, главное, не ведут ли антисоветской агитации, прекратить этот безобразный религиозный разгул». Младший лейтенант «с физиономией бесстрастной зимней луны» позволил себе заметить, что тут никто из них ни латышского, ни немецкого не знает, но у Мышина «были равномерно рассеяны осведомители». Подслушивались прежде всего разговоры перед сном. Но самые «хмурые и желчные высказывания приходится на утро, и потому особенно ценно следить за людьми

около их постели». (Стр. 128). А как попал Наделащин в тюремные надзиратели? — Да просто. Отец и дед его были портными, сам он готовился к тому же. НЭП кончался, и «отцу принесли годовой налог — он его заплатил. Через два дня принесли еще годовой — отец заплатил и его. С совершенным бесстыдством через два дня принесли еще один годовой — уже утроенный. Отец порвал патент, снял вывеску и поступил в артель». Наделащин младший попал в армию, из нее — в МВД, а оттуда переведен в надзиратели.

Нельзя представить, что и на шарашке все ограничивалось доносами и подслушиванием, списывали неугодивших на этап в Заполярье, нет, при случае и били и истязали. Но не эта сторона в центре внимания автора. Он занят прежде всего внутренним миром более чем сорока личностей. Тут и фанатики, тут и подхалимы, авантюристы, люди волевого расчета, трусы и герои чести и человеческого высшего благородства, свободные духом и в тюрьме.

НЕРЖИН И ДРУГИЕ

Весь ход романа В КРУГЕ ПЕРВОМ связан с этим именем — Глеб Нержин. Есть имена у Солженицына ясно символизирующие сущность описанной личности. Ну, хоть Спиридон. Этот земледелец, русский хлебороб из малой деревеньки назван не в связи ли с простой, широкой тростниковой корзиной? «Спиридион» — древнегреческое слово; Макарыгин с макарыга = наглец, попрошайка и т. п., но Нержин? Св. Глеб — мученик долга, это, возможно, Нержин? Есть, правда, русское диалектическое слово о сорте ржи — *ржина*. Не от того ли слова и создана фамилия? Этот герой, как некий новый Вергилий, ведет читателя по первому, еще светлому первому кругу интеллигентов, ученых и мудрецов и выводит на путь в холодные глубины уже настоящего ада. Нержин и его приятели связаны и с главной интригой романа, с заданием поймать на пленке и различить голос того из несчастных, кто рискнул предупредить доктора о готовящемся против него обвинении. С Нержиным и его жена, что должна развестись с ним, чтобы выжить (случай из жизни самого Солженицына!) А с Надей Нержиной соприкасается жизнь ее товаров по общежитию при университете, приятеля мужа по войне и т. п.

Нержин есть *alter ego* писателя. Любопытно сравнить портрет одного и другого. За обликом моложаво-мальчишеского инженера Валентули Пряничкова следует у автора и портрет Нержина: «Нержин был ровесник Пряничкова, но выглядел старше. Хотя русые волосы его немного распадающиеся по бокам, не были ни редки ни седы, но на вытянутом лице уже легли многочисленные тяжелые морщины — целые венцы морщин у глаз, у губ, и продольные бороздки на лбу.

Кожа лица, чувствительная к недостатку свежего воздуха, имела оттенок вялый. Особенно же старила его скупость в движениях — та мудрая скупость, какую природа защищает иссякающие в лагере силы арестанта». Если всмотреться в портрет лет за десять-тринадцать от 1968 года, в портрет безусого Солженицына, давно известный за границей, то мы увидим Нержина. Ряд цитат из разговоров Нержина, его попытки писать, его увлечение словарем Даля, интерес к китайской философии, к Древней Руси, обожание мастерства стиля Л. Толстого, трагедия с положением жены и многое другое, делает облик Глеба Нержина так схожим с лицом писателя. Главный герой знает, что умного на свете много, мало — хорошего, что, увы, его посадили не за дела, не за слова, а «за образ мыслей». Он бесконечно совестлив и чуток: «Нержин понимал все яснее: отказ от криптографической группы был не служебное происшествие, а поворотный пункт целой жизни», — угонят его в Арктику или Сибирь. И это должно привести «к смерти или победе над смертью». С Нержиным жива и столь крепкая в русской литературе XIX века идея, мысль о Боге. К ней мы подготавливаемся мастерски и исподволь. Намек, интерес к высшим проблемам этики, все подводит постепенно к кардинальному вопросу. Уже Шулубин говорит о возможном бессмертии, доктор Орещенко мыслит о сути души, об образе Вечности в ней, Кондрашев, художник, рисует Св. Грааль и твердо знает: «В человеке от рождения вложена некоторая сущность... Потому что есть в нем образ Совершенства», и образ этот выступает в человеке «перед духовным взором». Во время последнего свидания с Надей Нержин втолковывает ей, что его могут скоро увезти очень далеко, что всякая связь прервется, и подчеркнуто говорит, на ее вопрос: «Куда?? — вскричала Надя» — «Бог знает, — пожав плечами, как-то значительно произнес он. — Да ты уж не стал ли верить в Бога??!.. Глеб улыбнулся: — Паскаль, Ньютон, Эйнштейн... — Кому было сказано — фамилий не называть! — гаркнул надзиратель». Невежда думал, что стали говорить о знакомых, а фамилии с воли называть

при свидании было строжайше запрещено. Нержин намекает жене, неверующей Наде, на веру величайших умов точных наук — математики, астрономии, физики — веру в Бога. Как физик и математик, он вспоминает, он призывает в свидетели не великого Пастэра «верившего, как простая французская крестьянка», а именно математиков. И Надя его сразу поняла, смутилась и защемило ее атеистическое сердце, где воспитанием под коммунизмом был удален «орган Веры». ⁷⁶ Что это так, автор ясно показывает читателю: Надя после свидания напряженно и скорбно вспоминает слова: «не удивляйся, если меня отсюда увезут, если прервутся письма... И даже свидания, раз в год — прекратятся?.. И что-то о верховьях Ангары... И еще не стал ли он верить в Бога?.. Была какая-то фраза... Тюрьма искалечит его духовно, уведет в мистику, в идеализм, приучит к покорности. Характер его изменится, и он вернется совсем-совсем незнакомым человеком». Для молодой женщины нового воспитания вера «калечит духовно человека». (См. стр. 197 и 245). Но Солженицын идет в романе и далее. Иннокентий Володин, кажется, все еще не открыт; его разговор был прерван, телефон смолк, но он все еще не разгадан. «Но внутреннее предчувствие, загадочно вложенное в нас щемило Володина. В нем росло предощущение беды». Начинается его история, — первые слова романа В КРУГЕ ПЕРВОМ — со стрелок неумолимого времени судьбы склонившей вниз чашу весов жизни, жизни того, в ком пробудилась жалость и совесть: «Кружевные стрелки показывали пять минут пятого». В самом конце романа, в главе «Ученик Эпикура», глава закончена после особого пропуска вещными словами: «Кружевные стрелки бронзовых часов показывали без пяти четыре... В боксе Иннокентия потянуло узнать, который час. Он бездумно отодвинул обшлаг рукава, но времени больше не было». Слово «времени» подчеркнуто Солженицыным. Ранее эпикурец считал, «что жизнь дается нам только раз»: надо

---

⁷⁶ Термин, введенный известным богословом проф. Светловым в XX веке, в особом значении.

наслаждаться! Теперь он понял «что и совесть тоже дается нам один только раз. И как жизни отданной не вернуть, так и испорченной совести». Солженицын не раз указывает, повторяет о смысле страдания вообще, хотя и обычное часто обостряет чуткость, совестливость, но величайшее значение имеет вольно принятое на себя страдание, жертва ради правды, ради милосердия, для спасения другого человека. И говорит взвешивая слова спокойно голос уже не героя, а самого автора: «У вольняшек не было бессмертной души, добываемой зэками в их бесконечных сроках, вольняшки жадно и неумело пользовались отпущенной им свободой, они погрязли в маленьких замыслах, в суетных поступках». Вот отчего, на все доводы разума поработать над секретной фоноскопией, послужить по приказу начальства и иметь тепло и хорошую пищу шарашки, Нержин упорен и на основании морали выставляет «все доводы сердца — отойди от меня, сатана!» Эти слова из главы четвертой, стих восьмой Евангелия от Луки и есть девиз и ответ искусителям шарашки. Так в сути отвечают и Герасимович и Нержин. И когда тюремный воронок увозит их в даль бед и холодной неизвестности, при «повороте очень тесно сплотило плечи Герасимовича и Нержина. Они посмотрели друг на друга, пытаюсь различить в полутьме. Их спланивало уже нечто большее, чем теснота воронка». Героизм их подвига, их служение добру, жертва ради того Высшего Совершенства — образа Божия в душе пребывающего, соединили их в новом братстве Великомучеников сталинщины. С ними едут и другие не послужившие Злу, непокорные крошечникам Мрака, неподдавшиеся подкупам и послаблениям для стукачей (Руська), едут и упорные в борьбе даже и за законные права зэков, с ними в одной группе и храбро-гордые и невоздержанные на язык, как Хоробров; хоробрый — по-русски — храбрый. Всех их списал Яконов. А чувствуется, что и самого Яконова окончательно позовет к себе та бездна, что уже стала открываться перед ним.

Богата мыслями, цитатами, ссылками книга Солженицына. В ней, как и в РАКОВОМ КОРПУСЕ наличие

ствуется идея Отмщения, есть Немезида. Немезида — Отплата, богиня правосудной отплаты, встречается уже у Гезиода. Отмщение Божие Ветхого Завета и Нового Завета, то «Мне отмщение и Аз воздам»,⁷⁷ что после колебаний поместил Толстой как эпиграф к АННЕ КАРЕНИНОЙ. Солженицын вспоминает этот роман, как величайший, и В КРУГЕ ПЕРВОМ. Достоевский дал свое, особое толкование этому стиху при разборе АННЫ КАРЕНИНОЙ в ДНЕВНИКЕ ПИСАТЕЛЯ. Русанова постигла расплата в болезни, болезнью, муками и смертью платит богохульник Поддуев и т. д. О Боге вспоминает и Его казни для злых и бригадир — Андрей Прокофьевич Тюрин из ОДИН ДЕНЬ ИВАНА ДЕНИСОВИЧА. Были историки отрицавшие расплату за зло человеком, его упорно совершившим. Им казалось (А. Т. Бокль), что Зло и Добро, совершенное в жизни, с течением лет может опять всплыть на поверхность жизни, опять нечто произвести, но потом оно уходит навсегда. Пребывает же все растущая Цивилизация, через грамотность и школу, путем изобретений меняющаяся, улучшающая жизнь людей. Так Солженицын не мыслит. Техника, цивилизация быстро растут, но даже искусство не идет по пути прогресса, увеличения технических достижений. «Подика перепрыгни Рембрандта, или АННУ КАРЕНИНУ, как творения сверхвременного для нас искусства!» Зло и Добро имеют для Солженицына не лейбницовское — Свет и Тень, не это их значение в жизни человеческой. Зло и Добро суть некие Сущности и, как сказал Толстой, «только в Добре я чувствую себя свободным», во Зле мною владеет кто-то другой: «Батюшка, Чертушка, помоги!» («Фальшивый купон»). — Адам Ройтман, верный слуга Бери, занимает хороший пост и в шарашке. Теперь он дома. Тихо спит сынок. Ройтман любит спящей женою. Часы бьют, но половина какого часа? Ройтман спит рядом с женой и как добрый муж, да еще влюбленный в жену, не хочет ее потревожить и на мгнове-

---

⁷⁷ См. мою статью в журнале «Путь», Париж, 1938—1939 г., № 58.

ние, зажечь свет и узнать точный час. Адам Вениаминович ночью не чувствовал себя так уверенно, как днем, когда погоны майора МГБ и значок лауреата давали право смотреть на других, помельче людишек, свысока. Плохо было то, что вечером к нему зашел друг-приятель, тоже еврей, и принес дурные вести: «Это не было ново. Это началось еще прошлой весной, началось сперва в театральной критике и выглядело как невинная расшифровка еврейских фамилий в скобках. Потом переползло в литературу. В одной второразрядной газетенке, занимающейся чем угодно, кроме своего прямого дела, кто-то шепнул ядовитое словцо — *космополит*. И слово было найдено! Прекрасное гордое слово, объединяющее все миры вселенной, слово, которым венчали гениев самой широкой души — Данте, Гете, Байрона, — это слово в газетенке слиняло, сморщилось, зашипело и стало значить — *жид*... А теперь холодное преддыхание достигало уже и технических кругов». Но то ли было ранее! Ведь в революцию, и еще долго после нее, слово «еврей» было благонадежнее, чем «русский». Русского еще проверяли дальше — а кто были родители? А на какие доходы жили до семнадцатого года? «Теперь же Сталин готовится стать гонителем евреев! И обиднее всего, что если и хочешь быть своим, а теперь тебя не принимают, отталкивают — ты, ты — *жид*! Можно, конечно, преследовать, например, за круг знакомства, за политические взгляды, за то, что ранее были притеснителями, таких — травить можно. «Но национальность?..» Однако, совесть «докучный собеседник» напомнила, как он и другие преследовали даже детей за их социальное происхождение, а они-то в нем были не виновны, как не виновен человек сам по себе к какой он нации принадлежит, он ее не мог выбрать. А чем был он занят целый ряд лет? — Интригами, борьбой за опорочение соперника, подтачиванием его авторитета по партийным собраниям... Он вспомнил во мраке ночи, вспомнил под утро — не хотелось спать: — «Город был южный, евреев было с половину группы. Хотя были мальчики сыновьями юристов, зубных врачей, а то и мелких торговцев, — все

себя остервенело-убежденно считали пролетариями». Митька Штителъман, Мишка Люксембург, Ройтман и другие, травили первого ученика в классе, бледного худенького Олега. «Адам с дрожью в голосе» требовал изгнать из школы «агента классового врага». Он де, говорили и другие евреи, ходит в церковь, он — антисемит, у него «чуждое классовое происхождение». И его выгнали! Шурик Ворожбит видел у Олега и крестик на шее... и теперь, вдруг, «мерзким стыдом залились щеки» Адама Ройтмана. «Кольцо обид! Кольцо обид! И нет из него выхода...»

В 1963 году вышел в Москве, под общей редакцией М. Ф. Овсянникова и В. А. Разумного, **КРАТКИЙ СЛОВАРЬ ПО ЭСТЕТИКЕ**. Словарь не очень большой — 542 страницы — рассчитанный на широкую публику в СССР. В нем на страницах 22—23 разбирается модный для отсталой страны вопрос «Бесконфликтности в литературе». Дело, видите ли, в том, что под влиянием культа личности (Сталина, опущено!) начали в практике художественного творчества следовать положению «что в социалистическом обществе якобы отсутствуют противоречия, конфликты... Главной причиной возникновения и распространения теории бесконфликтности явилось плохое знание рядом художников жизни, их отрыв от интересов широких народных масс, от эстетических потребностей и вкусов народа, отсутствие у них смелости и принципиальности в оценке и изображении сложных жизненных явлений». Как примеры же настоящих, жизненных произведений, после пресловутого XX Съезда КПСС, приведена «Тишина» — Ю. Бондарева, **ОДИН ДЕНЬ ИВАНА ДЕНИСОВИЧА** — А. Солженицына и пьесы В. Розова и А. Арбузова. Но почему же тогда не печатать и **РАКОВЫЙ КОРПУС** с его острой, злободневной конфликтностью? Смелое и принципиальное произведение **В КРУГЕ ПЕРВОМ**, чем оно не против и самого культа личности? На этот вопрос хорошо ответил окольно Владимир Алексеевич Солоухин в своей книге 1965 года **С ЛИРИЧЕСКИХ ПОЗИЦИЙ**. На странице 84-й он замечает: «хо-

рошие стихи всегда и довольно быстро находят дорогу на страницы газет и журналов, кем бы они ни были написаны, если, конечно, стихи эти отвечают духу нашего времени». В 1963 году Солженицын отвечал духу времени, а РЕКВИЕМ поэтессы Ахматовой, вот, не отвечал. Ну, а теперь Солженицын, хотя и небесконфликтен, не отвечает быстро изменившемуся «духу времени», или проще — цензурному зажиму русской литературы. Об этом же сотни писателей отозвались как о факте, после открытого письма о цензуре в Президиум союза писателей, написанного самим Солженицыным.

ЖЕНЫ И ЖЕНЩИНЫ

Жены заключенных все по-своему, но все несчастны. Тени их витают над шарашкой, над Лубянкой, печально дежурят у Матросской Тишины. И нет им покоя, и нет утешения. Словами Анны Ахматовой они могли сказать:

«И упало каменное слово
На мою еще живую грудь.
Ничего, ведь я была готова,
Справлюсь с этим как-нибудь.

У меня сегодня много дела:
Надо память до конца убить,
Надо, чтоб душа окаменела,
Надо снова научиться жить . . .»

И многие из них помнили, до боли ясно, момент ареста:

«Уводили тебя на рассвете,
За тобой, как на выносе, шла,
В темной горнице плакали дети,
У божницы свеча оплыла . . .
Смертный пот на челе . . . Не забыть!»⁷⁸

Так жена и мать, большой поэт России, говорит о годах и годах «Кровавых Марусь», под чьими колесами корчились тела миллионов в СССР. Анна Ахматова ду-

---

⁷⁸ Анна Ахматова «Сочинения», Inter-Language Literary Associates, 1965, стр. 355 и 357.

мала, что перед горем миллионов матерей и отцов, жен и детей, «гнутся горы», не текут реки. Но тюрьмы не открывает печаль, не рушит тюремные затворы скорбь и мука, а воля к свободе, к правде! Не выть, как «стрелецкие женки у кремлевской стены», а потом прославить в своих стихах Сталина, нет, но «не бояться, не бояться и делать, что надо». Этим-то стихам Н. Гумилева и следует Солженицын. Никто не может представить, чтоб он восхвалил Тирана. — Надя Нержина скрывает, что ее муж в тюрьме, он просто не вернулся с войны. Если бы узнали в университете, что муж ее в заключении, ей бы не дали ни стипендии, ни кончить учение, прогнали бы и со всякой работы, как жену «врага народа». Я не считаю ее образ особенно удавшимся писателю. Он как-то расплывается, несмотря на ряд прекрасных деталей, к месту слов и описаний ее манеры говорить и действовать. Зато лица подруг Нади по общежитию почти все удачны и по-своему типичны. Отмечена и роль мужчин в стране, где очень много лучших и молодых легло на полях битв. Но прежде всего в университетском общежитии для студенток и аспиранток важны и указаны условия научной работы и жизненный уровень; не забыто и МГБ протягивающее и туда тайно свою руку. К ним на Стромынку явилось двое. Вызвали студентку Музу, работавшую с увлечением над Тургеневым, в отдельную комнату и три часа ее обрабатывали, грозили и требовали чтобы она, Муза, из такой дружной тихой семьи, стала стукачом-осведомителем о своих же товарках. А не станет — «диссертацию защитить ей не дадут, научную карьеру ей поломают, потому что такие научные хлюпики Родине не нужны». Угрожали и пистолетом. Обоих мгбешников автор называет саркастически братьями — оба представились Музе, как Николай Иванович и Сергей Иванович. И чувство гадливого ужаса владеет несчастной девушкой: ведь они опять придут и будут требовать окончательного ответа на их гнусное требование. Они уже и орали и перешли на «ты»!

Каждая диссертация таит в себе множество опасностей, в свободном мире даже и невообразимых. Раздается негласный, но грозный приказ: иностранцев по-выбрасывать! И о чем бы ни была диссертация, а надо все менять. Нельзя сказать в тексте «Лауэ⁷⁹ доказал», а переделать на «Ученым удалось доказать» или «как убедительно показал Лангмюр» на «как было показано». Но это не все! Теперь надо исключать и некоторых русских, на теории члена Академии наук СССР Б. построена и диссертация, но академика Б. арестовали и он ушел в ту же бездну, где томится и Надин муж... Что все написанное полная правда, знают все, кто читал советские энциклопедии: история с теорией относительности, с кибернетикой, с именами таких корифеев русской философии, как Н. Бердяев, или Н. Лосский, с изобретателями попавшими в немилость. И эту страшную истину о царящей Лжи рисует нам Солженицын. Студентка Даша уже получает, не по своей вине или желанию, третью новую тему, а что трудилась ранее — идет насмарку. Первая ее тема была об общественном питании при социализме. Ранее было и маленькому пионеру известно, «что семейные кухни в скором времени отомрут, домашние очаги погаснут, и раскрепощенные женщины будут получать завтраки и обеды на фабриках-кухнях»,⁸⁰ тема эта стала с годами туманной и даже опасной. Наглядно было видно, что если кто и обедал еще в столовой, как например сама Даша, то лишь по проклятой необходимости. Процветали две формы общественного питания: ресторанная, но в ней

---

⁷⁹ М. Лауэ (Laue) нобелевский лауреат 1914 г., немец, физик и математик. И. Лангмюр (Langmuir) нобелевский лауреат, американец, химик и физик (1881—1957).

⁸⁰ В 1945 г. по приказу издательства «Просвета» в Белграде русскими и сербскими учеными выпущен «Учебник и хрестоматия» для сербов. (Авторов много: Н. Чернышев, Л. Сухотин и др.) На стр. 48—49 по указу советского журналиста описана фабрика-кухня: «На столах цветы. Между столами стоят пальмы!!» Еда чудесная; одна фабрика-кухня дает двадцать тысяч обедов в день и т. п. Все чистая фантазия но... напечатано, как образец жизни в СССР.

не достаточно ярко были выдержаны социалистические принципы, и — самые паршивые забегаловки,⁸¹ торгующие одной только водкой. В теории же остались по-прежнему фабрики-кухни, ибо Великому Корифею за эти двадцать лет недосуг было высказаться о питании. И поэтому очень опасно было рискнуть сказать что-нибудь свое. Даша помучилась-помучилась и руководитель сменил ей тему, но и новую взял по недомыслию из не того списка. «Торговля предметами широкого потребления при социализме». Материала и по этой теме оказалось мало. Хотя во всех речах и директивах говорилось, что предметы широкого потребления производить и распространять можно и даже нужно, — но практически эти предметы по сравнению со стальным прокатом и нефтепродуктами начинали носить некий укорный характер. И будет ли легкая промышленность все более развиваться или все более отмирать — не знал даже ученый совет, вовремя отклонивший тему. «Ну, что на это скажет человек трезвого ума? «Такова ЖИЗНЬ», сказал бы спокойно француз. — Такова она, эта жизнь в СССР! Но бывает и хуже, диплом отбирают, хоть ранее его признавали. Очень просто: «На литфаке (факультет литературы) одна защищала диссертацию о Цвейге⁸² четыре года назад, уже доцентствует давно. Вдруг обнаружили у нее в диссертации три раза, что «Цвейг — космополит» и что диссертантка это одобряет. Так ее вызвали в ВАК и отобрали диплом. Жуть!..» Среди студенток есть и практики, «смотрящие в корень», есть и любители науки, встречаются

---

⁸¹ Забегаловка у Даля — глушь, захоlustье. Этого слова нет в обширной работе (746 стр.) Л. Боровой «Путь слова» (о советской лексике) 1963 г. Нет его и в 4 томах словаря русского языка Академии наук, изд. 1957—1961 гг.

⁸² В литературе известны два Цвейга. Коммунистически и пацифистически настроенный Арнольд Цвейг, ленинская премия 1958 г. «Клавдия», «Воспитание под Верденом» и др. и Стефан Цвейг, австрийский писатель — «Амок», «Мария Стюарт», книги о биографиях русских и французских писателей. Около 1934 г. уехал в Бразилию где он и его жена совершили самоубийство в 1942 г. Вероятно, здесь речь об Арнольде Цвейге, жившем тогда, в 1950 г., в Восточной Германии.

и типы вроде Люды. Она хочет, представляясь невинной девушкой, завлечь какого-то испанца. Испанец был ребенком вывезен во время гражданской войны из Испании, пишет по-испански стихи... Люда забралась уже в свое небесно-голубое платье, но вообще говоря колебалась, если поэт и «клянул» и теперь у нее на крючке, то стоит ли выйти замуж за поэта, без будущности? — Как — спросила пораженная Эржика: «и в Советском Союзе тоже выходят замуж по счету?» — Привыкнешь — поймешь, тряхнула Люда головой перед зеркалом. «Эржика, еврейка, ярая и наивная коммунистка, из Венгрии. Ее в общежитии постоянно пугают снующие по полу «ужасные русские крысы», и она всему не перестает удивляться. Язык, плохо говорящей по-русски венгерки, передан очень хорошо. Она не перестает дивиться советской жизни: вот инженер не хочет ехать на прекрасное и увлекательное строительство в Сибири и... предпочитает продавать пиво в Москве; тут и после защиты диссертации, кто-то не может получить работу. Наивная бедняжка, округлив удивленные глаза, решается спросить: «Разве в Советском Союзе бывают безработные?»... Узнает Эржика и что, порой, для прописки в Москве надо кому-то *подмазать*. «Но ведь это — явление моментальное?» — спрашивала Эржика. (Она хотела сказать — временное). Противоположные вещи, странные вещи узнавала эта коммунистка из бывшего венгерского подполья. С жалобным распевом она говорит, думая о страшных крысах и возможности для нее, может быть, и переменить общежитие: — Девочки — девочки, ... вы мне все так нравитесь! Я бы ни за что не ушла от вас мимо крыс». Но были и у Эржики волнения и беспокойства, а о них она, как Надя о своих, никому поведать и рассказать не могла — боялась. Был в Венгрии странный процесс Ласло Райка; племянника его и ряд венгерских студентов отозвали в Венгрию и о них не было ни слуху, ни духу, ни послуху. Не было и ни одного письма.

Совсем другой тип студентки Даши из деревни. У нее не роман, а нечто смешное. Желая с кем-либо познакомиться из молодых мужчин, она применила метод Людки — пошла одна гулять: «Похожу, — рассказывает она товаркам, — сяду, на деревья посмотрю. Действительно, подсел быстро какой-то, ничего по наружности. Кто же? Оказывается буфетчик, в закусочной работает. А я где? . . . Стыдно мне стало, не сказать же, что аспирантка. Вообще ученая баба — страх для мужчин . . . — Ну — так не говори! Так можно черт знает до чего дойти! — быстро недовольно возразила Оленька». Дело в том, что у милой Оленьки появился кавалер и он ей нравится. Правда и то было в мыслях у Оленьки ясным, что не одна увеселительная сторона есть цель жизни. Не состоят весь смысл и сладость жизни в отношениях с мужчинами, как думает Людка. Нельзя было все строить, всю судьбу свою прицепить на тонкую неверную паутинку надежды выйти замуж. Но, вот у Оленьки и нашлась «перламутровая паутинка» и она «качалась, как качелька». Сегодня вечером Оля должна идти в концерт с человеком, который ей так нравился. Паутинка была, за нее можно было взяться, но прочная ли, и если за нее взяться обеими ладоньками — выдержит ли? Сама же Оля увлекается раскопками в Новгороде.⁸³ Рядом детали из жизни: сколько дадут на покупку книг? Оленька ела мало, не помнила себя сытой с начала войны, сидела на картошке и каше. Один единственный ее костюм ей драгоценен. Даша ушивает белье — удалось купить, хоть и не ее размер, «но пришлось брать пока выбросили», то есть пока продавали и это. Так жили и на пятый год после войны.

Совсем другая жизнь у представителей «нового класса». Тут полное изобилие, удобные квартиры, хо-

---

⁸³ В 1951—1956 гг. шли раскопки около Смоленска и в Новгороде. Были обнаружены так называемые «берестяные грамоты». Вероятно их писали и люди среднего класса, горожане, мужчины и женщины. Относительно веков, к которым следует отнести раскопанные предметы, возник спор. Б. Рыбаков жестоко раскритиковал методы и утверждения археолога А. Арциховского, Оля фантазирует — в XII веке, да и в XIII—XIV в. Новгород не мог иметь полумиллионное население.

рошая обстановка, правда, порою из награбленного, или из комиссионных магазинов. Описано торжество на новой квартире у Макарыгиных. Все в семье этой люди сталинской твердокаменной ориентации, вот только Клара-Клярет хочет что-то осознать и видеть своими глазами. Может быть, тут ей помогла и прежняя болезнь: больные часто задумываются, страдания утончают впечатлительность, а может статься и самая природа этой девушки и известная увлекающаяся душевность, толкают ее в сторону раздумий и оценок. Она искала и при выборе факультета, где меньше болтают, а больше делают, но чтобы не было и тяжелых грязных машин. Просто, те кто не попадали в авиационный институт, посылали документы в ветеринарный . . . , кого забраковали в химико-технологическом, становились палеонтологами. Осматривая свою новую пятикомнатную квартиру с папой в генеральской шинели, мамой в надушенном платье, Клара встретила женщину, моющую пол. Взгляд этой женщины поразил Клару. Была во взгляде этой работницы-заключенной ненависть и презрение. И Клярет испытала и стыд и страх. Это и сблизило ее с мужем сестры — Володиным. На ее вопросы, он просто заметил: «Клярет! Да ты соображать начинаешь!» Но прежде всего она не устойчива. Своей специальности совсем не знает и в электричестве ничего не смыслит. Из протеста перед отцом может запеть карикатуру на песнь «Слезами залит мир безбрежный», бросить отцу, что у «одних хоромы, у других сараи», что и «теперь на каторгу идут, и какое тогда у кого общественное сознание?» Но все это поверхностное, не выстраданное. Оттого она целовалась и с эком, плутоватым Руськой, а теперь, как зрелый плод, готова отдаться хитренькому ловкачу — критику Ланскому. Чувствуется: сразу позабыт Руська, и выйдет она замуж за Ланского. «Она была не виновата, что наступило ее последнее предельное созревание и неумолимым законом природы она должна была, как сентябрьское яблоко, упасть в руки тому, кто ее подхватит». Совсем, как Наташа в период ее увле-

чения Анатолием Курагиным у Льва Толстого! И таких протестующих из обеспеченных семей в Москве не так уж мало, да на подвиг, на риск, на ссылку они не пойдут. Смирятся, займутся семьей, делом, профессией и все. Руську будут бить в боксе, а Клярет будет наслаждаться медовым месяцем и Ланский ее будет просвещать.

Хорошо у Макарыгиных! Какой ужин! Какой хрусталь! Конфискованный по судебным приговорам и продававшийся по случаю в *закрытых распределителях*; запасы пополнены в Латвии, где Макарыгин работал, как прокурор, в Риге. А за столом на груди виновника торжества блестит новенький орден прокурора. В какой блеск привела дом прокурора его вторая жена — Валентина Никаноровна (Алевтина = Валентина = сильная, Никаноровна = зрящая победы!) Бедную подругу свою, гостью из провинции, Алевтина приспособила к делу: носить тарелки. Быстро и старательно обслуживают за столом две нанятые девушки — калмычки. Правда, за этим столом тех, кто с войны нажился и ничем не пострадал, просто тошнит фронтовика Щагова. Тут не было ни одного бойца и фронтовика, как он. В начале вечера хотелось ему, видя сытое свинство и ложь и передержки в разговорах, крикнуть: «Сволочи! А вы где были?!» пока мы лили кровь и мучился весь народ. Но он был голоден, «стрелял невесту», выпивки было много. Щагов не очень-то и мог сытно поесть в студенческих столовых... И вот, постепенно и эта подлая действительность «приемистее стала». Уже он словно бы и мог без отвращения продвигаться по ней и в мыслях и телесно. Есть же известный закон бытия: «Мертвым — слава, а жизнь живым». Легко и приятно усыпить совесть людям фактически ни в чем не виноватым. Это знает писатель.

Иное дело с вопросами совести и писателем, в случае сталинского лауреата Галахова. Он видит, что и полуправду писать о войне нельзя, запрещено, немислимо, если хочешь сохраниться и писать. Он и обкатывает острые углы, обплывает подводные камни Прав-

ды, не лжет прямо, а обходит Истину, не смотрит ей в лицо, применяется, лакирует кое-что. И о ужас! Он начинает выдыхаться как писатель, появляется трафарет, повторение общих мест. Он «приземлил птицу своего бессмертия», талант продал успеху. Но, пожалуй, легче писать о борьбе за мир советских дипломатов, о жизни, которой и не знаешь, чем о своей. Жизнь в СССР очень сложная и просто заминирована на разных тропинках к различным темам. Галахов у Солженицына лицо, в основном, вымышленное. Мне кажется, что в нем писатель соединил в одном человеке черты К. Федина, К. Симонова и Л. Леонова. По мнению Галахова, если писатель и напоминает следователя, то он прежде всего ищет в человеке светлые черты и его достоинства. Иннокентий Володин бросает Галахову мысль, столь дорогую мысль и самому Солженицыну: «Никакой режим никогда не любил больших писателей, а только маленьких», — послушных. Галахов выражает, что это справедливо только для буржуазного режима. Володин с этим-то якобы и согласен, но коварно отмечает, что в СССР создается литература не для читателей, а для писателей. Вопрос к свояку Иннокентия ясен: каково твое место в литературе, какими идеями ты обогатил наш измученный век? Чем, кроме социалистического реализма, можешь похвастать, что дал и даешь? Галахов понимает, видит, признается самому себе, что слава у него есть, а бессмертия нет и никогда не будет. И роман и пьесы, и рассказы его умерли на его глазах, а ему только 37 лет. Но надо ли гнаться за победой над временем? Его произведения влияли же на современную жизнь в СССР. Сейчас ни о чем, а тем более о войне, сказать правду нельзя. Но обстоятельства изменятся, и вновь люди, и он сам, вернутся к насущным темам «переосветят их истинно, переиздадут, исправят старые книги». Как это верно! К. Леонов, во время конференции печати в Белграде признавался с болью, что один из своих романов, по желанию партии и коллег, переделывал *одиннадцать* раз! Писатель Родион Березов в статье «Туда и

оттуда» вспоминает свой разговор с одним из ведущих писателей (вероятно К. Федин): «Каждый должен что-то писать для «будущего». Нет ничего вечного. Неволя сменится свободой. Сразу появится спрос на все искреннее, правдивое, не выдуманное, не подхалимское. Вот тогда-то и будет праздник на нашей улице». ⁸⁴ Читаешь Солженицына и все время радостно удивляешься: как же все, все правдиво, все отмечено и художественно и вместе верно! Известный критик — Георгий Адамович — отметил, как все в романе «врезывается в память» и как «давно, очень давно в русской литературе такой книги не было». Нет, кто-кто, а наш писатель не обременил, не приземлил птицу своего бессмертия! Все эти люди, заседающие за пиршественным столом у Макарыгиных, танцующие танго «Осенние листья», спорящие горячо, да с оглядкой, мерзавцы, подхалимы и так-себе, ничего люди, и некоторые люди в сущности и с запросами и с честью — Шагов, Володин, — живы, видимы, ощутимы. Кто читал сусального золота романы, кто не знает какова эта жизнь в СССР, ежели внимательно прочтет В КРУГЕ ПЕРВОМ, увидит, осознает и поймет.

Если прочесть литературно написанные воспоминания, или художественные произведения тех из коммунистов, кто отрекся или от коммунизма, или от сталинщины (Силоне, А. Жид, Лёвенгард, Аллилуева, Орвэлл, Замятин или Пеньковский, Кравченко и Гузенко и др.), то отошли от сталинизма они вовсе не на основании продумывания учения Маркса-Энгельса-Ленина-Сталина. А. Жид, как и Есенин, засыпал над скукой их страниц. Не доводы разума, не искания божественного их смутили. Пришло сомнение через сердце и чувство: вечная Ложь и звериная Жестокость, обида, гибель верного друга от рук палачей, контрасты обещанного и даруемого, вечная кормежка «завтраками», рост классового разделения их и надоумили. Как правило —

---

⁸⁴ «Новое Русское Слово», Нью-Йорк, 10. 4. 1969.

здесь нет столкновения мировоззрений, чисто философского подхода к проблемам познания, строения мира, мыслям порождаемым трудами Планка или Гейзенберга, а личное, прочувствованное или испытанное на своей коже. Это не отход от марксизма, еще до Первой Великой Войны, авторов ВЕХ (Бердяев, Струве, Бунаков, Гершензон и др.) или сборника De Profundis 1919 г. Все проще и рангом ниже. У Солженицына есть и столкновения миропониманий — тонкость критической мысли, например спор Рубина и Сологодина о марксизме. Но главное, конечно, во что превращена жизнь России Сталиным и его верной когортой. Ленинизм же не затронут и скорее Нержин верит в гений Ленина. Он сравнивает написанное Лениным, его точность, силу, с *размазней* писаний Сталина. Думает ли так и сам писатель — не знаю, но Нержин верен ленинской ⁸⁵ мысли.

Интересно и видеть кто из героев В КРУГЕ ПЕРВОМ вымышленное лицо, а кто историческая или бытовая фигура. Главный герой — это сам Солженицын. Абакумов, Сталин, Поскребышев и тому подобные исторически известные личности. Ведущий критик Жабба ⁸⁶ явный вымысел, такой фамилии не было среди известных советских литературных критиков, хотя Солженицын явно кого-то подразумевает. Так и Латунский и Ариман, преследовавшие Мастера в романе М. Булгакова МАСТЕР И МАРГАРИТА, имена вымышленные для двух критиков творчества писателя, которые существовали в Москве. Интереснее всего имена как бы исторические, но с переменной намеренно, а может быть и по ошибке, отчества. В романе В КРУГЕ ПЕРВОМ (глава 13 — Синий свет) упомянут очень известный русский изобретатель Стечкин: «Это вот так, бывало, в тридцать девятом, сороковом Бориса Петро-

---

⁸⁵ В 1969 г. Комиссией по защите прав человека при ООН Ленин назван «выдающимся гуманистом». За В. Ленина 15 голосов, 2 против и 12 воздержавшихся!

⁸⁶ В эмиграции, во Франции, известен журналист и автор книги о русских философах, по фамилии Жабба, но к советской критике он не относится.

вича Стечкина с шарашки вызовет Берия, — уж он с пустыми руками не вернется: или начальника тюрьмы переменят или прогулки увеличат... Стечкин терпеть не мог этой системы подкупа, этих категорий питания, когда академикам дают сметану и яйца, профессорам — сорок грамм сливочного масла, а простым лошадам по двадцать...» Знаменит был Борис *Сергеевич* Стечкин! Рожден он в 1891 году; теплотехник, академик. Работал в области теплового расчета двигателей самолетов и расхода воздуха. Еще в 1929 г. известна его работа «Теория воздушного реактивного двигателя». Решить вопрос — ошибка, или сознательное изменение, не ошибка ли переписчика? — теперь, увы нельзя.

ЖИЗНЬ ПОД ПЯТОЙ СТАЛИНА

Конечно, если читатель Запада возьмет 21-й том Энциклопедии Британники 1961 года и прочтет статью о Сталине Исаака Дойчера (ранее пламенного польско-еврейского коммуниста), Сталин будет великой, спорной (controversial) личностью в истории. В этой статье чего, чего нет! Так, до Сталина у нас в России был не плуг, не трактор, а *соха* (деревянный плуг!) и т. п. Все это людям знающим экономику и развитие промышленности и до 1914 года просто смешно. Наши автомобильные заводы были не хуже французских, наши фабрики выбрасывали больше чем довольно ситца и тканей; у нас, как при Сталине, не пахали в России на женщинах в деревнях (см. «Матренин двор», «В круге первом»). Совершенно известно, что, при страшных жертвах в людях и материалах, скорость индустриального роста ни в одной из пятилеток не была большей чем в 1908—1914 гг.⁸⁷ Солженицын это знает. Он знает, что около 14—15 миллионов людей было в концентрационных лагерях, где продуктивность труда весьма низка, знает о шпионских кражах иноземных патентов, о неимоверной скудости и беспорядке, даже на ранее образ-

---

⁸⁷ Значительно менее роста и японской промышленности 1951-1954 гг. В своей книге советские ученые П. Лукьянов и А. Соловьева «История химической промышленности в СССР», изд. 1966 г., (стр. 111—116) признают: в 1900 г. в России производилось 75 000 тонн серной кислоты, а в 1916 г. уже 260 000 тонн. В 1900 г. 42 000 тонн фосфатов, а даже в 1909 г. было уже произведено 85 000 тонн. Вот рост в дореволюционное время промышленности! Производство же азотной кислоты за 16 лет (1900—1916) возросло в 39,8 раз! Комментарии излишни.

цовых, русских железных дорогах. Сталин изображен как тиран, вредитель развитию страны, бездарно проморгавший нападение и не подготовленный к войне, хотя два года она уже шла в Европе. Жизнь зажата в кулаке МГБ. Для огромного большинства людей образованных или колхозных крестьян она также тяжка, опасна и скудна. Хочется опять вспомнить прежние славословия и дифирамбы Сталину, хотя бы, до отрезвления, в речах и статьях Джиласа и ему подобных. Война дала толчок к переосмыслению роли Сталина не только Солженицыну, но, по всей видимости, и В. Дудинцеву, а возможно и ряду других — Л. Чуковская, академик Сахаров и т. п. — Была и есть особая мода в СССР на замалчивание ошибок, злодеяний, неполадок и узаконенного грабежа населения (случай государственных займов и неуплата процентов и т. д.). Сам советский юморист в «Крокодиле» 1969 г. хорошо это выразил. Стихи являются как бы пародией на басню И. Крылова «Слон и Моська».

«Ай, Моська, до чего ж сильна она!
Не хвалит... И не лает на слона».

Моська в Империи смела, хоть лаять на Слона, а Моська в СССР гордится тем, что смеет молчать и не хвалить! — Слова же Солженицына всегда правдивы, а критика — беспощадна при всей ее справедливости.

***

В институте «литературу такую изучали там, будто все было на земле, кроме того, что видишь вокруг собственными глазами». (Стр. 211). Это — Солженицын. А Л. Осипова: «Социальный заказ и соцреализм — основы основ советской литературы... Лгут и должны лгать писатели. Сталин — непременно родной, жизнь — богатая, комиссар — чуткий. Советский читатель, утомленный своей трагической судьбой, требует (под-

сознательно) идиллистической и лирической фикции.⁸⁸ Есть целый ряд весьма важных в жизни советского народа явлений, о которых в современных романах за редчайшими исключениями нельзя найти ни строчки. Например: концлагеря, проституция, уход населения с немцами.⁸⁹ Это все или почти все затрагивает именно Солженицын. И только его стремление, во что бы то ни стало, к искренности уравнило в глазах и ряда читателей в СССР отсутствие хэппи-энда, идиллии, красоты. Многие, увы, очень многие считали и считают верными для себя слова поэта:

«Честь безумцу, который навеет

Человечеству сон золотой».

Покойный Ю. И. Мишалов⁹⁰ цитировал журнал «Коммунист» № 2 за 1965 г. Там сказано, что на определенном уровне «научная теория теряет самостоятельность и упирается в практику». Но если на практике нет и не было бесклассового общества и это идеалистическая надстройка теории, как быть с практикой неудач в течение пятидесяти лет? Как, видя теоретическую возможность такой ситуации в истории, объяснить, что она «оказывается практически нереализуемой». Эти идеи и сомнения знакомы и героям Солженицына (Сологдин, частью даже Нержин). Все судится партией «бесклассового общества» «с классовых позиций» будь то кибернетика, этика, история, биология или педология.⁹¹ Если же видна грубейшая ошибка осуждения, то партиец обязан утверждать, что это было «необходимо на данном этапе борьбы с капиталистическим окружением». — Возражения Радовичу со стороны Макарыгина о лжи пропаганды, искажения истории и т. д. В жизни кругом Ложь и Страх, упорство фанати-

---

⁸⁸ Отсюда некоторые из читателей «Один день Ивана Денисовича» обвиняли автора, что у героя «один желудок».

⁸⁹ См. Л. Т. Осипова «Явное рабство и тайная свобода», Мюнхен, 1960, стр. 11, 12, 15, 22, 39.

⁹⁰ См. «Наука и идеология» в «Новом Журнале» № 94, стр. 234, 235.

⁹¹ Так, 5 сентября 1931 г., ЦК ВКП(б) осудил педологию, как мракобесие и поповщину!

ков, и «босая бедность» при надрывной работе; они все время в центре внимания Солженицына. Оттого-то в изображении людей и вещей он так близок русскому XIX веку, его психологическому реализму. Чтоб воздействовать на «я» читателя необходимо нужно быть не только мастером слова, образного представления мира, но и быть доступно понятным в основном, доходчиво правдивым, видеть вещи и глазами обычного человека в СССР. Это и делает всегда Солженицын. Сам язык его, впитав советские слова, термины, — чисто русский с примесью старых диалектических великорусских ядреных слов. Часто слова эти так подобраны, такие вещные, пластичные и сверкающие, что вот, хочется их выбрать, положить на свою ладонь и любоваться. И хорошо, что нельзя: в отрыве от живой ткани повествования они потускнели бы, как блекнут слова в словарях.

Читаешь, читаешь Солженицына и какая-то особенная пекущая печаль обвивается вокруг сердца и крепко-накрепко стягивает его. Иной может и просто разболеться от книг страдания и горечи. Конечно, есть и свет горный, есть звук биения большого и чистого сердца, да горе-горькое, общенародное гореваньице, все проникает. Есть и еще особенность во всем написанном этим Великим Страдальцем и борцом за человечность. Мне кажется, что автобиографичность ряда мест, огромность несправедливо наложенного креста страданий автора делает его особенно близким и просто ощутимым. Видишь его и в ледяном свете месяца на Севере с номерами на спине, груди и колене; а вот, опустив вниз голову от боли и тошноты лежит писатель в ташкентской больнице, или едет, сплотив плечи, с Герасимовичем в воронке из шарашки в тайгу. И в этом еще нарочито пронзительная боль его книг, очерков и рассказов. Читаешь, пьешь воздух России, но какой он тяжкий! Не вздохнуть полной грудью — боль и страстная горечь. И всюду Ложь и «серый призрак и подземный гул». Поперек теней сумрачных лагерных вышек легла, насупилась и не уходит, тень Сталина.

Добровольная работа «по известному принципу полной добровольности» есть насмешка: работать будешь и в воскресенье — тоже «добровольно». Академики сидят по восемнадцать лет в тюрьме «без приговора». Сказал кто-то правду, что «из Эрмитажа⁹² картину продали на Запад — и оба получили по десять» лет каторги. Лагерный опер Камышан бьет обычно «палкой, по губам, чтобы сыпались зубы с кровью»... Каждый проходящий в тюрьме арестант в следственном корпусе «расписывался сквозь прорезь в жестяном листе, не видя фамилий ни до, ни после своей; взводили по лестнице, где против арестантского прыжка были натянуты частые сетки, как при воздушном полете в цирке». (Стр. 145). И кого-кого не водили по Лубянке! Кадеты, эсеры, анархисты, монархисты, октябристы, меньшевики, большевики. Были, прошли через эту тюрьму и Якубович, и Рамзин, Бухарин и Шульгин, Рыков и Савинков, Тухачевский и профессор Плетнев. Не избег ее и гениальный академик Вавилов, фельдмаршал Паулюс и генерал Краснов. Бывали всемирно известные ученые и поэты, юноши, старцы, женщины, девушки, подростки. О тюрьме и ее истории, все большем мраке и зажиме, — пишет Солженицын со всей силой правды. Не может он принять писаний героя В КРУГЕ ПЕРВОМ — Галахова. Хоробров так определяет эти попытки приукрасить действительность да позолотить жизнь в книгах: пишут в каком-то духовном параличе; одобряют «все шире принятую манеру писать как бы не для людей, а для дурачков, которые жизнь не видели и по слабоумию рады любой побрякушке». Это очень напоминает рассуждения Елизаветы Анатольевны из РАКОВОГО КОРПУСА: «Близко я не знаю книг какие бы не раздражали. В одних — читателя за дурака считают»... и т. д. Не случайно эта мысль повторяется и В КРУГЕ ПЕРВОМ. Подхалимст-

---

⁹² Рафаэль, Тициан и другие из проданных картин украшают, например, в Вашингтоне, галерею Меллона. Ряд драгоценных предметов находится и в Торонто.

во, ложь и лакировка не переносимы для нашего писателя. Да как и не быть и жизни и быту тяжкими в зажиме кулака МГБ?! Вот лейтенант МГБ — Смолосидов. «Даже веря, что в каждом творении есть что-то хорошее, трудно было отыскать это хорошее в его чугунном никогда не смеющемся взгляде, в безрадостной нескладной пожимке губ». По должности он получал малое жалованье, «правда еще на тысячу воровал из института и продавал на черном рынке дефицитные — радиодетали — но все понимали, что положение и доходы Смолосидова не ограничиваются этим».

Правда, есть бесстрашные люди типа инженера Бобынина. Когда сам Абакумов говорит ему «И вас заставим» Бобынин режет — Ошибаетесь, гражданин министр! . . У меня ничего нет, вы понимаете — *Нет ничего!* Жену мою и моего ребенка вы уже не достанете — их взяла бомба. Родители мои — уже умерли. Имущества у меня всего на земле — носовой платок, а комбинезон и вот белье под ним без пуговиц (он обнажил грудь и показал) — казенные. Свободу вы у меня давно отняли, а вернуть ее не в ваших силах, ибо ее нет у вас самого. Лет мне отроду сорок два, сроку вы мне отсыпали двадцать пять . . .» (стр. 77—78).

Пресловутое право и на платное учение в высших учебных заведениях для многих не сладко. Неподготовленные девушки «пробирались сквозь эту математику и радиотехнику, как сквозь беспонятный, безвылазный бор. Но чаще всего «просто не было времени. Каждую осень на месяц и больше всех студентов угоняли в колхозы убирать картошку, из-за чего весь год потом слушали лекции по восемь и по десять часов в день, а разбирать конспекты было некогда». А там была и политучеба и обязательное недельное собрание, да еще стенгазета, да шефские концерты. Кроме того надо же было и дома что-то помочь сделать, не считая клуба или кино. Нагрузка большая, сверх нормы, а толку от нее мало.

А в чем и преступление многих? Да просто здорово-му мозгу на Западе и не понять. В атмосфере вечного

сыска, постоянно подогреваемой подозрительности самое слово есть преступление. Разумному человеку нельзя считать медицинское открытие, какой-то препарат, — государственной тайной, да еще в мирное время. А тут и залегло преступление несчастного эпикурейца — Володина.⁹³ Он, опасаясь за знакомого доктора — старика, посоветовал не показывать препарат западным коллегам. И вот за это, и только за это, он и попадает под своды тюрьмы. Впрочем не он один, а еще некто, схожего тембра голоса, тоже арестован, по тому же подозрению. И... сидит. Когда везут арестантов на свидания, то не только осматривают весь автобус, но лезут и под автобус поглядеть, а нет ли кого и на рессорах под кузовом, хотя и «бесплотный бес не удержался бы там ни минуты!» Бдительность, бдительность до конца!

Иногда, редко в сущности, вступает в хор голосов шарашки под Москвой голос самого автора. О Нержине он говорит, а вместе с тем и о всей советской жизни: «Никогда бы Нержин не расстался с женой, и безмятежно прошла бы жизнь его в численном интегрировании дифференциальных уравнений, если бы родился он не в России, или не в те годы, или был бы не такой. Это в ДЕВЯНОСТО ТРЕТЬЕМ,⁹⁴ у Гюго. Лантенак сидит на дюне. Он видит несколько колоколен сразу, и на всех на них — смятение, все колокола гудят в набат, но ураганный ветер относит звуки, и слышит он — безмолвие. Так, каким-то странным слухом отрочества слышал Нержин этот немой набат — все живые звоны, стоны, крики, клики, вопли погибающих, отне-

---

⁹³ Иннокентий Володин приводит много цитат из Эпикура по-русски. Однако, обвиняет философа или почти насмехается над тем, что легко философствовать в саду о терпении в страданиях, о забвении, о пренебрежении своих мук. Здесь герой, а может быть и сам автор, не справедливы. Судя по древним записям Эпикур в жестоких предсмертных муках думал о других: «А ты (друг) позаботься же о детях Метродора». Метродор оставил сирот.

⁹⁴ Точнее «ДЕВЯНОСТО ТРЕТИЙ ГОД», о революции и Конвенте якобинцев (1874). Вероятно Солженицын читал его в русском пятнадцатитомном издании, Москва 1953—1956.

сенные постоянным настойчивым ветром от людских ушей . . . Двенадцати лет . . . прочел процесс инженеров, — вредителей. И этому процессу мальчик сразу же не поверил . . . Он явственно различал, что все это — ложь, ложь». Речь здесь, вероятно, или о процессе *промпартии* или о Шахтинском. Обвиняли неповинных инженеров во вредительстве. Судя по некоторым данным причина сотен арестов была в страхе партии, что всю пятилетку захватят в свои руки техники. Иначе — боязнь того, что технократы смогут вытеснить партийцев. Нержин знал семьи инженеров «и не мог представить себе этих людей, чтобы они не строили, а вредили». (Стр. 179). Нержина особенно занимал и позже вопрос: почему жертвы, люди невинные и впредь осужденные, «брали на себя предсмертное самообольщение»? Он мечтал испытать все, вплоть до тюрьмы, но узнать правду и главное, во всем разобраться: «узнать и понять! Узнать и понять!» Не знал бедный юноша ни того как называется самая главная тюрьма, ни особого закона жизни, — «что желания наши обязательно исполняются, если они по-настоящему велики». И все сбылось в жизни Нержина: он был арестован и привезен в тюрьму. Там нашел он людей не удивившихся ни его сомнениям, ни догадкам. Эти его сотоварищи, еще уцелевшие, во сто раз больше его знали и могли рассказать как оно и почему случилось. «Все сбылось и исполнилось, но за этим — не осталось Нержину ни науки, ни времени, ни жизни, ни — жены». Одна великая страсть — узнать правду «занявши нашу душу, жестоко измещает все остальное. Двум страстям нет места в нас». Эти слова, сродные Пушкину («Пиковая дама») и Достоевскому («Преступление и наказание»), толкуют и героика Нержина.

Но все ли понял Нержин, все ли ясно автору? Вопрос фанатизма партийцев, обожествления Вождя, начался ли только со времени прихода абсолютной власти Сталина? Не следует ли и в партии, в ее отрицании общечеловеческой этики, религии, веками созданных и проверенных традиций, в лозунге «цель оправдывает

средства» — видеть причину основную и главную? Социализм, коммунизм не с сердцем милосердной любви, а с каменным лицом принуждения, с бичом смерти даже для инакомыслящих, грех утопизма, не отступающего от кровавого насилия — вина ли одного Сталина? На это творчество Солженицына прямого ответа не даст. Вот, что есть Сталин и его режим говорят, вопиют, книги писателя. Вот, что такое свобода религии рисует ярко ПАСХАЛЬНЫЙ КРЕСТНЫЙ ХОД, это — издевательство, а не свобода. Но как же партия далась резать и бить лучших партийцев Ежову, Берию, Абакумову? Где первопричины рабOLEпия перед Сталиным? Мы это знаем. И книги Солженицына помогают уяснить кое-что и из раннего процесса озверения фанатиков. Знает ли об этом в глубине души и сам писатель? Кто может проникнуть в тайники души Великого Правдолюбца?

Может быть прав О'Коннор — русские большие писатели особенно внимательны, чутки к страданию. Они сострадают ближним и дальним, это — движущая сила их творчества. Оттого у писателя не только сострадание в искании причин мрака сталинщины, сострадание ко всем несвободным, ко всем узникам и мученикам режима, но и стремление Нержина понять прошлое в лице народников, их утопии и их преклонения перед страданием. И делается автор В КРУГЕ ПЕРВОМ тоже страждущим и мучающимся. Изю всех рассказов, повестей, романов, выступает и величаво грустная и до боли родная личность писателя. Неизгладимо врезается образ страстотерпца советской литературы. Лучше всего книгу о нем кончить его же словами. Ни больше, ни сильнее не скажешь: «В эту зиму я приехал в Ташкент почти уже мертвецом. Я так и приехал сюда — умирать.

А меня вернули пожить еще.

Это был месяц, месяц и еще месяц. Непуганная ташкентская весна прошла за океанами, вступила в лето, повсюду густо зазеленело и совсем было тепло, когда стал и я выходить погулять неуверенными ногами...

Мне надо было часто присаживаться, а иногда, от раз-
бирающей тошноты, и прилегать, ниже опустив голову.

Я был и таким, да и не таким, как окружающие меня больные: я был много бесправнее их и вынуждено безмолвнее их. К ним приходили на свидания, о них плакали родственники, и одна была их забота, одна цель — выздороветь. А мне выздоравливать было почти что и не для чего: у тридцатипятилетнего, у меня не было во всем мире никого родного в ту весну. Еще не было у меня паспорта, если б я теперь выздоровел, то надо было мне покинуть эту зелень, эту многоплодную страну и возвращаться к себе в пустыню, куда я сослан был *навечно*, под гласный надзор, с отметками каждые две недели, и откуда комендатура долго не удабривалась меня и умирающего выпустить на лечение.

Об этом всем я не мог рассказать окружающим меня вольным больным.

Если б и рассказал, они б не поняли . . . » ⁹⁵

Так говорит с нами намолчавшаяся душа Великого писателя. Мы-то пойдем его! . . . «Надо стараться зака-
лить, отграничить себе такую душу, чтобы стать *чело-
веком*». ^{95*}

---

⁹⁵ «Правая кисть».

^{95*} «В круге первом», стр. 346.

« АВГУСТ ЧЕТЫРНАДЦАТОГО »

I

*« Не заставляйте думать,
что земная ответственность
страшнее ответственности
перед Богом ».*

А. Солженицын

Когда в 1971 году Y.M.C.A.-Press в Париже опубликовала роман А.И. Солженицына « Август Четырнадцатого », личность писателя и его биография получили новое освещение. 24. IX. 70 г. « La Pensée Russe » напечатала молитву писателя. Вышла она и в издательстве « Посев » (Possev), а позднее и в U.S.A. по-русски и по-английски. В 1972 г. появилось в Москве и обошло весь свободный мир Великопостное послание-письмо Солженицына патриарху Пимену¹⁾.

---

1) Среди прочего Солженицын иронически спрашивает во всем послушного властям Патриарха Пимена : стоит ли писать обращения Патриарха, если и людей и Церкви не станет : « Их будет не к кому обратиться, не останется паствы кроме Патриаршей канцелярии ». Еще грозней упрек, что после « лжи — какими руками совершать евхаристию ? » Своими действиями Пимен, под руководством атеистов, совершает « планомерное разрушение духа и тела Церкви », а попытки ее сохранения « ведь уже не для Христа ». Солженицын вспоминает великое значение для своего душевного состояния — посещение им в детстве богослужений гонимой церкви. Не забудем, что все крупнейшие русские писатели, Пушкин, Гоголь, Достоевский, Лесков, Толстой были верующими. К ним в зрелые годы примкнул и крупнейший современный русский писатель — А. Солженицын. См. тоже в *Time* 3. 4. 72 и 17. 4. 72, New York.

А до этого писатель встал на защиту Жореса Медведева, известного биолога, заключенного за свою борьбу против Лысенко и за переписку с Западом в психбольницу. Всем памятна и глупо скандальная история с запретом приезда секретаря Шведской Академии для вручения писателю Нобелевской награды. В своей русской книге о Солженицыне 1969 г. я допустил себе лишь легкие намеки на религиозность и православие писателя. Теперь он сам открыто сказал об этом в письме к патриарху, требуя от него защиты для неправедно гонимых священников и отмены запрета, без разрешения властей, идти причастить даже умирающего. Не менее ясно показано значение веры, обряда, русского патриотизма в «Августе Четырнадцатого». Таково, напр., отпевание героя-полковника солдатами в лесу. Эта сцена волнует самого автора, вознося его к Божьему небу: «И — выше солнца, выше неба, прямо к престолу Всевышнего четырнадцать грудей мужских напевом проверенным, голосом слитным, восслагали уже не просьбу свою, но жертву, но отречение:

— Те-бе-е, Гос-по-ди-и-и!» (Гл. 50, стр. 451).

В послесловии, обращенном к русскому эмигранту, Солженицын замечает, что писать слово Бог с маленькой буквы «есть дешевая атеистическая мелочность, мелкость... На это унижение я уже не могу пригнуться... Узел своей работы я теперь публикую для русского зарубежного читателя». И Солженицын просит критики и поправок.

Замысел «Августа Четырнадцатого» возник у писателя в 1936 г. сразу по окончании средней школы. Отец Солженицына, тоже артиллерист, сражался в той Восточной Пруссии, где действовала и храбрая батарея А. И. Солженицына в 1945 году. Мысль написать исторический роман о поражении армии ген. Самсонова в августе 1914 года грезилась Солженицыну, «как главный замысел своей жизни». В виде подзаголовка к «Августу Четырнадцатого» выступает Узел I. Смысл этого ясен: Первый узел трагических событий, приведших к революции и краху державы, гибели миллионов в гражданской войне, в подвалах «ЧЕКА»

и голоде. Почему добиваясь свободы лишились и ее элементов, а построили новые тюрьмы и концлагеря. Солженицын и хочет попытаться разрубить сплетение Гордиевых узлов злой Судьбы-мачехи. Сам же термин скорее всего взят писателем из «Евгения Онегина» А.С. Пушкина (гл. X, XVII). В этой, при жизни поэта не опубликованной части романа в стихах, есть фраза «узлы к узлам...» Речь идет о заговоре декабристов, о их «мятежной науке» «тайной сети» и «цареубийственном кинжале». Солженицын прекрасно знает все написанное Пушкиным, даже стихи помещенные в его письмах, напр. к П. Вяземскому. Роман «Август Четырнадцатого», как и почти все написанное этим замечательным художником слова и мыслителем, своеобразен и вместе с тем входит в особую общерусскую традицию. Размышляя о «Войне и мире», Л. Толстой высказал ряд любопытных замечаний и о русской литературе XIX века. По его мнению, самые выдающиеся произведения, — будь то «Мертвые души» Гоголя, «Евгений Онегин» Пушкина, «Записки Охотника» Тургенева, «Записки из Мертвого дома» Достоевского или «Война и мир», — не романы в смысле западноевропейской традиции; они — нечто особое, свое; русское. Таковы романы и повести автора «Ракового корпуса». Но во всем до сих пор написанном нашим лауреатом есть еще одна существенная особенность. Половая любовь не играет в его произведениях особо важную роль. Он пишет о боли, скорби, о лишенных прав и свободы, о горе и голоде, о муках больных телесно и больных духовно, а равно и о героях Правды и Чести. Марксист George Luckacs²⁾ полагает, что Солженицын есть истинный представитель социалистического реализма. Но так ли? Пресловутое это определение требует реализма в форме и социализма-коммунизма в содержании. В сути это вид догматического требования. Наш художник к нему не может быть причислен. Прежде всего по темам своих романов и повестей. В СССР есть темы запретные. Проблемы — табу: 1. Симпатия к религии

---

2) *Soljénitsyne*. Paris, 1970, p. 71 sequ.

и верующим, религия и ее проблемы, причины неудач начала и середины войны 1941 г. За этим следует правда о терроре и о лагерях, тюрьмы и жизнь в ссылках, анализ причин и форм страдания и смерти миллионов. Запрещена всякая критика, и благожелательная, основ марксизма, правда о жизни и смерти В. Ленина, С. Кирова, С. Орджоникидзе и др. 2. Необходимость всегдашней хвалы высших властей, их действий и запрет серьезной критики. Нужен «Герой-штамп» и обычно рабочий, а у нашего автора это интеллигент или крестьянин, имеющий и веру, и искания ценностей высшего порядка. Запрет касаться темы-герой и государственно-коммунистический капитализм, неравенства оплаты, привилегий правящего класса-партии с его «закрытыми распределителями» (магазины только для партийцев). 3. Нельзя, как Солженицын это делает, писать о вещих снах, о, хуже татарского, разрушении церквей и могил знаменитых писателей. 4. Солженицын не только продолжил традицию русского психологического и частью обличительного романа, но и внес особое и свое. В области структуры три вещи его имеют своеобразие, то в полифонии голосов и течении времени («В круге первом»), то в голосе героя и голосе автора-комментатора («Один день Ивана Денисовича»), или в центре повести болезнь — госпиталь — смерть («Раковый корпус»). Здесь люди сбиты в узком кругу шарашки-тюрьмы, лагеря или тринадцатого корпуса больницы. В «Августе четырнадцатого» мы уже на просторе России и в лесах Восточной Пруссии, но ход времени так же сжат и выхвачен из ньютоновского времени во время *Событий и Судьбы*. Солженицын также ставит своего героя или нескольких людей в среду необычно разношерстного коллектива. Тут и революционеры, и ученые, и крестьяне, и интеллигенты-врачи, солдаты и *тюремщики*. Кроме того, в отличие от стандартного романа в СССР, наш художник все время занят экспериментированием, введением ритмики трехчленных предложений, новой формой слов, обогащением народной лексикой языка автора. В ряде фраз у него совершенно особая расстановка ключевых слов, крас-

ных строк и даже зрительная сторона принята им в расчет. Здесь он связан с традицией обновления метода писать и изображать первой половины двадцатых годов в СССР. О языке (главное о лексике) нашего писателя было много споров на Западе. «Август четырнадцатого» окончательно дает возможность дать краткое описание всего своеобразия словесного искусства этого крупнейшего мастера. В лексике и составе фраз он, следуя совету Л. Толстого³⁾, обращается к языку преимущественно крестьянской массы. Язык рабочих его, видимо, мало интересует. В чем же своеобычность языка Солженицына? Очень сжато я бы свел все к шести основным пунктам. 1. Обновление, оживление слова-понятия, слова-представления, слова-звука, слова-чувства и слова-волеизъявления. Тут дело не только в богатстве лексики и слов архаистическо-церковных, специальных и общенародных, но и в творчестве: скальные выступы (вместо выступы скал), изник — (= исчез), зорное — (= ясное) утро, зоркое ведро, спотычливо (от прилагательного — спотычливый = кто часто спотыкается) и т. д. «Ромб гамака». Прилагательные при описании человеческого носа, глаз, губ, рук всегда почти живы и сочно картинны. Нос — то разляпистый (= широкораздутый) то — нос-бороздило⁴⁾. 2. Место слова в предложении, что очень важно в свободной русской речи. Напр.: «Она — загадочное любила в жизни», обычный строй

---

3) См. мою заметку в «Новое Русское Слово» от 4. 10. 71 г. Л. Толстой в 1872 г. писал Н. Страхову: «Не ложны ли приемы, не ложный ли язык тот, которым мы пишем и я писал; а русский, если он не безумный, должен задуматься... и поискать других приемов и языка... а язык, которым говорит народ и в котором есть звуки для выражения всего, что только может желать сказать поэт — мне мил... Захоти сказать лишнее, напыщенное, болезненное — язык не позволит, а наш литературный язык без костей». И Л. Толстой не любил язык рабочих. — См. О лексике Солженицына в «Августе четырнадцатого» статью В. Карпович «Читая "Август четырнадцатого"». «Новое Русское Слово» от 26. XII. 1971 года.

4) Ср. народное: «Рожь-тёркою, нос-бороздилом». Бороздило есть инструмент в виде острой лопаточки для обрезания копыт.

— « Она любила загадочное в жизни. Или : « А день ! а солнце ! а жизнь ! » « С крупным носом разляпистым ». 3. Положение слова и фразы в поле зрения читателя в « Киноэкранных главах », в символе катящегося колеса, в выделении, как концовка после **, крупным шрифтом пословицы типа : « НЕ НАМИ НЕПРАВДА СТАЛАСЬ, НЕ НАМИ И КОНЧИТСЯ ». 4. Идиоматика и особое оформление или переосмысление фразеологических единств. Вспомните, напр., у О. де Бальзака вместо « *La nuit porte conseil* », говорит герой : « *Le dîner porte conseil* ». Такое не раз делает и Солженицын. Приведу один пример из « Август четырнадцатого ». Автор подчеркивает, что сын Томчака — богача и большого дельца, неудачен, не в отца, слаб и хил : « Богатичи — что голубые ⁵⁾ кони : редко удаются ». Это переделка народного присловья : « Поповы детки, что голубые кони : редко удаются ». 5. Поэтические новые сравнения, уподобления, символы, а равно ритм и своя мелодика фразы, « свой тембр голоса ». Тут и « зеленохохлый соснячок » (султанчики на верху сосенок) и « Ксения вскинулась (= вскочила), как уколотая », вместо обычного : вскочила, как ужаленная » и превращение ряда прилагательных в наречия. 6. Сила и мощь авторского голоса. Этой проблеме в « Августе четырнадцатого » и посвящена вторая часть этой главы.

Особенность нашего писателя его тематика и философия жизни, изучение им Правды и Лжи. Русская классическая литература XIX века часто занималась проблемой половой любви, лишними людьми, « *mal du siècle* », говорила о жизни и идеях революционеров (Базаров, Рахметов и др.), занималась жизнью помещиков и крестьян и городской беднотой. У Солженицына же в центре вопрос Правды и трагедия свободы в России и в СССР. Не о личной привязанности индивидуума, не о соблазнах духа и плоти человека, а об общенародной беде говорит нам писатель. Тюрьма, война, лагерь. И есть у него три главных врага —

---

5) Голубой конь, голубь, — серый в народной, крестьянской речи. У сербов это — зеленый конь, *zelenko*.

Ложь, Глупость и Жестокость, а отсюда острая конфликтность им написанного. Бороться с этими врагами можно только если победить страх, уничтожить соблазнительность Лжи, ибо ее отец диавол. Глупость есть глупость, указывает писатель. А свобода есть разумное, человеческое использование своей воли, труда, интеллекта; вовсе свобода не есть « осознанная необходимость », или, по Энгельсу, « способность принимать решения сознанием дела ». Хорошо сказал о Солженицыне югославянский журналист и литературовед М. Михайлов ⁶⁾, что в истинном искусстве нобелевского лауреата есть дуэль Лжи с Истиной и борьба с убивающей дух механизацией, или еще короче — « борьба Бога с сатаной ». Не менее интересно и указание Милована Джиласа ⁷⁾ : Если Б. Пастернак и представляет некую интеллектуальную оппозицию коммунизму в « Докторе Живаго », то иное дело противоборствование и глубокое неприятие Лжи и Жестокости у Солженицына. Он проникает к корням русской жизни. « Оппозиция его абсолютна и всеобща ». Есть в произведениях Солженицына не одна только последовательность и глубинное отрицание Зла и Лжи, но « и некий пульс жизни нации и обещание перемен в России... » Я не думаю, что многие так понимают Солженицына в СССР. Увы, звон собственных цепей принимается за музыку для дальнейшего марша. Писателя же обвиняют в несусветном, клеветают, что он служил у немцев, что был в плену. Хорошо сказал об этом А. Солженицын : « Я один, а клеветников сотни ». Многие же в СССР просто боятся правды большого искусства, уменья рассказать, показать и объяснить жизнь людей. Литература, слово художника служит, по мнению писателя, не только искусству, но и утолению боли жизни, помогает всем страдальцам. Живет человек в СССР и перед ним вопросы и проблемы, которые разрешить и решить ни коллектив, ни партия никогда не могут : личность и совесть, долг и доброта, вера и Бог. И Солженицын особо русский писатель, а

---

6) *The New York Times*, 24. 10. 70.

7) *Life*, May 1970.

в искусстве его так много явных и сокровенных символов. В одном рассказике⁸⁾ — « Костер и муравьи », муравьи бегут по горящей головешке, а уйти из своей родины словно и не хотят, а не только не могут : « Какая-то сила влекла их назад к покинутой родине ». А сам конец « Ракового корпуса ! » Почему последние строки романа о бедной обезьянке резус ? В зоологическом саду ей засыпал глаза злой человек табаком и она ослепла. Ослепла от зла злого человека. Почему именно о ней думает Олег Костоглотов ? Его душа требует жалости к жалким и ослепленным коммунизмом людям. Но и в « Раковом корпусе », « В круге первом » и в « Августе четырнадцатого » есть свет немеркнущий — героизм и герои. А о Боге он говорит в своей молитве : « Ты ниспосылаешь мне ясную уверенность, что Ты есть и что Ты позаботишься, чтобы не все пути Добра были закрыты ».

Исторический роман « Август четырнадцатого » есть прежде всего попытка возродить в слове Прошлое и показать как неудача в Восточной Пруссии повлекла за собою революцию и все, что за нею последовало.

Самые знаменитые исторические романы русской литературы « Капитанская дочка » А. Пушкина, « Война и мир » Л. Толстого, а теперь « Август четырнадцатого », замечательны тем, что описывают эпоху, отстоящую от времени написания романа лет на пятьдесят — пятьдесят пять. Каждый из авторов мог и действительно встречался в период писания своего исторического романа с кем-либо из участников описываемых событий. Это дало возможность говорить местами, как те, кто сражался в XVIII, XIX и XX вв. Я не был на Западном фронте, но на Кавказе и после революции встречался и беседовал подолгу с рядом офицеров, бывших в походе ген. Самсонова или ген. Ренненкампа. Главные мои собеседники были полковник ген. штаба В.М. Процин (вырвался раненым из Пруссии; георгиевский кавалер) и Л.В. Коленко — поручик

---

8) А. Солженицын. Сочинения. I, 1966. Изд. « Посев », стр. 296.

артиллерии. В основном их рассказы сходились с описаниями А. Солженицына⁹⁾).

II

Весь роман в духе, стиле и силе Солженицына. Своеобразный и необычно богатый язык с его «спотычливо, впритирку, охватил (= понял), хитросметливый, увей леса, вполслуха, на прозор видна... Мыслей в тесноту секунд тоже набивалось, как солдат в окоп. В частом зеленохохлом соснячке. Мельтешил, «доведчивый» и т. п. Не редки блестяще меткие сравнения, писательская острота глаза ко всему происходящему в природе. Правда, случаются и диалектические, и неудачные слова типа молчела (= смолкала), но редко. За своеобразием сочного, Далем пропитанного языка, читатель просто осязает личность автора, горение его сердца и страстную преданность Правде.

Вперед скажу, я не думаю, что наши поражения в Пруссии — причина конца Империи, узел первый для революционной петли. Правда, устами Воротынцева сказано о ген. Жилинском: «Самоубийство России подписали вы», но в первой мировой войне мы имели и ряд больших успехов*). Брусиловское насту-

---

9) О некоторых ошибках в титуловании особ, в описании жизни офицеров до революции (пивнушки они не могли посещать), употреблении послереволюционного жаргона в 1914 г. См. ценную статью Р. Гуля в The New Review, № 105. N.Y., 1972 г.

*) Несомненно, в июне-июле 1916 г. мы понесли большие потери при прорыве фронта и потери не всегда оправданные обстановкой. Однако, потери французов и немцев под Верденом тоже находят осуждение у ряда стратегов (см. смену Фалькенгейма Вильгельмом). О тушении огня кровью говорит не один Верден, а и несчастная атака на «Шемэн де Дам», ужасы агоний в грязи Пешандела и многое другое на Западе. В три раза слабейшая по численности населения, в сравнении с Россией, Франция понесла процентно гораздо большие потери на войне, чем Императорская Россия. Русское вторжение в Восточную Пруссию было необходимо для поддержки французской и английской армии и спасения Парижа. На Марне не были корпуса немцев отосланные на Восток. Победа

пленение, сотни тысяч пленных, падение Эрзерума, разгром турецких армий и т. д. Мы не потеряли до революции исконных русских земель, отошли до Риги, но и в 1916 г. наши войска занимали и чужие территории. Немцы не занимали ни Киева, ни Крыма, не осаждали Петроград, и не были на Волге или у Врат Москвы! В первую мировую войну не было сдачи в плен ста сорока тысяч бойцов (Вязьма). Не было и половины потерь в людях второй мировой войны.

При всех, гораздо горших ошибках, при всем позоре сдач целых армий, при переходе тысяч солдат и офицеров на сторону противника, невероятном голоде и лишениях в СССР, война ничуть не расшатала государство сыска и не разрушила существовавший строй.

Но, может быть, и не следует толковать роман в этом смысле? Главное же для меня, это забрало писателя, поднятое до конца, лицо открыто перед читателем. Основная задача моей статьи — указать на голос и лик автора, на то, что непрерываемо, неоспоримо, он нам говорит и как автор, и как персонажи в романе.

Место авторского голоса во всяком романе особое и по-разному он вводится в оркестровке романа. Напр., в «Дворянском гнезде» Тургенев говорит о споре Лаврецкого с Паншиным и замечает: «Лаврецкий легко разбил Паншина на всех пунктах». Тут вся острота возможного столкновения мнений и голосов героев отнесена в сторону. Иначе поставлен голос и его комментарий в описании горя стариков Базаровых. В лирико-эпическом отступлении Тургенев вспоминает, что цветы на могиле Евгения Базарова говорят нам не только о спокойствии равнодушной природы, но «также о вечном примирении и о жизни бесконечной».

Замечу сразу, что авторский голос Солженицына необычайно разнообразен. Вот, пользуясь народным выражением, он весь в ЗАХЛЕБЕ ГНЕВА: «...При его

на Марне дала 38.000 пленных германцев и около 160 пушек разного калибра союзникам. Сняв свыше четырех дивизий с поля битвы немцы имели 44 дивизии против 56 англо-французов!

(Данилова) положении надо было и не просто выступить, а высказать глубокую мысль, дать понять, что череда заботных дум не устает проплывать за его лбом (А ЛОБ-ТО БЫЛ ТУП! А ЧЕРЕДА ТЯГУЧАЯ! А МЫСЛИ ДОХЛЫЕ!)». Иной раз это ирония: Соня упрекает своего отца-деловика еврея в том, что он ничего для революции не делает. Солженицын с усмешкой ставит в скобки свою ремарку: «Она, впрочем, тоже ничего не делала» (стр. 534).

Иногда художник кратко объясняет душевное состояние своего героя: «Самсонов ощущал, что делает не так. Верней — чего-то нужного не делает, а не мог схватит — чего, не мог прорваться через пелену» (267). Или: «Еще успевал бы немецкий пулеметчик перестрелять их всех. Но — это невозможно было после уступчивого разговора» (336).

Чрезвычайно характерно авторское замечание об интеллигенции до революции: «Профессор, неугодный начальству, еще долго преподавал и носим был на руках, и, даже уволенный, пребывал в ореоле. Но горе было профессору, кого студенты признали реакционером: презрение, бойкот лекций и книг, неизбежный бесславный уход были роком его» (502).

Иногда, подражая манере Гончарова и особенно Толстого, Солженицын находит характерную черту, некую деталь, в облике личности и повторяет ее, как лейт-мотив, признак героя. Таковы, напр., лоб и голова генерала Самсонова. Символы и намеки автора здесь ясны. Что Самсонов застрелится — вполне намечено уже на стр. 325, хотя стреляется он много позже. «Отер лоб. — Как никогда, лоб его был крупен и незащищен: белая мишень над незащитным лицом». Это же подчеркнуто и на стр. 394. Проникновенна глава о сне Самсонова в канун Успения Богородицы: «Успишь... Ты успишь...» (295). Замечательно описание совершающегося в душе несчастного генерала, человека веры и чести, но превыше всего религиозно одаренного. Все мастерски выявлено и подчеркнуто автором: «Поздно, ненужно: на такой высоте парил Самсонов, что это было ненужно ему, уже неокруженному наземным противником, уже неугрожаемому,

уже превзошедшему все опасности. Нет, не облако вины, но облако непонятого величия проплывало по челу командующего... ».

Порою Солженицын поднимается при описании катастрофы для русских корпусов в иной мир. Голос художника и внятен, а словно отдален, рокошет, а будто и шепчет, поет и возносит: « Повсюду было тихо. Полная мировая тишина, никакого армейского сражения. Лишь подвевал свежий ночной ветерок. Пошумливали вершины. Лес этот не был враждебен: не немецкий, не русский, а Божий, всякую тварь приючал в себе... Близкий шелест, отрываемой сосновой кожицы. И — надверхний, поднебесный, очищающий шум » (429). Автор же и командир батареи в Восточной Пруссии. Он все видит и замечает и подчищенные леса, и хозяйственную аккуратность, и трудолюбие немцев: « Сплошь раскидалось картофельное поле, БО-ГА-ТАЯ картошка! Да у немцев и буераки не пропадают, и на склонах все возвращено, и от скота загорожено ». Подобно описаны и небольшие чистенькие города и дома. Есть важное замечание о необходимом минимуме гуманности на войне, об отделении мирного населения от злобы войны. « Воюют мундиры, но было бы за пределами человечности воевать всем против всех ». Чудесно и вдохновенно изображено ночное небо после утихшего боя. И небо это не небо лишь с Земли зримое, а небо Вселенной. И как просто и хорошо это сделано!

Но особо авторским голосом, повторяю, подчеркиваются символы и некие знаки грядущей Судьбы. Вот, на памятник Бисмарку, на неровно шершавую глыбу постамента тяжело оперся генерал Самсонов. Ужасные вести пришли с фронта. Глупец и трус ген. Артамонов все испортил, доносит Крымов. Левый фланг открыт: « Он опирался как будто о скалу, как будто левою рукой — но не было у него больше левой руки.

Отрубили и ее ». Знакома нам и эта « ступенчатость » при выделении красной строкой особо важных концовок.

Герои у каждого писателя могут быть и разными

рупорами, передатчиками дорогих ему мыслей и чувств. Как отделить присное, любимое, личное от созданного типа, живущего уже и своей особой жизнью? Тут важен то юмор, то теплота и нежность описания, или высота умственного уровня, теснящая глупцов. Издеваясь над глупым генералом Благовещенским, Солженицын иронически пишет: «А еще привалило шестому (корпусу), какое редкому корпусу доставалось: артиллерийский тяжелый дивизион, с калибрами, мало известными в русской армии — с шестидюймовыми гаубицами. Уж этот-то ни на что не похожий подарок и совсем не знал Благовещенский куда пристроить, и тоже определил в РЕЗЕРВ. («Он служака был понимающий: за редкое вооружение и ответ большой, если потеряешь. Он и пулеметы, по их драгоценности, старался не выдвигать на передовые позиции...»).

Против таких безмозглых, плоскоумных и трусов, и кипит и пенится гневом дух главного героя — полковника Воротынцева. Он, как отмечала уже критика, слегка напоминает князя Андрея в «Войне и мире», но он прежде всего «младотурк», генштабист, весь в духе и учении ратном Головина. Против его порывистости и крайней нетерпеливости стоит полковник Свечин, человек осторожности и малых, да полезных дел.

Мне иногда казалось, что вечная тревога и нетерпеливая нетерпимость Воротынцева отдалают некоторых читателей от любимца автора. Однако, в его отношении к солдатам, к долгу и чести он — эхо Солженицына. Одно из лучших мест в романе — встреча на холме в лесу с немецким генералом Франсуа, а потом — прорыв группы солдат и офицеров под командой Воротынцева в Россию из Пруссии. Есть, порой, в словах и действиях этого героя нечто, напомнившее мне строки из «Новый класс» М. Джиласа: Хоть все пропади, а скажу, не могу смолчать, должен высказаться!

В окружении Воротынцева из всех солдат выделяется смекалкой, умом, интересом к православию, добропорядочностью и храбрым чувством собственного

достоинства, Благодарев. Это не Платон Каратаев и не один из типов солдат в рассказе Л. Толстого «Рубка леса». Благодарев — сам по себе и человек из деревни уже двадцатого века. Он не из Покорных, ни из Начальствующих, ни из Отчаянных. Кое-чем (любовь к лошадям) он напомнил мне Спиридона из романа «В круге первом». В Благодареве есть понимание и любовь, и знание возвышенной красоты церковной службы. Отпевание полковника, в пустом вражеском лесу, написано прекрасно, и в центре сцены — Благодарев.

Вообще Солженицын, как Достоевский и Толстой, верит в народ, его таланты, духовную силу. И у него на первом месте не рабочий, а крестьянин. Пожалуй, автор здесь показывает пристрастие, особую любовь именно к сельскому солдатскому люду. Так, и толстосум-степняк Томчак из простых. Дельный, трудолюбивый и умный хозяин. Великим непрерывным трудом в сто потов выбился он из батраков да пастухов и стал хлебом и мясом Россию кормить. Груб, хитровато-плутоват Томчак, а деловик, крепыш и симпатичен силой, простотой обращения и тем, что он — хлебороб! Вообще в романе тыл, мирное время начала повествования особенно удачны и ровны в мастерстве описания природы и людей. И жаль, что в этой книге горькой печали и жаркого гнева нет необходимого сбалансирования войны и мира. Не нужен и портит тон повествования, рвет его ритм «Экран» в духе кино-сценария.

Имея дело с писателем и мыслителем ранга Солженицына, чрезвычайно интересно угадать, на основании его произведения, отношение автора к революции 1917 г. Писатель не видел всех эксцессов, всех вывихов мозгов правителей, многочисленных и необъяснимо глупых экспериментов над жизнью живых людей. Со всех сторон ему пели и внушали отвращение к царской России, ее достижения замалчивали, или их не признавали. Я помню, что на Парижской выставке перед войной в советском павильоне висела карта СССР из шлифованных камней и руд Урала. Ее представляли посетителям, как чудо совет-

ского искусства. На деле, это была карта, созданная до войны для русского императора уральцами. На нее только наклеили серп и молот и некоторые новые города (Магнитогорск, напр.).

В такой атмосфере жил, рос и учился наш художник. И вот, через героев, а частью путями авторского голоса, возможно проникнуть в мысли о России Солженицына, его отношение к революции.

Начну с мелочи, да характерной. Соц-революционеры в начале XX века буквально охотились за несчастными городскими, их сотнями убивали. Солженицын описывает обычного городского в Ростове: «стройный бело-черный городской, наблюдая безусловный вокруг себя порядок», разве не симпатичен? И к военной службе в царское время нет никакого отвращения. Сын прогрессивно-леводушный начальницы, — директрисы частной гимназии — Ярослав, против воли матери, «логики и гнева» поступает в военное училище. И... автор сочувствует ему!

Другая существенная черточка: в гимназии начальство не только не прощает наушничество и доносы, а категорически против них! В СССР процветают доносительство и стукачество. В словаре прямо сказано: «Недоносительство есть преступление». Религия же автором уважается, а особо молитва, как центр духовной жизни человека. О молящемся Самсонове замечается — «Молящийся всплывал, чтобы прикоснуться ВЫШНИХ сил и отдаться их воле». Звездочет еще ярче говорит студентам-добровольцам: «Законы лучшего человеческого строя могут лежать только в порядке мировых вещей. В замысле мироздания». Или: «Не заноситесь, что можно придумать — и по придумке самый этот любимый народ коверкать... История не правится разумом». Нельзя, более чем опасно нарушать, «струю истории», «связь поколений, учреждений, традиций, обычаев — это и есть связь струи». А если разорвать, то и самый характер народа может измениться к худшему. «В четырехлетней войне, НАДОРВАВШЕЙ народный дух, кто возьмется указать решающее сражение?» Помнить же надо было и мягкосердым реформаторам-толстовцам,

что у народа не только права, но и обязанности (379).

Еще мелочь: Воротынцев вспоминает в полусне детство и что «седовласый почтенный батюшка никогда не приезжал в тарантасе, а всегда шел пешком, с непокрытой головой» (410)... При разборе честного и храброго офицера монархиста — Нечволодова, не то от его имени, не то от автора упомянуто: «В год низкого убийства Царя-Освободителя». Нечволодов же увидел, что слова о монархии произносили и гвардейские генералы звучно, да считали «быть ей истинно преданным — неприлично» (467).

Я с грустью вспоминаю и ген. Алексеева и Брусилова, и многих других. Наконец, говорится, что и лица русских простых людей, их открытость и доброта могут исчезнуть после первой мировой войны. Кровь и злоба, конечно, стерли мягкость и сердечность со многих русских душ и лиц после революции 1917 года.

Чрезвычайно важны и разговоры Арханогородского и Ободовского. Один — еврей, другой — раскаявшийся анархист-революционер, жаждущий служить России умным и деятельным трудом: — «Вообще — кончился штиль! Штиль в России кончился! А при ветре можно плыть и встречно! с восторгом восклицал Ободовский». И оба они, и русский, и еврей видят две равных по значению задачи: «развитие производительных сил и развитие общественной самостоятельности». Далее: «Нам бы десять лет спокойного развития — не узнать бы ни нашей промышленности, ни нашей деревни». Или: Союз инженеров «поважней, и плодотворней любой политической партии». Думает Ободовский и о завете Д. Менделеева — развитие Сибири, куда тяготеет Россия. Менделеев же и указал приблизительно то место, что может стать центром населения России и Сибири. И упомянуто с грустью, как результат революции, что не иметь нам более трехсот миллионов населения к 1950 году, как высчитал Менделеев. Тут прозвучали читателю слова осторожного Арханогородского: — «Это (возможно) в том случае, Святослав Иакинфович, если мы не возьмемся выпускать друг другу кишки» (529).

Нельзя пропустить и разговор в столичном уни-

верситете студенток и молодого профессора истории — Ольды Орестовны Андозерской. Важность этого места в романе для обнаружения мыслей об обществе и истории самого художника совершенно исключительна. Так, в одном случае Андозерская перефразирует ранние высказывания Солженицына о личности, ее правах и коллективе перед словацким писателем Павлом Личко. Я привел суть их беседы в своей книге о А.И. Солженицыне. «Есть кроме среды — духовная традиция, говорит Андозерская, сотни традиций! И есть духовная жизнь ОТДЕЛЬНОГО человека, а потому, хоть и вопреки среде, ЛИЧНАЯ ответственность каждого — за то, что делает он, и что делают при нем другие... Ведь вы могли помочь, могли помешать, могли руки умыть» (504). Кроме того, Ольда Орестовна утверждает, что жизнь личности не определяется материальной средой, что Средневековье есть период интенсивнейшей духовной жизни Европы, и история Запада «не начинается, как мыслят глупенькие курсистки, с Великой французской революции», а вообще важны для настоящего знания дела и изучения прошлого не говоруны, «не взгляды, а источники».

Совесь и Чесь, Крупный ум и знания, как крылья, всюду поднимают дух нашего писателя. И они родственны друг другу: нет настоящего ума без знаний, а истинно совестливым без чувства высшей Чести быть не возможно! Подробно описан и весь привлекательно обаятельный легкий образ Андозерской. Писатель явно любит ее и ее одеждой и накрутом волос и деловитостью — устройство столовой и стипендий для студентов.

С другой стороны, хотя все революционеры в романе и не мазаны черной краской, но они не вызывают симпатий у читателя. Даже главный представитель леводушных — Саша Ленартович — не привлекает к себе сердце чуткого читателя. В страхе за себя он пасует перед героем чести и ума — Воротынцевым. Ленартович — типичный прапорщик-революционер: «Чем хуже, тем лучше!» Тогда будет революция! Но он же просто не понимает ни совести военного человека, ни долга солдата. Ленартович не

одобряет попытку выручить солдат и офицеров из смертного кольца, из окружения их немцами: « Не лезьте первые, не надо и выручать » (306). Он и несколько заносчив, да не больно лично храбр, хотя победа и его пьянит. Любопытно, что этот революционер как бы повторяет слова поганца Смердякова из « Братьев Карамазовых » : « — Очень жаль, что Наполеон не побил нас в Восемьсот Двенадцатом — все равно б не надолго, а свобода была бы ! » Смердяков говорит то же самое, но подчеркивает просвещенность французов. Нет ни единого вполне симпатичного революционера или революционерки во всем романе Александра Исаевича. Так уж у него вышло, это вам не « Воскресение » Л. Толстого !

Всякого историка литературы тянет к себе отражение художественного слова Прошлого у большого писателя современности, а равно и основные его источники. Из источников очень важна книга Храмова « Восточно-Прусская операция » (1940), сборник документов на ту же тему, воспоминания Г. Шавельского, устные рассказы офицеров, собственный глаз в Восточной Пруссии, труды генштабиста Головина, человека больших знаний и блестящего таланта, и некоторые немецкие труды **). Есть ли ошибки ? Да, есть, только не те, о которых некоторые критики пишут. С чем трудно согласиться — это нападение на неподготовленную поспешность нашей операции. Да, многие генералы были у нас тут плохи, но наступать-то надо было спешно. Мы помогли Жоффру и Галлиени выиграть битву на Марне. Не будь русской революции, мы бы и без особых жертв торжествовали победу вместе с Союзниками.

Отклики литературы в романе приглушены, но их не так уж мало. Упомяну « русских мальчиков » (самонадеянность ! ») из Достоевского, преданная долгу

**) Особо значение воспоминаний ген. von François. О них подробно писал проф. Г. Струве в « Новое Русское Слово » от 12 и 19 сентября 1971 г. Ценные указания даны и Б. Пряшниковым в статье « Солженицын, Верховский и другие », *Новое Русское Слово* от 25. XI. 1971 г.

грустная Татьяна, разочаровавшаяся в любимом человеке; зашифрованный Н. Бердяев «О назначении человека» (книга еще 1931 г.). Напоминает слегка начало «Анны Карениной» вступление к главе 57: «Бывают дети продолжением родителей, и бывают — в сторону совсем...» Любопытно, что преклоняясь перед гением и мастерством Льва Толстого, Солженицын его и жестоко, но справедливо критикует. Это ясно и там, где рассказано, как Толстой отвергает всякую рифмованную поэзию, где строчки «как солдаты». Подобное же есть и в анализе рассуждений о стратегии и тактике в «Войне и мире». Напр.: «Интуиция светилась у своевольного Франсуа, вероятно не ведавшего о совете Льва Толстого, что «бессмысленно становиться на дороге людей, всю энергию направивших на бегство» (360). Издеваясь над трусовато-бездарным генералом Благоещенским, Солженицын иронизирует: «И, как толстовский Кутузов, он понимал, что никогда не надо производить никаких собственных решительных резких распоряжений... что ВОЕННОЕ ДЕЛО ВСЕ РАВНО ИДЕТ НЕЗАВИСИМО, ТАК, КАК ДОЛЖНО ИДТИ, НЕ СОВПАДАЯ С ТЕМ, ЧТО ПРИДУМЫВАЮТ ЛЮДИ; ЧТО ЕСТЬ НЕИЗБЕЖНЫЙ ХОД СОБЫТИЙ и лучший полководец тот, кто ОТРЕКАЕТСЯ ОТ УЧАСТИЯ В ЭТИХ СОБЫТИЯХ» (464).

Наш писатель — человек большого серьезного ума, вне вывихов логики, вне шор и предвзятостей. Он искренно верит в Бога (см. его молитву), но он знает: «Бог-то Бог, да не будь сам плох!» В жизни людей есть и случай и удача, и незаслуженный провал, но есть и доля личной свободы, волеустремления, дела и свобода в творчестве гения. Как артиллеристу, ему легче доступна позиция выше окопов пехоты, шире его горизонт, зорче глаз. «Август 14-го» начало, но и на основании первой части романа, ясно и читателю и писателю, что тыл развалит фронт, дух разрушения вырвет победу у русских не столько по вине безмозглых генералов и неподготовленности страны к долгой войне, а прежде всего деятельностью и болтовней накаленных ненавистью Ленартовичей.

Из национально и религиозно чутких душ осо-

бенно важна Оря. Лично-авторское, случай из своей жизни, мне кажется — сон Воротынцева, где особую роль играет рубашка Алины. Вообще сон и предчувствия очень важны в творчестве Солженицына. В заключение хочется привести грозно-пророческие строки из начала романа: Страна быстро росла — «годы такие пошли, что Россия соками наливается, не воевать надо было...» Но захлестнула петля грозной Госпожи Истории, затянулся первый узел: «Будто разверзся донный провал и туда с кручением и гулом стала навсегда уходить вода озера». Так говорит нам Солженицын.

ДОПОЛНИТЕЛЬНЫЕ БИОГРАФИЧЕСКИЕ СВЕДЕНИЯ

Теперь (весна 1972 г.) мы знаем и некоторые другие факты из жизни писателя-мученика. Он помнит, как мать вместе с ним закапывала боевые ордена, полученные его отцом за храбрость в войне с немцами. Отец трагически погиб в 1918 г. Помнит Солженицын, как его мать не могла найти места службы из-за «сомнительного непролетарского происхождения» — знала французский и немецкий, а муж был офицером гренадерской артиллерии. Знает писатель, что мать умерла от туберкулеза и истощения в 1949 г., не дождавшись освобождения сына. До второй мировой войны, лет пятнадцать мать и сын жестоко бедствовали, не зная что такое водопровод или сносная комната. А ныне Солженицын изгнан из Союза советских писателей! Женившись вторично, имея маленького ребенка Ермолая, первое свое дитя, лишен права печататься и даже возможности получить Нобелевскую награду, хоть в частном доме! Жену лауреата, математичку Наталию Дмитриевну выгнали со службы, не думая о том, что у нее малое дитя. Выгнали незаконно. Можно ли молодой тридцатидвухлетней женщине быть женою опального писателя!? Теперь мы знаем и нечто о друзьях Солженицына и о его беспримерно храброй и трогательно жертвенной деятельности. Друзья: физики и Академики — Капица и Сахаров, музыкант — виолончелист Ростропович, ныне покойный поэт — Твардовский, поэтесса Ахмадулина, писательница Чуковская, вот некоторые из друзей и почитателей Солженицына. И все это люди высокой культуры и таланта. Однако всего важнее общественная деятельность нашего Правдолюбца. Он, в своих пись-

мах и обращениях, защищает невинных людей, права общества, честь и достоинство личности и религию. Таковы: 1) Открытое письмо к Съезду писателей в Москве. В нем ставится ребром вопрос о злоупотреблениях жесточайшей цензуры. 2) Письменное обращение в защиту биолога Жореса Медведева, упрямого в психическую больницу за переписку с западными учеными, и критику плохого биолога, но отличного доносчика — Лысенко. 3) Слово на могиле поэта-друга А.Т. Твардовского, затравленного редактора «Нового мира». 4) Великопостное письмо патриарху Пимену. Солженицын обвиняет патриарха в попустительстве властям, защищает незаконно гонимых священников, права православных мирян и Церкви, гонимой атеистами. И всегда слово лауреата полно фактами правды, овеяно редкостной духовной мощью и свежим остроумием. Так, говоря о группе враждебных по духу лиц к Твардовскому, которые окружили его гроб в числе тринадцати, писатель поминает «нечетную дюжину» обступившую останки поэта. Разговорно обычное же для числа тринадцать — «Чертова дюжина».

Против Солженицына все время в советской печати ведется кампания лжи и клеветы. Ему приписывают слова никогда им не сказанные, цитируют не только извращая текст, но добавляя отсебятину. А ответить на клевету и ложь нигде, судиться невозможно. Когда же кто, как Мстислав Ростропович, скажет слово правды в защиту нашего писателя, того наказуют, отменяют право поездки за границу, а его жену — оперную певицу — лишают на известное время ангажемента. Сердце просто поворачивается и щемит читая, как всякого инакомыслящего мучают в СССР за свободу мысли, за слово простой общедоступной правды. И тут мне приходят в голову прегорькие мысли: А что если бы и половина таких незаконных преследований с нарушением своих же законов, пала на западного писателя-лауреата? Боже, сколько бы было шума, уличных демонстраций, справедливого гнева свободной печати! Ужели гуманность, права личности, право на свободное слово художника нас

волнуют только за своего, здесь, или когда это коммунист и анархист? Что же не гремят представители союзов вольных писателей, философских обществ, тысяч культурных и свободных студентов и профессоров? Где спряталась свободолюбивая и протестующая молодежь? Но ответа на эти вопросы не получишь... А что, если кто не борется за Правду, — рано ли, поздно ли — получит НЕПРАВДУ и РАБСТВО?

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Творчество Солженицына — особый этап в развитии русской литературы. Прежде всего это беспощадное обличение Сталина, сталинцев и всего режима сыска, страха, террора и *бесправия*, во имя справедливости. С литературно-критического подхода бросается в глаза живой язык автора, его богатство и своеобразная лексика. Построены произведения то на принципе сказ и комментатор (ОДИН ДЕНЬ ИВАНА ДЕНИСОВИЧА), то одногласного романа с незримым автором (РАКОВЫЙ КОРПУС), а в случае В КРУГЕ ПЕРВОМ — на принципе полифонии и манере «контрапункта» А. Хаксли (Huxley).

Всюду, очень строго, Солженицын проводит доходчивый психологический реализм близкий к Л. Толстому. Гуманист, Солженицын, помнит на Земле и о Небе.

«И не возражайте мне, — пишет Солженицын трем студентам, что — все понимают справедливость по-разному». Нет! Могут кричать, за горло брать, грудь царапывать, но внутренний стукоток так же безошибочен, как и внушения совести». ⁹⁶ Или по Сологдину: «... Чем выше цель, тем выше должны быть и средства! Вероломные средства уничтожают и саму цель».

---

⁹⁶ Подробнее, см. «Ответ трем студентам» в «Новом Журнале» № 94, стр. 145 слева. — Крупнейший экономист Франции (1847—1932) Шарль Жид, доказывал существование чувства справедливости и у животных (белки).

БИБЛИОГРАФИЯ *

I

1. А. Солженицын: *Сочинения*. Изд. «Посев», Франкфурт на Майне, стр. 317 + I.
2. А. Солженицын: «*Раковый корпус*» Изд. YMCA-Press, Париж, 1968 г., стр. 446 (YMCA издала и «*В круге первом*» в 1969 г. стр. 663).
3. А. Солженицын: «*В круге первом*». Изд. Harper & Row, New York 1968. Стр. 515.
4. А. Солженицын: «*Пасхальный крестный ход*». «Русская Мысль» от 20 марта 1969 г. Париж (Приложение, стр. I).
5. А. Солженицын: «*Правая кисть*». «Грани» № 69, Франкфурт на Майне, 1968 г.
6. «*Олень и Шалашовка*», (драма). «Грани» № 73.

II

1. Р. Гуль: *Солженицын, соцреализм и школа Ремизова*. «Новый Журнал» № 71, Нью-Йорк, 1963 г.
2. J. Dallin & B. Nikolaevsky: "Forced Labour in Soviet Russia". YALE Univ. Press, 1947.
3. A. Herling: "The Soviet Slave Empire". New York, 1951.
4. В. Завалишин: «*Повесть о мертвых домах и советском крестьянстве*». «Грани» № 54. Франкфурт на Майне, 1963 г.
5. В. Лакшин: «*Иван Денисович — его друзья и недруги*». «Новый Мир» № 1, Москва, 1964 г.

---

* На разных языках о Солженицыне существует уже значительное число работ. Сочинения его изданы в переводах на иностранные языки хотя часто плохо. Привожу здесь лишь то, что, по моему мнению, наиболее важно. В дополнении дана и литература о лагерях в СССР. Хороши переводы на испанский И. Астрада (Буэнос-Айрес), 1969, и статья испанского критика Гонзалес Ланузы.

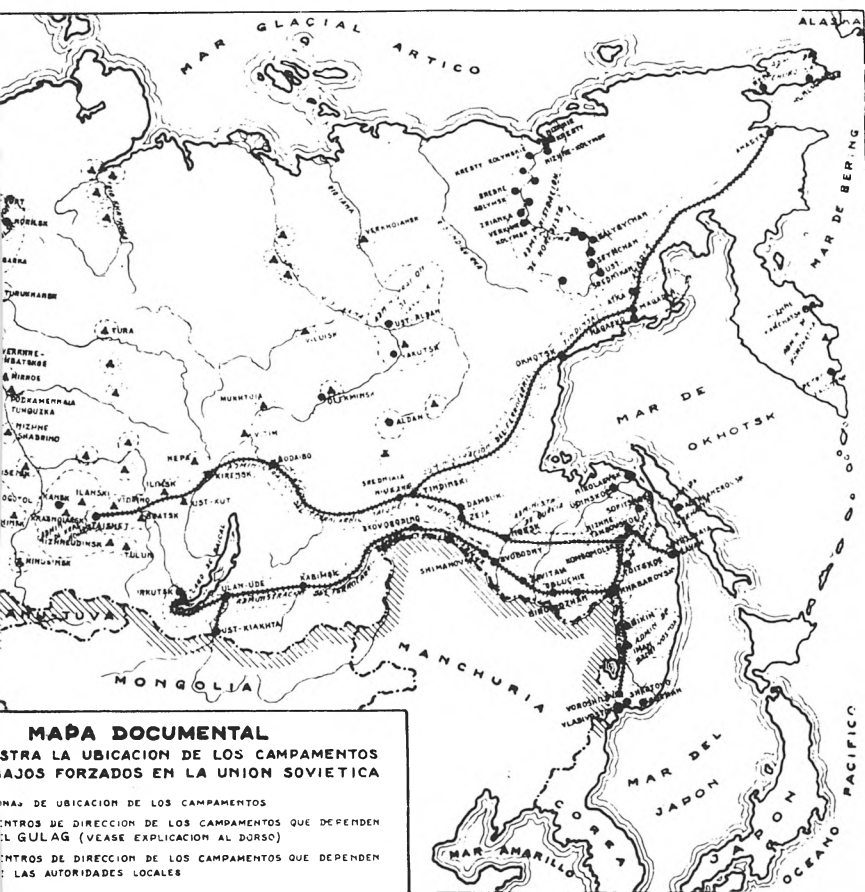
6. М. Михайлов: «Мертвый дом Достоевского и Солженицына». «Посев» № 51, Франкфурт на Майне, 1966 г.
7. N. Pervoushin: "The Soviet Writer Solzhenitzyn". Slavic and East European Studies, c/o Loyola College, vol. X, part 1—2, Montreal, 1965.
8. Р. Плетнев: «Великий писатель». «Новое Русское Слово» от 9 марта 1969 г. Нью-Йорк.
9. В. Ростов: «Раковый корпус». «Новый Журнал» № 94, Нью-Йорк, 1969 г.
10. S. Swianiewicz: "Forced Labour and Economic Development". Oxford Univ. Press. London, 1965.

III

- 1а. Иосиф Бергер: «Свет в полночь». Израэль, 1963.
1. А. Б. Горбатов: «Годы войны». «Новый Мир» №№ 3, 4, 5. Москва, 1964.
2. Б. Дьяков: «Повесть о пережитом». «Октябрь» № 7, Москва, 1964 г.
3. Н. Краснов (младший): «Незабываемое». Изд. «Русская Жизнь», Сан Франциско, 1956 г.
4. Ю. Б. Марголин: «Путешествие в страну Зэ-Ка». Изд. им. Чехова, Нью-Йорк, 1952 г.
5. А. Побожий: «Мертвая дорога». «Новый Мир» № 8, Москва, 1964 г.
6. М. Приходько: «На роздоріжках смерти» (по-украински). Изд. «Спилки Тризуб., Виннипег, 1949 г.
7. М. Соловьев: «Когда боги молчат», тт. I и II. Изд. автора, Нью-Йорк, 1963 г.
8. И. Солоневич: «Россия в концлагере». Изд. П. Р. Ваулина, изд. 5-е, Вашингтон, 1958 г.
9. Б. Ширяев: «Неугасимая лампада». Изд. им Чехова, Нью-Йорк, 1954 г.
10. «Бюллетень Союза бывших политзаключенных» № 6, 1952 г., Мюнхен. (Приложение к «Голос народа» — «О нормах питания лагерников»). О Сталине см. сообщения А. Орлова и Исаака Левина в "Life" от 23 апреля 1956 г., Нью-Йорк.

QUE M
DE TR

ПРИМЕЧАНИЕ К КАРТЕ

В СССР в годы 1947—1948 было 750 лагерей принудительного труда. Позднее некоторые были расформированы, но зато организованы другие, даже и при Н. С. Хрущеве. Так, в Мордовской республике был открыт ряд новых ИТЛ.

На карту нанесено лишь сравнительно незначительное число лагерей. Эков-лагерников теперь меньше, но все же их немало. Лагеря появились в СССР еще при В. И. Ленине. На это, между прочим, указывали и маршал Тито и репрессированный им М. Михайлов.

Интересные данные о женских лагерях можно найти в книге Е. Гинзбург «Крутой маршрут» изд. Арнольдо Мондодори, Милан, 1967 г.

Воспоминания Серебряковой менее интересны и хуже написаны. В «The Montreal Star». 19. 4. 1969 в приложении "Entertainements" Victor Louis описывает подмосковную дачку Солженицына и отрицает свою связь с печатанием за границей «Ракового корпуса».

СОДЕРЖАНИЕ

Эпиграф	3
Вместо предисловия	4
Введение	5
Один день Ивана Денисовича	10
Рассказы и стихотворения в прозе	23
Раковый корпус	35
В круге первом	64
Вопросы гуманности и Фауст Гете	68
Живопись и идея	74
Отголоски родной литературы	78
Язык и мастерство	83
Догма, догматики и Царь догмы	91
Нержин и другие	112
Жены и женщины	120
Жизнь под пятой Сталина	132
Август четырнадцатого	142
Дополнительные биографические сведения	162
Послесловие	165
Библиография и карта лагерей	166
Примечание к карте	171